

Борчанинов
Геннадий

УДАЧА МЕРТВЕЦА

2017

Когда капитана пиратского корабля оставляет на верную смерть его же команда, то только лишь жажда мести может вести его вперёд. Вот и Эдварда Картера ведут лишь жажда мщения и воля к жизни. И что будет дальше — неизвестно. (Морские термины могут быть перепутаны и отличаться от реальности. Если кто обнаружит — пишите в комментарии, буду благодарен.)

Геннадий Борчанинов

Удача мертвеца

— Очухался? — прозвучал голос в темноте.

Голова гудит как после весёлой ночи, а глаза никак не получается разлепить. Даже этот голос, смутно знакомый, доносится как будто издалека, сквозь толстое одеяло.

— Плесни-ка воды, Джим.

На меня обрушивается поток солёной морской воды. Хочется пить. В глотке пересохло, и вместо слов получается только сипение и кашель.

— Дайте ему попить, проявим милосердие, — произнёс кто-то. С нескрываемой злобой и усмешкой в голосе.

С трудом у меня получается открыть один глаз. Яркий отблеск на морских волнах заставляет снова закрыть его. Передо мной только песок, море и чьи-то ноги.

— Откройте рот, капитан, — юный Джим поит меня водой из фляги.

Живительная влага придаёт сил, но встать не получается. Я по самую шею закопан в песок. Закопан так, чтобы видеть море и мой бриг. Тут же на берег вытащена шлюпка.

— Он уже не капитан, Джимми, — напоминают ему. Старший помощник, боцман и квартирмейстер. Первые после капитана, и теперь первые на всём корабле.

— Мистер Картер, благодарите Господа, что вас не решили вздёрнуть или бросить за борт. Вас всё-таки уважают, и мы решили высадить вас здесь, — улыбнулся квартирмейстер, сидя передо мной на корточках. — Доминика, райский уголок. Вам здесь понравится, полагаю.

— Хватит с ним церемониться, Пит. Он с нами не церемонился, — рыкнул боцман.

— Где остальная команда? — сиплым тихим голосом спросил я.

— На корабле. Они думают, что мы тебя просто высадим. Они же не знают, что ты утаивал часть добычи, Эдвард, — произнёс старпом, глядя на мой корабль.

Я плюнул ему на сапоги.

— Ты не жилец, Эд, поэтому я на тебя не сержусь, — улыбнулся он, подставляя сапог морской волне. — Скоро начнётся прилив. А потом твою лживую башку обглодают крабы. Но по обычаю берегового братства мы оставим тебе пистолет и пулю. Нельзя нарушать традиции, правда, Джек?

— Святая правда, старина Уилли! — отозвался боцман, осеняя себя крестом.

— Я приберегу эту пулю для тебя, Уильям Мур, — произнёс я, пытаюсь пошевелить плечами.

— Желаю удачи, капитан, — Уилл снял шляпу и согнулся в насмешливом поклоне. Я попытался плюнуть ему в рожу, но промахнулся.

— Удачи, кэп. Не забывай нас, — заржал боцман.

— Он нас на всю жизнь запомнит, — произнёс старпом, выталкивая шлюпку на воду.

Квартирмейстер попросту встал и ушёл, а юный Джим оставил мне флягу с водой.

— Прощайте, капитан, — вздохнул он.

— До встречи, Джимми.

Я смиренно наблюдал, как мои бывшие офицеры садятся в лодку и оставляют меня по горло в песке. На пустынном берегу Доминики. Где-то на западном побережье есть французский посёлок, но здесь меня никто не найдёт.

Ещё одна попытка пошевелить плечами — и снова безуспешно. Джим закопал меня

достаточно небрежно, но песок никак не хотел выпускать меня из объятий.

— Попался, как кур в ошип, — пробормотал я.

Шлюпка наконец достигла корабля и её втащили на борт. «Удача мертвеца» теперь больше не моя. А вот возможность стать мертвецом вполне реальна.

Я чертыхнулся и снова попробовал выбраться из плена, но песок, хоть и рыхлый, не давал пошевелиться, заодно вытягивая из меня тепло. Волны подступали всё ближе, обдавая солёными брызгами.

Лихорадочное дёрганье плечами ни к чему не привело, а руки и ноги онемели настолько, что я уже не чувствовал пальцев. Представляю, как сейчас злорадствуют старпом с боцманом. Уильям всегда был скользким, как угорь, и амбициозным, как Цезарь. Опасное сочетание. А Джек, боцман, попросту не смог простить мне килевания. Они тоже не заслуживают прощения.

Прибой уже лизал мне бороду, и по расчётам, уже скоро будет скрывать меня с головой. Нужно либо выбираться, либо срочно отращивать жабры.

Я быстро осмотрелся, насколько мог. Фляжка, которую мне оставил Джим, пистолет, и больше ничего. К счастью, фляжка достаточно близко. Я ухватил её зубами, вытянул пробку и выпил остатки воды. Крепко держа флягу за горлышко, я попытался копать, двигая головой. Если вы когда-либо пробовали долго смотреть вверх, задерживая дыхание и одновременно плясать джигу, то ощущения, наверное, примерно похожи.

Песок убывал крохотными горсточками, но всё-таки убывал. Перед моим лицом появилась неглубокая борозда, которая тут же заполнилась водой. Размокший песок копать оказалось тяжелее, но эффективнее. Вскоре я уже мог свободно двигать плечами. Челюсть давно уже болела от непосильного труда, а шея просила пощады. Но воля к жизни заставляла меня копать дальше.

Волны били меня в лицо не хуже профессионального бойца, но я копал до тех пор, пока копать уже стало нечего. Я вырыл перед собой небольшую ямку, но этого хватило, чтобы освободить плечи. Я тут же стал барахтаться, как лягушка в молоке. Онемевшие руки удалось вытащить, уже когда вода подступила к губам. Теперь я нырял и откапывал мокрый тяжёлый песок руками.

Когда вода скрыла меня с головой, я был зарыт по колено. Гостеприимная земля Доминики не желала отпускать меня. Перед глазами пошли круги от нехватки воздуха, но всё-таки я успел вырваться из смертельных объятий этого берега.

Я выскочил из ямы, как ужаленный, вдохнул свежего морского воздуха и плюхнулся на водную гладь, сжимая в руке оставленный мне пистолет. Теперь вода не пыталась убить меня, а только лишь убаюкивала, качая на волнах. Меня вынесло на берег.

Проснулся я только к вечеру. Даже не верилось, что я жив, и в очередной раз выпутался из скверной истории. Теперь оставалось только выйти к людям и выбраться с этого клочка суши.

Тропический ливень хлестал как из дырявого ведра, от земли поднимался пар. Низко висящие тучи скрывали за собой горы, занимающие большую часть острова. Море, бывшее спокойным и тихим сегодня утром, теперь бушевало, поднимая огромные волны. Если бы меня закопали сейчас, то не осталось бы никаких шансов.

Я ещё раз огляделся и осмотрел себя. Руки-ноги на месте, с собой только пистолет с промокшим порохом, пустая фляга и штаны с рубахой. Проклятые мятежники не оставили мне даже сапог. Я вздохнул и отправился вдоль берега. Подниматься в горы без мачете и

проводника-индейца казалось совершенной глупостью.

А где-то вдальеке, на волнах Антильского моря, качался мой бриг, «Удача мертвеца», на котором я грабил испанцев последние несколько лет. Верная команда и надёжные офицеры, побывавшие со мной в десятках сражений, отвернулись от меня сразу же, как только наступила чёрная полоса. Последние месяцы на горизонте не попадалось ни одного судёнышка, и первый же испанский галеон, который мы взяли на прошлой неделе, оказался пустым как барабан. У команды мы забрали оружие и личные драгоценности, а у капитана я обнаружил неплохой сборник Аристотеля, который взял себе. Как оказалось, зря. Старпому нужен был только повод, чтоб обвинить меня во всех смертных грехах. Несомненно, сейчас его выбрали капитаном, и он идёт куда-нибудь подальше отсюда и поближе к испанским колониям.

Дождь промочил меня до нитки, а от душного тропического воздуха болела голова. Но я упрямо шёл вдоль берега, изредка чертыхаясь, когда под ноги попадались острые камни или ракушки. Солнце давно село, луна скрылась за чёрными тучами, и мне приходилось идти почти вслепую. Желудок недовольно бурчал, проклятые мятежники вытащили меня из каюты ещё до завтрака. А идти ночью в джунгли, чтоб пособирать какие-нибудь плоды — ещё глупее, чем идти ночью в чужое поселение без денег и оружия. В конце концов, я отошёл от воды, улёгся прямо на голую землю и попытался уснуть.

Утром я проснулся совершенно разбитым. Болели все кости и суставы, словно неведомый палач выкручивал их всю ночь. Сон на жёсткой земле после уютного гамака в своей каюте не располагал к хорошему самочувствию.

Я ополоснул лицо морской водой, и пошёл дальше, моля Бога, чтобы французское поселение оказалось не слишком уж далеко. Шум прибоя немного успокаивал, но меня всё равно переполняла злость. Я оказался отвратительным капитаном, если не смог разглядеть мятеж у себя под носом. Уильям подговорил самых влиятельных членов команды.

К обеду я вышел на мыс, где береговая линия поворачивала к северу. По моим прикидкам, идти оставалось всего несколько часов. Главное, чтоб французы не приняли меня за беглого каторжника, иначе на лбу мне выжгут буквы Б.К., закуют в кандалы и отправят на ближайшую плантацию, даже не разбираясь, кто я такой.

Впереди показался серый дым, и ветер донёс до меня запаха человеческого жилища раньше, чем я увидел само поселение. Французы основали в этой бухте небольшой городок, Лубьер, на западном побережье, поближе к морским путям из Гваделупы на Мартинику, и теперь на острове, кроме индейцев-карибов, проживали около сотни поселенцев, выращивающих хлопок, кофе и сахар.

На рейде стояло несколько рыбацких баркасов, по единственной улице фланировали немногочисленные местные дамы, а где-то на плантации слышались крики надсмотрщика. Лубьер оказался типичной колониальной глухоманью, затерянной посреди океана.

Я раньше здесь не бывал, но сходу узнал все важнейшие точки. Я заткнул пистолет за пояс, прикрыл рубахой и направился на рынок, намереваясь украсть хоть кусок хлеба. Воровское ремесло, которое привело меня из Лондона на отдалённые острова южных колоний, в очередной раз поможет не умереть от голода.

Небольшие прилавки, заполненные фруктами, рыбой и тем скудным пропитанием, что родила здешняя земля, теснились друг к другу, словно осиротевшие дети. Торговки, прикрываясь от полуденной жары, лениво болтали о немногочисленных здешних новостях.

— Bonjour, мадемузели! — вспоминая французские слова, поприветствовал их я и

развёл руками в воздухе, жестом показав, словно снимаю перед ними шляпу.

Торговки переглянулись между собой. Немудрено, ведь встретить в маленьком городке на отдалённом острове человека, который выглядит так, будто только что встал из могилы и к тому же, с трудом говорит по-французски — достаточно для любых подозрений.

— Bonjour, monsieur, — нестройным хором, наконец, отозвались женщины.

— Я бы хотел узнать, когда отсюда идёт ближайший корабль до Мартиники, — на ломаном французском произнёс я, но меня, кажется, поняли.

Я бы предпочёл, чтобы они немного посоветовались и отвлеклись на разговор, и я бы тем временем стянул хотя бы парочку бананов, но торговки сориентировались моментально.

— Со следующим приливом, вестимо, — ответила одна из них.

Мой желудок издал протяжный низкий рык.

— А ты, поди, из беглых? — прищурилась одна из торговок, глядя мне прямо в лицо.

— Не похож он на каторжника, — возразила другая, помоложе. — Чересчур здоровый.

— Нет, нет, я не из каторжных, — замахал я руками. — Я... Эмм... Потерпел кораблекрушение.

Женщины снова переглянулись.

— Так ведь ни одного шторма не было с прошлой недели, — возразила та, что приняла меня за беглого. Похоже, я ей не понравился.

— Шлюпка моя на рифы наскочила, не справился, — я картинно вздохнул. — Сейчас бы хоть до Мартиники добраться.

— Контрабандист что ли? — нахмурила брови торговка. Остальные о чём-то быстро зашептались.

— Путешественник, — солгал я, осознавая, насколько хрупкой и неправдоподобной оказалась моя наспех придуманная история.

— Ну-ну, путешественник, — фыркнула другая женщина. — Мари, зовите стражу.

Такой вариант развития событий меня совсем не радовал. Очень многие знали меня как капитана пиратского корабля, а болтаться на виселице после всего пережитого не очень-то хотелось.

— Мари, мадемуазель, право, не стоит, — пока одной рукой я активно жестикулировал, вторая рука словно сама по себе стянула с прилавка несколько фруктов. — Я, в таком случае, прогуляюсь до пристани, спрошу у них, не надо беспокоить стражу.

Торговки, кажется, немного успокоились, и я поспешил удалиться и, наконец, хоть немного поесть. Как глупо получилось. Навёл на себя подозрения, как будто впервые вышел на промысел.

Я сидел на берегу, разглядывая набережную и любясь пейзажем тихого провинциального городка. Баркасы, стоящие в бухте, так и манили к себе, но я старался не слишком глазеть на них. Украсть корабль дело непростое, а я и так уже привлёк к себе слишком много внимания. Нужно дождаться ночи, и незаметно доплыть до нужного баркаса. Я уже приметил себе один, побольше. Настоящему капитану нужен настоящий корабль, но в моём случае сойдёт и такое корыто. Всё-таки, из капитанов меня сместили.

Весь остаток дня и вечера я провёл, прячась от патрулей стражи, которые так и норовили заглянуть в моё тихое укрытие между зарослями акации. Похоже, торговки всё-таки наябедничали. Но я предусмотрительно избегал любых контактов с местными.

Когда солнце утонуло в морской пучине, и короткие тропические сумерки быстро сменились светом луны, я вышел на дело. В кустах стрекотали цикады, горожане гасили

огни в домах и отходили ко сну, а я готовился к заплыву. Тёмные корпуса баркасов качались на волнах почти невидимые, но я ещё днём тщательно продумал свой маршрут. В жилах играла кровь, как и перед любым другим важным делом, и я был готов на всё, лишь бы выбраться с этого проклятого острова.

Набережную освещали несколько фонарей, и редкие ночные патрули проходили мимо причалов. Дождавшись, пока стражники вернутся на свой пост, я привязал пистолет себе на шею, снял рубаху и нырнул в беспокойное море. Тихий плеск скрылся за шумом прибоя, и я постарался как можно дальше проплыть под водой.

Луна серебряной кистью красила морские волны, которые так и стремились отбросить меня назад к берегу. Я плыл изо всех сил, жалея, что не решился украсть шлюпку или соорудить плот, и мои усилия постепенно приближали меня к цели. Рыбацкая лодка тихо качалась на воде, но эта тишина оказалась обманчивой.

Я уже почти подплыл к борту, когда услышал чью-то молитву. На баркасе остались люди, к своему ужасу осознал я. Другая лодка осталась далеко позади, а до следующей мне попросту не хватит сил доплыть.

Молитва закончилась, я услышал два пожелания доброй ночи на французском. Похоже, что рыбаки решили заночевать на баркасе и ранним утром отправиться на промысел.

— Сейчас, отлить схожу, — раздался голос в темноте, и я понял, что это мой шанс.

В свете луны я увидел, как человек прошёл на корму и отвернулся, и я в тот же момент перевалился за фальшборт, размахивая пистолетом, держа его за ствол. Наверное, рыбаки подумали бы, что это сам морской дьявол появился на их баркасе, если бы я дал им хоть секунду на размышления. Я с размаху врезал рукоятью пистолета ближайшему рыбаку, который даже не успел встать со своей лежанки на палубе, и пулей бросился на корму, тяжёлым пинком отправляя незадачливого моряка за борт. Теперь я могу с чистой совестью хвастаться, что в одиночку захватывал корабль с командой.

Больше на баркасе никого не было, и я со скоростью ужаленной кошки принялся ставить паруса и поднимать якорь. Нужно удирать отсюда как можно скорее. Я уже выбирал последний фал, когда рыбак, оставшийся за бортом, очнулся и завопил о помощи на всю бухту. Я надёжно, как и подобает хорошему моряку, закрепил фал, и свежий ночной бриз потянул мой баркас в сторону открытого моря. Один удар подобранным на палубе тесаком — и якорь больше не держит меня.

Я оглянулся на берег, где уже спускали шлюпки на воду. Похоже, им моя выходка не понравилась, подумал я и улыбнулся.

— Будь проклята, Доминика! Будьте прокляты, лягушатники! Будь проклят, Уильям Мур! — заорал я во всю глотку, радуясь, что снова смог ускользнуть от неминуемой гибели.

Вслед мне раздались ответные крики и проклятия, но свежий ветер уносил мой корабль прочь от этого острова, этих криков, и этой острой стали, что ждала меня в том случае, если меня поймают.

Рыбак, которого я вырубил первым ударом, зашевелился и застонал, ворочаясь на своей лежанке. Наконец, он пришёл в сознание и попытался встать, но его закачало, и он выплеснул содержимое своего желудка за борт. В таком состоянии он даже краба разделить не сможет, а уж мне-то он не соперник и подавно.

— Прости, друг, но мне пришлось тебя ударить, — произнёс я на французском. — В ближайшем порту я тебя отпущу, клянусь своей шпагой. А пока придётся немного потерпеть мою компанию. Иначе какой же я капитан без команды?

Француз промывал что-то невнятное, держась за голову, и снова согнулся над фальшбортом.

— Повезло, что не убил, — хохотнул я.

Пока рыбак страдал от внезапного похмелья, я быстро обшарил кораблик от носа до кормы. Самый обыкновенный рыболовецкий баркас, без каких-либо особенностей или примечательных свойств. Похоже, даже для контрабанды его не использовали. Нестерпимо воняло рыбой, но это и не удивительно.

Я заглянул в трюм, где обнаружил лишь мешки с песком, уложенные для правильной осадки этого корыта, рыбацкие сети и небольшой запас подгнивших сухарей. Больше ничего. Ни запасных парусов, ни рангоута, ни инструмента. Радость от обретения корабля постепенно сменялась тревогой.

Рядом с пустой лежанкой на палубе я нашёл непромокаемый свёрток, в котором рыбаки хранили судовой журнал, перо и баночку засохших чернил. Читать на французском я умел ещё хуже, чем разговаривать, но название баркаса понял. Старое корыто, за всю свою жизнь не ходившее дальше побережья Доминики, носило гордое имя небесного покровителя Франции — Святого Дени.

— Я только что взял на abordаж безголового святошу, — ухмыльнулся я, взглядываясь в неровные строчки под светом кормового фонаря. — Надо бы переименовать эту посудину.

Рыбак тем временем немного пришёл в себя и теперь сидел, привалившись спиной к мачте и полушёпотом бормоча свои молитвы.

— Надо же, ещё один святоша, — я хмыкнул и захлопнул судовой журнал. — Как тебя зовут?

Рыбак не отозвался и перекрестился, продолжая молиться.

— Отвечай! — рявкнул я, вихрем накинувшись на француза.

— Amen, — он закончил молитву и только после этого снизошёл до более насущных проблем. — Филипп. А ты — грязный пират и разбойник.

— Я и без тебя прекрасно знаю, кто я, — прорычал я. — Меня зовут Эдвард Картер, и с этого момента я капитан этой посудины. А значит, ты подчиняешься мне, если не хочешь отправиться прямиком к морскому дьяволу в зубы!

Филипп приподнялся, перекрестился, мотнул головой и тут же привалился обратно к мачте, с гримасой боли на лице. Удар по голове — очень коварная штука.

— Кстати, неплохое название для этого кораблика. «Морской дьявол». Как тебе, а? — я с ехидной ухмылкой поинтересовался у набожного рыбака, который в ответ прошептал что-то непонятное. — Пожалуй, так и запишем.

Я открыл судовой журнал на новой странице, смочил чернила морской водицей, окунул перо в чернильницу и неровным корявым почерком вывел: «Осьмнадцатого июня... года «Сен-Дени» сменил командование и отныне именуется «Морской дьявол», порт приписки — Порт Ройал, Ямайка. Капитан Эдвард Картер.»

На Ямайке никто не будет спрашивать, откуда этот корабль, а несколько монет в карман управляющему помогут легализовать новоприобретённую посудину. Французы, конечно, могут узнать баркас, но для меня главное, чтобы с британскими властями не возникало проблем. Да и задерживаться на этом корыте надолго я не собирался.

Звёзды и луна серебрили водную гладь, а «Морской дьявол» стремительно мчался на северо-запад, в открытое море, полное опасностей, приключений и славной добычи.

Наутро я проснулся свежим и отдохнувшим, а Филипп, наоборот, выглядел откровенно жалко, что-то беспрестанно бормотал на родном языке и с тревогой глядел в сторону покинутого берега.

— Хочешь назад? Я тебя не держу, — я пожал плечами, окидывая взором линию горизонта. Со всех сторон нас окружали морские просторы, и только за кормой вдалеке виднелась светлая дымка облаков, лежащих на горных склонах Доминики.

— Нет, месье... — рыбак тяжело вздохнул, опираясь руками на фальшборт. — Если мы хотим идти в открытое море, то у нас не хватит воды.

Я тяжёлым шагом направился к бочонку.

— То есть, ты хочешь сказать, что вы со своим дружкой воды не набрали? — рыкнул я, поднимая тяжёлую крышку. В заросшей плесенью бочке на уровне середины плескалась затхлая старая вода. — Вы вообще, я смотрю, за кораблём не следили?

— «Сен-Дени» — один из лучших кораблей в нашем порту! — с вызовом сказал француз, особо подчёркивая старое название баркаса.

— Если это лучший, то хотел бы я взглянуть на худшие, — вполголоса пробормотал я и закрыл бочонок, теперь столь драгоценный.

— Хотел бы я знать, что мы будем делать, — обоснованно спросил Филипп.

— Курс на Гваделупу, вода дважды в день порциями, — я прошёл к рулевому веслу и приготовился отдавать команды, чтобы переложить корабль на другой галс.

Рыбак взялся за шкоты, и я скомандовал поворот оверштаг. Баркас, маленький и юркий, послушно сменил курс, и теперь шёл на север, снова во владения Франции. Возвращаться на Доминику я рискнул бы, только бы если услышал, что там стоит «Удача мертвеца», и вся команда упиалась рома до потери сознания.

— Иди на нос, будешь вперёдсмотрящим, — произнёс я, закрепил руль и растянулся на палубе подремать.

Не успел я сомкнуть глаз, как меня потревожил взволнованный голос Филиппа.

— Вижу паруса! — воскликнул он.

— Сколько?

— Пока далеко. Но идут на нас.

Я поднялся и подошёл к своему попугачику. На горизонте виднелось маленькое белое пятнышко, которое стремительно приближалось. Когда стало видно, что парусов, как и мачт, несколько, а сам корабль идёт прямо на нас — я занервничал.

— Молись своему богу, чтоб это были не испанцы, — севшим голосом произнёс я и погладил рукоять пистолета.

Филипп с готовностью перекрестился, а я продолжил всматриваться в далёкое, и, предположительно, вражеское, судно. На грот-мачте взметнулись флажки, предписывающие лечь в дрейф.

— Филипп, не нравятся они мне, — хмыкнул я, скрестив руки на груди. — Как думаешь, уйти получится?

— Если ветер не поменяется, и Господь позволит, то уйдём. Говорю же, лучший корабль в порту, — ответил рыбак и перекрестился снова. Его набожность начинала раздражать.

— В фордевинд? В бейдевинд? — уточнил я, возвращаясь к рулевому веслу.

— Бейдевинд, конечно. Только вот с курса уйдём, а кроме компаса и нет ничего, — посетовал француз, охотно включаясь в работу. Всё-таки, уйти от испанцев, или кого угодно

ещё, входило в его интересы.

Я скомандовал ещё один поворот, и «Морской дьявол», трусливо поджав хвост, начал удирать от преследователя. По всем расчётам выходило так, что подозрительное судно приблизится максимум на пушечный выстрел, а потом мы станем удаляться от него. Вся надежда осталась на ветер, паруса и косоглазие вражеских канониров.

Баркас шёл круто к ветру, и мы рисковали сбиться с курса и пройти мимо желанной Гваделупы. Но другого выхода не оставалось — лучше уж потеряться в открытом море, чем потерять головы и корабль.

Вражеское судно приблизилось достаточно, чтоб заметить, что это не просто трёхмачтовик, а военный барк Его Католического Величества Карла II, короля Испании. Моя случайная догадка оказалась совершенно точной. На корабле заметили наш манёвр и погнались нам наперерез.

— Смотри, чтоб не заполоскал! — крикнул я рыбаку, который сейчас умело управлялся с парусами.

Я взял ведро, зачерпнул морской воды и лихим размашистым движением выплеснул всё на серую просоленную ткань. Я повторил это несколько раз, пока Филипп недоуменно взирал на все эти действия. Решение, конечно, спорное, но поймать ветер стало гораздо проще.

На траверзе угрожающим силуэтом виднелся испанец, который неизвестно как оказался в водах французских колоний. Хотя, его появление здесь вполне объяснимо — окрестные воды просто кишели богатенькими купцами. Я и сам не раз ходил сюда на промысел. И последний раз закончился для меня весьма печально.

Филипп принёс из трюма мешок с сухарями, и мы пообедали, глядя, как барк подходил всё ближе и ближе. От нас теперь ничего не зависело, и оставалось только уповать на божью милость, которую рыбак активно выпрашивал, сидя на коленях у мачты. Я в это время стоял у руля и смотрел на испанский корабль. Два дня назад я бы расстрелял его из всех орудий и первым кинулся на abordаж, но сегодня я вынужден с тоской смотреть, как открываются его орудийные порты и чёрные жерла пушек угрожающе смотрят в ответ.

Над испанцем поднялось серое облачко дыма, и через мгновение раздался грохот выстрела. Небольшое чёрное ядро просвистело в воздухе и с громким плеском упало в воду неподалёку от нашего правого борта.

— Недолёт, — констатировал я с напускной бравадой. От выстрела я даже не шелохнулся, но в глубине души всегда боялся артиллерии.

— Сейчас пристреляется, — хмыкнул француз и снова перекрестился.

— Жаль, у нас пушки нет.

— На кой нам, рыбакам, пушка? — удивился Филипп. — У нас даже на острове стрелять-то некого, а в море только разве чаек пугать.

— А мне бы пригодилась, — вздохнул я.

— У тебя пистолет есть, стреляй, — фыркнул он и снова взялся за шкоты, ловить ветер.

Мой ответ заглушился очередным пушечным выстрелом. Ядро, пролетев чуть дальше предыдущего, тоже упало в воду и окатило наш баркас солёными брызгами.

На испанском корабле что-то кричали, но я посоветовал им убираться к дьяволу. Испанский язык я знал чуть лучше французского.

В этот момент парус несколько раз хлопнул и безвольно повис. Прямые паруса вражеского барка тоже бесполезно висели на реях.

— Ну, сейчас точно пристреляется, — механически произнёс я, и почувствовал, как от полуденного зноя вспотела спина.

Филипп ничего не ответил, привязывая парус к рангоуту.

— Садись на вёсла, капитан, — он впервые за день улыбнулся.

— Черти тебя раздери! — воскликнул я и скорее побежал помогать своему попутчику.

Длинные вёсла баркаса раз за разом вздымались и опускались, и наш «Морской дьявол» продвигался дальше, пока испанский патруль ждал ветра. Прогремел ещё один выстрел, но нас только качнуло волнами, и капитан барка решил больше не тратить боеприпас на такую мелочь.

В тишине полуденного штиля казалось, что на испанском корабле кто-то кричал и проклинал чёртовых везучих лягушатников, но на самом деле это были всего лишь чайки.

Ветер немного поднялся ближе к вечеру, когда вражеское судно вновь стало белым пятнышком на линии горизонта. За это время мы несколько раз успели отдохнуть, сменить друг друга на вёслах и заработать новые мозоли на жёстких ладонях. После изнурительной гонки мы оба предпочли бы вернуться под пушечные выстрелы, лишь бы не грести снова. Я поднял парус, взял курс обратно к Гваделупе и растянулся на палубных досках.

Из пленительных объятий Морфея меня вырвал Филипп, настойчиво трясуший меня за плечо.

— Капитан, ужинать пора, — вздохнул он. Выглядел молодой рыбак так, словно только что встал из могилы. Красные ввалившиеся глаза, здоровенная шишка на голове, заострившийся нос. Похоже, в отличие от меня, он не спал, а следил за кораблём.

— Да, отдохни пока.

Ужином оказалась горсть сухарей и стакан затхлой воды. Если до завтра мы не придём в Бас-Тер, то нам придётся туго.

Солнце радостно играло лучами на волнах, словно покрытых ослепительной чешуей. Свежий солёный ветер дул прямо в корму, и косой парус баркаса приобрёл гордую лебединую статью. Я встал на носу корабля и закрыл глаза.

— Вот ради этого-то я и пошёл в море, — произнёс я, улыбаясь после тяжёлого дня.

— В пираты? — спросил Филипп, устало привалившись к мачте.

— Ну, в пираты я пошёл ради золотых дублонов.

— Стало быть, не очень успешно, если пришлось наш баркас забирать, — рыбак взглянул мне в глаза, и я на секунду устыдился.

— Может быть и не очень. До того момента всё шло хорошо, — ответил я.

— И у нас тоже, — буркнул француз.

— Если бы я не пошёл в пираты, то сейчас гнил бы в какой-нибудь канаве в Лондоне. Но мне посчастливилось оттуда удрать, и теперь я здесь, я жив, и у меня, по крайней мере, есть свой корабль.

— Никогда не бывал в Лондоне, — хмыкнул Филипп.

— Ты, наверное, дальше своего островка и не ходил никуда, — предположил я.

— Не довелось. Ну да на всё воля Божья.

Я фыркнул и прошёлся взад-вперёд по палубе. В религии я разочаровался ещё на лондонских улицах, когда понял, что бессмысленно уповать на бородатого дядьку на облаке. Ловкие пальцы, быстрые ноги и острый нож помогли мне выжить гораздо чаще, чем все боги, вместе взятые.

— В кого ты вообще такой набожный?

— В отца. Ты его с палубы скинул, — нахмурился рыбак.

— Пришлось, — я развёл руками.

— Оно и к лучшему, — к моему удивлению, Филипп улыбнулся. — У меня на Доминике ещё две сестры, надо же их кому-то кормить. Пусть лучше отец там останется. Видишь, Господь не допустил плохого.

Я расхохотался в ответ. Богословские споры с фанатиком — это как спорить с кирпичной стеной, никакого результата не будет. Но ради интереса я продолжил.

— Однако твой бог допустил, что я искупал твоего отца, чуть не раскрыл тебе голову и

украли ваш корабль.

— На всё воля Божья, — снова улыбнулся француз. — Может, оно всё и к лучшему. Я снова рассмеялся. Непрошибаемый болван.

На следующее утро пресной воды у нас осталось на самом доньшке. Сухари кончились вчера вечером, так что нам пришлось размачивать оставшиеся крошки в своей порции воды и завтракать получившимся бульоном.

Вдалеке на севере уже виднелись горы французского острова, поросшие густым тропическим лесом, поэтому сбиться с курса мы уже не могли. Зато мы могли сойти с ума на такой жаре, зная, что воду надо беречь. Изнуряющий зной сушил нас с самого утра, и я уже дважды успел прыгнуть за борт, чтобы искупаться в тёплом Антильском море.

— Может, рыбы половим? — предложил я, глядя на рыбацкие сети.

— На жаре протухнет, — отмахнулся Филипп, сидя в тени паруса и с тоскою глядя вдаль. — Бочек нет, на палубе протухнет, из трюма потом не достать.

— Даст бог, не протухнет, — не преминул я подколоть француза.

— На Бога надейся, а сам не плошай, — равнодушно ответил он.

— Экий ты Фома Неверующий.

Филипп в ответ только фыркнул и отвернулся. Я же прошёл на нос и всмотрелся в очертания берега. Нужно было придумать план действий, и снова красть чью-то лодку мне не хотелось. Ни денег, ни еды, ни шансов поймать пиратский бриг — на Гваделупе меня не ждало ничего хорошего, но с такими припасами ничего другого не оставалось. К тому же, на острове придётся высадить Филиппа, а может, и вовсе оставить ему баркас. И начинать всё сначала.

Ветер гнал наш кораблик к берегу, и когда вдали я стал различать корабли и дома, а ветер стал приносить не только крики чаек, но и людские голоса, то скомандовал Филиппу убирать парус.

— Капитан, нешто на вёслах пойдём? — с некоторой обидой в голосе спросил рыбак, но приказание исполнил. Пистолет, как мой символ власти, был всегда на виду и всегда под рукой.

— Доставай сети, рыбу ловить будем. Порожняком в порт заходить не хочу, — я заложил руки за спину и уставился на горизонт.

— Ага, нас потом местные заклюют, — хмыкнул француз. Судя по всему, он мечтал поскорее сойти на берег и избавиться от моего общества. И я был готов его понять.

— Уговорил, правь к берегу, — зевнул я и принялся собирать вещи.

Я забрал себе тесак, который нашёл здесь, на баркасе, и заткнул его за пояс из обрезка линя. Вид у меня был оборванный, даже жалкий, от прежней элегантности капитанского мундира остались только лохмотья рубашки. В приличное общество в таком виде меня не пустят. Но сейчас мне хотелось только отправиться в какую-нибудь таверну и хорошенько надраться.

Филипп пришвартовал кораблик без какой-либо моей помощи, и я сошёл на берег вслед за ним.

— Ну, так и быть, на этом расстаёмся, — произнёс я, натягивая фальшивую улыбку.

— Даст Бог, свидимся, — Филипп улыбнулся уже вполне искренне.

— Молись, чтоб не в море.

— Я лучше помолюсь за тебя.

— Не думаю, что мне это поможет, — усмехнулся я. — Не забудь воды набрать.

— Так, а чего это мы отмечаться не идём? — раздался недовольный возглас какого-то портового начальника. Все окрестные грузчики, солдаты и моряки тут же уставились на нас.

— Бери судовой, иди отмечайся, — я похлопал Филиппа по плечу и поспешил уйти, оставляя его самостоятельно разбираться со всей этой волокитой.

Бас-Тер по сравнению с Доминикой казался столицей мира. На холме виднелась резиденция губернатора, обильно украшенная лепниной и позолотой, а внизу у самого берега теснились нищие лачуги из плавника и пальмовых листьев. Повсюду сновали обеспокоенные горожане, питейные заведения вдоль набережной гостеприимно распахивали двери, а торговцы наперебой предлагали своё барахло.

Наконец, я выбрал для себя таверну попроще и шагнул в затхлую тьму кутежа, пьянства и греха. От густых запахов вина, табака и немытого тела затошнило, но человек может вытерпеть всё. Я прошёл к барной стойке, беглым взглядом окинув помещение. Несмотря на полдень, таверна была набита битком, и почти за каждым столом сидело по весёлой компании пиратов, контрабандистов, разбойников и просто подозрительных личностей. Разумеется, случись вдруг облава, каждый прикинулся бы честной невинной овечкой, но сейчас они никого не стеснялись.

— Чего тебе? — процедил старый бармен, даже не удостоив меня взглядом.

— А что ты можешь предложить? — в свою очередь спросил я.

— У меня многое есть, а вот ты, голодранец, даже сапоги умудрился пропить. В долг не наливаю, сразу говорю, — бармен опёрся руками на стойку, которая, казалось, даже затрещала от натуги.

— У меня есть кое-какие слухи, — невинно произнёс я, и спиной почувствовал, как большая часть присутствующих приготовилась слушать мои басни.

— Если это про Жаннетт с перекрестка, то я тебе и сам порассказать могу, — ухмыльнулся бармен, подмигивая кому-то в зале. Там раздалась пара ответных смешков.

— Это про испанский военный барк, который тут неподалёку курсирует, — понизив голос, сообщил я. Тишина в зале нарастала с каждой секундой.

— Ну и? Что дальше? — не утерпел кто-то в зале.

— Поставьте мне кружечку рома и чего-нибудь пожрать, и скажу, что там дальше, — нагло потребовал я.

— Ну ты и пройдоха! — рассмеялся бармен, но на полстакана рома расщедрился.

Я сально улыбнулся и одним залпом выпил. Жидкость отдавала сивухой и сахаром.

— Так вот, — продолжил я. — К югу отсюда, в сторону Доминики, шастает испанский барк. С пушками, мушкетёрами и полным набором неприятностей для честного человека.

— А ты сам-то откуда знаешь? — выкрикнул кто-то из темноты.

— Еле ноги унёс, на вёслах уходить пришлось, — не соврал я.

— Брешет, — констатировал кто-то ещё.

— Ну сходи, проверь, раз такой смелый.

— А если проверю? — какой-то татуированный мужик вскочил из-за стола, намереваясь доказать свою смелость против меня, а не против испанцев.

— Давай, давай! — я и сам встал из-за стойки, внутренне ликуя. Я никогда не отказывался от доброй кабацкой драки на потеху себе и своей команде. Кто-то уже принимал ставки, и по всей таверне гудели возбуждённые пьяные голоса:

— Наподдай англичашке, Пьер!

— Покажи ему!

— Ставлю на бородатого!

Пьер, недолго думая, бросился в драку, разлапистым медвежьим движением пытаюсь взять меня в тиски. Я же использовал проверенный временем приём — швырнул пустую кружку прямо ему в лицо и ушёл в сторону. Массивная деревянная посуда подходила для драки как нельзя кстати, и первая кровь сегодня полилась даже до того, как противники встретились.

Француз утёрся тыльной стороной ладони и снова кинулся на меня. В этот раз уйти мне не удалось, и чья-то вовремя подставленная нога отправила меня в недолгий полёт на пол. Пьер схватил меня за грудки и мощным ударом снова опрокинул наземь. Перед глазами пошли разноцветные круги, и я даже не успел опомниться, как снова получил несколько ударов.

Я перекатился в сторону, схватил табурет и с размаху врезал по голове француза, но то ли голова оказалась слишком крепкой, то ли мебель слишком хлипкой — табурет рассыпался, не причинив особого вреда. Толпа вопила и улюлюкала от азарта, а я постепенно стал понимать, что нарвался не на того противника.

Лицо Пьера перекосила жестокая ухмылка, не сулившая мне ничего хорошего. Но и я не зря столько лет стёсывал кулаки о собственных матросов и случайных собутыльников. Я быстрыми движениями уходил от широких ручищ француза и осыпал его градом ударов.

Кровь, столь привычная местным завсегдатаям, заливала лица обоим, и когда я в очередной раз увернулся — удар, предназначенный мне, угодил в кого-то ещё. За это я и люблю кабацкие побоища. Одно неловкое движение — и вся таверна превратилась в гудящий улей, полный злых шершней.

Бармен, укрываясь за стойкой, с неудовольствием взирал на массовую драку, грозившую перерасти в поножовщину. Я тем временем выскользнул из людской свалки и устремился к уцелевшему столу, полному разнообразной еды. С чувством выполненного долга я украл баранью ногу, стянул с другого стола бутылку местного сивушного рома и поспешил выйти на улицу незамеченным. Жизнь налаживалась.

— Кровавый Эдди! — окликнул меня знакомый голос позади.

Я обернулся, на ходу пережёвывая мясо, словно нашкодивший ребёнок. Передо мной стоял один из капитанов Берегового Братства.

— Привет, Томас. Не видел твоего корабля на рейде, — я пристально посмотрел в глаза давнему сопернику. Тот выглядел, как и всегда, щеголем — шляпу украшало дивное перо одной из местных птиц, а шёлковым кружевам позавидовала бы любая столичная модница. Однажды мы ходили с ним на промысел и не смогли поделить награбленное.

— Мой корабль стоит в бухте неподалёку, а вот где твой — боюсь даже представить, если уж тебе приходится красть еду, — пират рассмеялся мне в лицо.

— Нарываешься? — прямо спросил я.

— Нет, что ты. Просто поинтересовался у старого друга, как дела, — Том взял меня под локоть и пошёл вдоль набережной. Со стороны это наверняка выглядело, будто красавец-герой поймал преступника.

— Да скорее пекло у меня под ногами разверзнется, прежде чем Томас Уэйн будет о чём-то спрашивать просто так, — фыркнул я и продолжил поглощать баранину.

Капитан рассмеялся и погрозил мне пальцем.

— Если ты такой проницательный, то где же твой корабль?

— Бороздит моря без меня, — не стал отпираться я. Рано или поздно весь архипелаг узнает о случившемся. — Уильям устроил мятеж.

— Стало быть, ты сейчас в поисках работы? — голос пирата стал медоточивым настолько, что можно было на хлеб намазывать.

— Я сейчас в поисках корабля, — уклончиво ответил я.

— Отлично! — Томас даже всплеснул руками. — Мне как раз нужны толковые офицеры!

— Набери из матросов. Уж они-то морское дело знают.

— Ты не понял. Мне нужны толковые офицеры, а не какие-нибудь неграмотные крестьяне. Ты ведь силён в навигации? — капитан широко улыбался и пытался всячески меня умаслить. Зная Уэйна, тут что-то нечисто.

Но, с другой стороны, это не самый худший вариант — пойти в команду пиратского судна. Всё-таки это не британский флот, здесь можно в одночасье стать могущественным и знаменитым. А можно как я, в один момент лишиться всего.

— Две доли добычи, — поставил я условие. Обычно такие доли получали капитан, как ответственный за всю команду, и квартирмейстер, как ответственный за корабль и припасы.

— Замётано! — воскликнул Томас, даже не торгуясь, и мы ударили по рукам.

Я ещё раз с подозрением взглянул на капитана, но тот и бровью не повёл, болтая про палубные бимсы, Сан-Хосе, тамошних девок и о прочей чепухе.

— Ты, Эдди, подходи тогда к вечеру на пирс, мы тебя заберём, — подмигнул он, снял роскошную шляпу и помахал ею в воздухе.

— Договорились, — скрепя сердце, произнёс я.

Томас Уэйн ещё раз улыбнулся и отправился обратно к тавернам, а я стоял на набережной чужого города, только что нанявшись офицером к одному из самых больших мошенников архипелага. И я уже чувствовал себя обманутым.

Я прогулялся по городу, стараясь избегать французских солдат, и вышел обратно в порт. Грузчики сгибались под тяжёлой ношей, приказчики подсчитывали разнообразные товары, а уже пьяненькие матросы шатались, распевая весёлые моряцкие песни.

У пристани качались на волнах разнообразные шлюпки, гички, баркасы, лихтеры и пинассы, и почти у каждого судна кипела работа. И среди них выделялся знакомый мне «Морской дьявол», который стоял, всеми покинутый, под охраной мушкетёра.

Я, старательно изображая празднующего матроса, подошёл к нему.

— Будь здоров, служивый! — я поднял бутылку краденого рома и сделал вид, будто пью за его здоровье.

— Пошёл прочь, — отмахнулся солдат, стоя навтыжку с мушкетом и преграждая путь на корабль. Но я не отставал.

— Не хочешь выпить? — предложил я. — Холодненький.

Солдат воровато оглянулся и утёр пот с лица. Не представляю, каково ему в шерстяном мундире на такой жаре.

— Чёрт с тобой, давай уже, — мушкетёр выхватил у меня бутылку и основательно приложился к ней. Контакт налажен.

— Чего стоишь-то тут? — поинтересовался я, забирая драгоценный ром.

— Конфисковали, охраняю вот, — зевнул солдат.

— Контрабандиста взяли, что ли?

— Пирата. Картера, кажется. Ну, его в кутузку, корабль под арест. Жаль, не в море

поймали, сразу бы повесили, — разговорился француз.

— Ничего себе, — я сделал круглые глаза и покивал. — А я думал, его уж крабы сожрали, давно не слышать было.

— А ну брысь, сержант идёт, — зашипел солдат, и я поспешил отойти.

Похоже, мой религиозный друг попался с поличным — предъявил судовой журнал с моей записью и его приняли за опасного пирата и разбойника. Власти всегда готовы кого-нибудь повесить, а уж если это гордый буканьер — то готовы раздуть из этого целый спектакль. А ложное обвинение — ерунда, их не смутило даже то, что «Эдвард Картер» по-английски ни слова не понимает.

Я никак не мог допустить, чтоб меня повесили, даже если пеньковую джигу спляшу не я. Во-первых, это сильно вредит репутации, а во-вторых, Филипп виноват только в том, что не догадался ночью меня зарезать и уйти обратно на Доминику. За это я был ему благодарен, и чувствовал себя должным вырвать богобоязненного француза.

Времени у меня было немного, до вечера оставалось несколько часов. Если Уэйн уйдёт с острова до того, как я смогу вызволить Филиппа, то мы с рыбаком оба будем болтаться в петле уже на следующее утро. Поэтому я поспешил в город, прокручивая в голове даже самые безумные планы спасения.

Некоторые я отбросил сразу, например, ворваться с саблей наголо и порубить всех тюремщиков в капусту, или объявить, что Эдвард Картер — это я сам. Но другие казались вполне разумными.

Тюрьма оказалась небольшим каменным зданием неподалёку от центральной площади. Как раз, чтобы не слишком далеко тащить до виселицы. Солдаты на входе окинули меня недоуменным взглядом, но пройти не помешали. Ещё бы, их задача никого не выпускать, а не наоборот.

Я кивком головы поздоровался с офицером, который сидел за грубым деревянным столом и сосредоточенно корпел над какой-то бумажкой. Он никак не отреагировал на моё появление, но попытку проскользнуть к двери, ведущей к камерам, пресёк моментально.

— Что-то хотели, мсье? — раздражённо откинувшись на стуле, произнёс он.

— Пирата поймали, Кровавого Эда, слышал я, — прикидываясь дурачком, начал я.

— Правильно слышал, — процедил офицер. — Быстро тут слухи ползут, однако.

— Поглядеть бы на его... — задумчиво произнёс я, делая вид, будто вспоминаю что-то отвратительно жестокое. — Счёты личные к этому нехристю.

— Вот ещё, буду я всякого проходимца поглядеть пускать. Завтра на площади поглядишь.

— Месье, сегодня отчаливаем, а он мне... Со всей команды я один живой ушёл, на бочке плыл, рыбу сырую жрал! Да он всех с нашей «Марии» порезал, я хоть успел в море прыгнуть, стреляли, да не попали! — меня натурально затрясло от придуманных воспоминаний, на глаза навернулись слёзы.

Офицера моя история не сильно впечатлила.

— Пожалуйста, месье, я как узнал, я аж от самого причала сюда побежал, только чтоб в глаза ему посмотреть, демону!

— Оружие на стол, пошли, — вздохнул француз.

— Спаси тебя Господь! — возопил я, искренне радуясь привалившей удаче.

Офицер открыл коридор, дверь в камеру, и я, впервые за всю свою жизнь, добровольно вошёл внутрь. Филипп стоял на коленях и молился, офицер остался стоять в дверном

проёме, положив руку на шпагу.

Я внимательно поглядел на рыбака, собрался с духом и бросился на него с кулаками, как этого и ожидал тюремщик. Бил я скорее для вида, но Филипп обессиленно упал на пол и закрылся руками. Похоже, над ним уже успели поработать местные палачи.

— Приготовься, — прошептал я ему на ухо, и кинулся в обратную сторону, на офицера, который всё это время с улыбкой взирал на избиение беззащитного.

Француз атаки не ожидал, но многолетние тренировки помогли ему уклониться от практически смертельного удара в горло. Кулак прошёл в паре дюймов от подбородка и пришёлся по скуле. Офицера качнуло, он схватился за шпагу, а я мёртвой хваткой вцепился ему в глотку и стал душить. Ничего другого не оставалось, крики непременно привлекут внимание солдат на улице, а так из камеры доносилось лишь тихое сопение и стоны избитого Филиппа.

Тюремщик пытался разжать мои пальцы, но в этот момент рыбак выхватил его шпагу и вонзил прямо ему в сердце. Голубой мундир окрасился кровью. Филипп перекрестился трясущейся рукой и пробормотал молитву. Я деловито опустил тюремщика на пол камеры, обшарил карманы, извлёк шпагу и забрал её себе вместе с ножнами.

— Я его убил... — едва слышно прошептал рыбак.

— Иначе он убил бы тебя, — попытался я его приободрить, но вышло не очень.

— Я попаду в ад... — бормотал Филипп. — Я проклят, я грешник...

— Все попадём, — усмехнулся я. — Пора валить отсюда, пока есть возможность.

Я забрал у мертвеца связку ключей и быстро прошёлся по всем камерам. Пусто, как в брюхе у нищего, подолгу здесь пленники не задерживались, сразу отправляясь на виселицу. А жаль, нам сейчас не помешала бы любая помощь.

Мой пистолет вернулся ко мне, а тесак я отдал Филиппу, как более простое оружие, поначалу рыбак наотрез отказывался брать его в руки, но я убедил его, что это только для самозащиты. Побег переходил к решающей фазе, которую я продумал хуже всего. Теперь нужно пробраться через весь город, кишаций солдатами и жандармами, к пристани, на которой только вечером появится шлюпка капитана Уэйна.

Моё внимание привлекла масляная лампа на столе, и план побега сформировался окончательно. Масло разлилось по столу, и вскоре комнату объяло пламя. Дым начал просачиваться на улицу и время действовать пришло.

— Пожар! — я выбежал на улицу вместе с Филиппом.

Солдаты попытались было преградить нам путь штыками, но мы ловко увернулись и помчались наутёк. Площадь заполнилась людьми, половина которых тушила пожар, а вторая половина глазела на огонь. Каменная тюрьма горела плохо, но сухая деревянная крыша занялась пламенем за считанные минуты. Но этого мы уже не видели, на бегу лавируя между прилавками, горожанами и домами, мы мчались по изгибам узких переулков Бас-Тера и молили всех богов, чтобы лодка оказалась там, где нужно.

Горожане озирались нам вслед, но никто не решался остановить нас — Филипп так и бежал с остро отточенным тесаком в руке, рискуя отрубить кому-нибудь руку или пальцы.

В порту всё так же многолюдно, и у каждого пирса стоит по какой-нибудь лодке. И непонятно, какая из них ждёт меня. Капитана Уэйна, если бы он здесь был, я бы увидел издали, такой уж он человек. Но ни самого пирата, ни его команды, ни его шлюпки на горизонте не наблюдалось.

Сзади я услышал крики погони и моментально принял единственное верное решение —

бежать к «Морскому дьяволу». Караульный, завидев нас издалека, уже взял нас на мушку, и я остановился перед ним и поднял руки. Пришвартованный кораблик манил к себе своими изящными формами, но путь преграждал француз, с которым я пил ром.

— А ну, стой! — прорычал солдат, вода мушкетом из стороны в сторону.

— Да мы уже стоим, болван, — фыркнул я и попытался подойти ещё ближе. Зловещее дуло мушкета тут же уставилось мне в лицо.

Филипп, не произнося ни звука, кинулся на солдата и подбил мушкет вверх. Грянул выстрел, и я почувствовал, как пуля прожужжала точно над моей головой. По спине пробежали мурашки, но долго стоять не было времени — я бросился на подмогу. Я выхватил пистолет и тяжёлой рукояткой треснул по голове караульного. Тот как-то сразу обмяк и перестал сопротивляться.

Мы поднялись на борт, и я быстро отшвартовал судно, заодно прихватив трофейный мушкет. Филипп оттолкнулся веслом от причала, я поставил парус, и ветер понёс нас прочь из бухты. На берегу раздались выстрелы, несколько пуль пробили парусину, одна расщепила фальшборт, а другая угодила в рулевое весло в нескольких дюймах от моей руки.

— Надо же, у тебя, оказывается, есть мозги, — произнёс я, комментируя поступок Филиппа для того, чтоб не обращать внимания на пули.

— Надеюсь, Господь простит меня, — буркнул он, брасами разворачивая рею.

Ещё несколько пуль прожужжали над нашим баркасом.

— Господи, да отстреливайся же ты, наконец! — дрожащим голосом крикнул Филипп и бросил мне мушкет.

Я поймал его и снова положил на палубу.

— Пуля у меня только одна, и я её ещё приберегу.

От пирса отчалили несколько шлюпок с мушкетёрами. Французы широкими гребками рассекали волны, а встречный ветер не давал нам развить хорошую скорость под парусами. Я чертыхнулся и сам взялся за вёсла.

Из-за утёса показалась шлюпка, в которой, как мне показалось, я различил человека в шляпе с пером.

— Руль на левый борт! — скомандовал я. — Правь к той шлюпке, живее!

Выстрелы звучали как сухой треск ломаемых веток, и вскоре наш парус стал больше походить на решето. К счастью, ни одна пуля не попала в нас самих. На таком расстоянии мушкеты изрядно завывшали, но и французы неуклонно догоняли наш маленький кораблик.

— Томас, живее сюда! — крикнул я во весь голос, надеясь, что в той шлюпке впереди находится именно он.

— Есть, мой адмирал! — различил я насмешливый ответ, но взрыв хохота на шлюпке потонул за мушкетными выстрелами.

Мы поравнялись как раз в тот момент, когда французы снова зарядили мушкеты и оказались от нас на расстоянии, на котором можно перебить крылья мухе, не то что застрелить двух незадачливых беглецов. Томас своей шлюпкой загородил наш баркас, и вся его команда встала на банках, давая нам возможность перепрыгнуть к ним.

— Именем короля, я приказываю не мешать! — проревел французский офицер, самолично целясь из мушкета в Филиппа.

— Я капер его королевского величества Карла Второго, так что можете засунуть свои приказы себе в задницу! — крикнул Томас, снял шляпу и помахал ею в воздухе. Француз побагровел от ярости и чуть было не отдал приказ стрелять, но вовремя опомнился.

Мы с Филиппом прыгнули в воду и поднялись на борт шлюпки, закрытые телами команды.

— Ваш король ещё об этом узнает! — прокричал офицер, сжимая кулаки от бессилия.

— Сомневаюсь! Оревуар, месье лягушатник! — ухмыльнулся Уэйн, жестом отдавая приказ разворачивать шлюпку.

Матросы взялись за вёсла, и мы с Филиппом тоже взялись, но капитан так же, жестом, остановил нас.

— Похоже, я спас твою задницу, Эдди, — он улыбнулся словно кот, который только что сожрал целую кадушку сметаны.

— Похоже на то, — процедил я, пытаюсь угадать, что за этим последует. — Ты же должен был меня в порту ждать.

— Мы же друзья, Эд! Чего только не сделаешь ради друга! — капитан похлопал меня по плечу и проигнорировал упрёк. — А это, я понимаю, твой друг? Ну что ж, друг моего друга и мой друг тоже! Звать меня Томми Уэйн, я капитан славного шлюпа «Левиафан», и будь я проклят, если это не так!

— Филипп Пуассон, — произнёс рыбак.

— Чертовски рад тебя видеть, Филипп! — капитан снова пускал в ход всё своё очарование и улыбался во весь рот. — Ты, стало быть, пойдёшь матросом в мою команду? Даю добро, исключительно ради твоего друга Эдди.

— Спасибо, — буркнул свежеиспечённый матрос.

— Ты же в курсе, чем мы занимаемся? Мы — каперы. — осведомился Уэйн.

— Пиратством.

— Каперством! Каперство — это немного другое. Мы же не грабим всех подряд, верно, парни? — ухмыльнулся капитан.

— Да! Верно! — отозвались матросы.

— Не верь ни единому его слову, — прошептал я Филиппу на ухо.

— О чём вы шепчетесь? — хмыкнул Том. — Пора и на судно подниматься.

Гордый трёхмачтовый шлюп «Левиафан» английской постройки, свежескрашенный и сверкающий медной обшивкой, стоял на якоре в одной из бухт Гваделупы и ждал только нас.

Ранним утром следующего дня я прогуливался по шканцам и размышлял, куда нас с Филиппом занесло. После капитанской каюты «Морского дьявола» — спать в тесной кают-компании оказалось непривычно, но ещё непривычнее оказалась та атмосфера беззакония и анархии, что царила на корабле.

Разношёрстная команда, состоящая из беглых каторжников, негров и целого отряда индейцев, никого не стесняясь, играли в азартные игры, пили ром и спорили с офицерами по любому поводу. Старый боцман, мистер Смит, только и мог, что замахиваться на матросов тростью и сквернословить. Однако, к моему удивлению, никаких крупных конфликтов не возникало. Разве что Филипп умудрился продуть в кости свою долю с первого будущего приза.

Капитан Уэйн так и не удосужился объяснить, в чём будут заключаться мои обязанности офицера, поэтому я с самого утра слонялся без дела, изучая новый корабль и изредка болтая с вахтенными.

Скрип такелажа вновь и вновь наводил на мысли о моём старом бриге. На «Морском дьяволе» существовало нерушимое правило — развлечения и выпивка строго на берегу, а на борту — железная дисциплина. Не удивлюсь, если Мур пообещал команде отменить его. Просто никто из них, ни Уильям, ни Томас — не пытались заставить вдрызг пьяную матросню залезть на ванты в шторм. И, самое главное, спуститься обратно.

Я опёрся локтями на фальшборт и уставился в горизонт, на утреннем небосводе всё ещё блестела Венера. Через некоторое время послышался звон корабельных склянок, и из своей каюты вывалился капитан. Он, немного покачиваясь, подошёл к фальшборту, поздоровался со мной и блеванул в море.

— Морская болезнь или похмелье? — поинтересовался я.

— Вместе, — выдохнул капитан, зелёный от тошноты.

Весь его вчерашний лоск пропал, сорочку из белого шёлка сменила грязная рубаха из парусины, а шляпа с пером, видимо, покоилась где-то в каюте. Теперь он, как и я, ничем не отличался от остальных головорезов из команды.

— Познакомился с офицерами? — спросил Том. С его гладко выбритого подбородка свисала ниточка слюны.

Я кивнул. Знакомство вышло скорее односторонним, обо мне все здесь давно уже слышали. Кают-компанию со мной делили несколько бывалых моряков, которых избрали на общем голосовании. Меня же, неизвестно зачем, на должность выдвинул капитан, и все с этим согласились. Вообще, на этом шлюпе без меня офицеров было всего четверо — первый помощник Уолш, толстый ирландец из Ольстера, боцман-старик Смит, квартирмейстер Легран и штурман-голландец ван Рейн, который заодно считался корабельным врачом.

— Нам обоим вчера улыбнулась удача, — многозначительно усмехнулся капитан. — Есть одно дело, которое я не могу доверить никому из команды.

— И готов поручить первому встречному? — фыркнул я.

— Да, — отрезал Уэйн. — В кают-компании у меня одни убийцы, мошенники и воры. Тут нужен более надёжный человек, а у тебя есть репутация.

Я рассмеялся.

— Кровавый убийца и пират, по которому плачет верёвка! К тому же, теперь ещё и

крыса, что утаивает добычу. Отличная репутация.

Капитан и глазом не моргнул.

— Картер, всё, что болтают на архипелаге — нужно делить надвое. А то, что сочиняют о пиратах — так и вовсе вчетверо, — отмахнулся он. — Я не верю ни единому слову из того, что там наплёл твой старпом, чтоб выкинуть тебя за борт.

— Ну так что там у тебя за дело? — спросил я, размышляя, где же тут может крыться подвох.

— Рассчитать курс и провести судно от Ки-Уэста до Сент-Дэвида. Через открытое море, подальше от берегов. И, самое главное, никто из команды не должен знать пункт назначения. Особенно ван Рейн.

— Так ведь с этим любой дурак справится, главное, на отмель не наскочить, — возразил я. — Корабли там часто ходят, потеряться трудно.

Уэйн тихонько посмеялся.

— Ну, значит, тебе же легче. Главное, в том районе на пару дней остаться.

Я пожал плечами.

— А сам почему не сделаешь всё? В точности, как надо.

— А я другим буду занят, — капитан широко улыбнулся, развернулся на пятках и пошёл к вахтенному, раздавать приказы.

Я, снова ничем не занятый, остался гулять по квартердеку и наблюдать за слаженной работой пиратской команды.

Паруса «Левиафана» наполнялись ветром, который мчал нас на северо-запад, к побережью Америки. До побережья Флориды отсюда больше тысячи морских миль, и путешествие обещало быть долгим.

Вечером, когда солнце почти погрузилось в океан, установился шпиль. Некоторые из матросов порадовались внезапному безделью, но старик Смит угостил их своей тростью и отправил вниз, закреплять всё, что не закреплено, и откачивать воду из трюма.

— Шторм близко, — проворчал он, рассматривая безмятежное Карибское море. — Запоздали в этом году.

И, словно в подтверждение его слов, чёрная полоса стала затягивать красное вечернее небо. Пахнуло свежестью, над моей головой оглушительно хлопнул грот.

— Марсели обстенить, брамсели зарифить, живее, тупоголовые! — из каюты выскочил Уэйн. — Люки закрыть, прокляни вас Господь! Огни погасить!

Марсовые скорее полезли наверх, пока не началась буря, убирать паруса, совершенно ненужные во время шторма. Капитан в ярости сжимал кулаки и кричал на нерадивых индейцев, которые почти не понимали английский и постоянно путались в шкотах, фалах и брасах.

Сверкнула молния, на мгновение запечатлев лица моряков, от яркой вспышки превратившиеся в гротескные маски. «Левиафан» снова погрузился во тьму, чёрные тучи, казалось, покрыли весь мир. Тысячей маленьких барабанов застучали по палубе крупные капли дождя, и даже крики матросов скрылись за шумом ветра и скрипом оснастки.

В борт одна за одной ударяли волны, и вода рекой лилась к шпигатам, откуда возвращалась обратно в морскую пучину.

Раздался истошный вопль откуда-то сверху, и один из марсовых упал вниз.

— Человек за бортом! — раздалось несколько голосов.

— Пусть тонет! — жёстко ответил капитан, крепко держась за штурвал. Томас умело лавировал между волнами и держал корабль так, чтоб шлюп переваливался с борта на борт, а не с носа на корму.

Ветер завывал, словно зауспокойная по неизвестному моряку. Кое-кто перекрестился, несколько человек истово молили Бога дать им пережить эту бурю, но капитан, как и я, оставались невозмутимы и собраны.

Шторм, казалось, собирался длиться вечно. Ежеминутно долгими раскатами гремел гром, а дождь был похож на повторение Всемирного потопа.

Весь корабль ходил ходуном, когда очередная волна ударялась о борт, и я подумал о тех несчастных, что сейчас сидели в трюме. Если квартирмейстер хоть что-нибудь закрепил не как следует, то весь корабль неизбежно пойдёт ко дну. Бывали случаи, когда одна оторвавшаяся бочка пробивала борт и всей команде пришлось спасаться на шлюпках. Капитан так и не смог отмыться от позора.

На палубе тем временем царил хаос. Индейцы и негры отказывались лезть наверх, сколько бы их не лупил старина Смит, капитан уже надорвал плотку, показывая на грот, который от ветра уже был готов лопнуть. Немногочисленные моряки-англичане, известные своей выучкой, пытались обуздать непослушный парус, но их сил не хватало.

— Черномазые, живо сюда! — рявкнул я от всей души.

Испуганные бурей матросы не слушали команд своего капитана, но репутация безжалостного убийцы оказалась страшнее. Моё искажённое криком лицо в свете молний наверняка казалось мордой ужасного демона, а негры и индейцы всегда оставались суеверными.

— Вы двое, выбирайте шкоты! Тянем помалу! — приказал я, сам принимаясь за работу.

Негры опасливо присоединились ко мне, а англичане сами полезли на ванты, понимая, что от кого-то другого толку не будет.

Углы паруса медленно поползли друг к другу, корабль сбавил ход, но опасностей это не убавило. Мы сражались со стихией, которая неистово и неуклонно пыталась пустить «Левиафана» на дно. Английский шлюп стойко держался, чего я не мог сказать о команде. Похоже, Томас набрал их только ради количества, а пользы от этого сброда было не больше, чем от намокшего пороха. Пушечное мясо.

— Руль на правый борт! — крикнул я капитану. Уэйн шуточно отсалютовал мне и заложил штурвал в сторону.

Корабль относило всё дальше и дальше к югу, а это совсем не то, что нам было нужно.

Нас здорово потрепало в тот день. Шторм кончился только под утро, и мы, совершенно измотанные, легли в дрейф и первым делом осмотрели шлюп. Матросы на помпах качали всю ночь, но воды в трюме всё равно просочилось достаточно. Уэйн ходил по кораблю с угрюмым видом и постоянно поминал морского дьявола. Ветром порвало один из марселей, когда шторм уже стихал и мы попытались добавить парусов. Ещё одного англичанина смыла в море накатившая волна, я даже не успел с ним познакомиться.

Матросы вповалку лежали прямо на палубе и спали после тяжелой ночи, а мы с Томасом и первым помощником осматривали повреждения.

— Как бы не пришлось опять в гавань заходить, сэр, — посетовал Уолш, показывая на треснувшую фок-мачту. — Укрепить можно, но долго не сдюжит.

— Запасных-то нет? — поинтересовался я. — Поменять, да и дело с концом.

— А ты вообще заткнись, — рыкнул Томас. — Ещё раз посмеешь мне приказывать — под килем прогуляешься.

Я посмотрел ему в лицо. Капитан не шутил, это было заметно. Что ж, на этом корабле я простой моряк, и капитан может делать всё, что ему вздумается. Пока команда не против.

— Брайан, у нас есть запасные мачты? — услышал я и улыбнулся.

— Сэр, мы отклонились от курса почти на сотню миль, — ван Рейн степенно подошёл к нам, выпячивая толстое брюхо.

— Погано, — сказал капитан. — Дьявол! Нильс, держи курс норд-вест. Уолш, прикажи заменить мачту. Дженкинс, чего ты там копаешься!?

Томас раздал приказы, пробормотал что-то ругательное и быстрым шагом отправился в каюту.

Мы с офицерами переглянулись.

— Часто с ним такое? — спросил я.

— Только когда ему советы непрошенные даёшь, — зевнул первый помощник. — Я бы на твоём месте поостерегся.

— И стоило меня в офицеры брать? — удивился я. — Темнит капитан.

Каперы только пожали плечами.

— Как по мне, так тебя надо было лягушатникам отдать. Ничего личного, — проворчал голландец. — Неизвестно, что для тебя бы лучше было.

— Посмотрим, — ответил я и погладил рукоять пистолета.

На нижней палубе в тусклом свете лампы в самом разгаре шла игра. В самом воздухе чувствовался азарт, пираты вопили и кричали при каждом броске костей. Правила здесь установились элементарные, чтобы каждый малограмотный каторжник мог без проблем играть и выигрывать. Бросай, и считай, у кого больше.

Я сидел и смотрел, не принимая участия в игре.

— У Джека опять шестерки в ряд!

— Тряси-тряси, не мухлой!

— Ставлю свою долю от следующего корыта!

Спертый воздух нижней палубы пах плесенью, человеческими телами и порохом. Филипп сидел чуть в стороне от остальных, прислонившись к бочке с водой. Наверху пробили четыре склянки, некоторые матросы отправились на вечернюю вахту, а вахтенные, наоборот, спустились вниз. Француз, по своему обыкновению, принялся за молитву.

Игроки косо взглянули на него, но не сказали ни слова, продолжив играть.

— Может, сыграешь с нами, француз? — прозвучал вопрос в нависшей тишине.

Филипп покачал головой.

— Это разве грех, по-твоему? — просипел кто-то.

— Да. Мне уже хватило, — ответил француз.

— Вот зайдём в порт, увидишь настоящий грех, — заржали матросы и кости снова застучали по палубе.

— Вижу парус! — раздался крик из «вороньего гнезда». — Слева по борту! Идёт в нашу сторону!

Сообщение моментально разнеслось по всему кораблю и, в конце концов, дошло до капитана. Том пулей выскочил из каюты и бросился к фальшборту, пытаясь разглядеть

чужое судно. Отсюда, снизу, парус все еще казался маленьким облачком на горизонте.

— Вижу обводы! Похож на голландца! — матрос наверху видел всё даже без подозрительной трубы.

— Подать сигнал? — спросил первый помощник.

Капитан нервно сжимал кулаки.

— Готовьте корабль к бою. Всех наверх.

— С треснутой мачтой мы далеко не уйдем, в случае чего, — проворчал боцман, вытаскивая из-за ворота свою дудку.

— Поэтому готовьте, — рыкнул Томас.

Я с упоением наблюдал, как суетятся моряки, снова привязывая и закрепляя всё, что есть на корабле.

В крови играло предвкушение боя, этакая радость, смешанная со страхом и злостью. Впервые за несколько недель плавания мне найдётся достойное занятие. Безделье утомляло, большую часть времени я проводил на баке, упражняясь со шпагой. Первое время желающих подраться было хоть отбавляй, но затем противников не осталось. Иногда ко мне присоединялись офицеры, пару раз со мной скрестил клинки Томас, но в остальное время я либо рубил воздух, либо учил Филиппа сражаться. Француз так и не завёл друзей среди матросов, и поэтому старался держаться поближе ко мне.

Голландский корвет приблизился к нам на пушечный выстрел и обстенил паруса. Он не знал наших намерений, мы не знали его, а значит, сблизиться раньше нужного было бы глупо. Один продольный обстрел с нашей стороны мог бы сбить ему все мачты и сделать его легкой добычей, но корвет благоразумно остановился, чтобы не дать нам такой возможности.

Капитан перегнулся через фальшборт и сплюнул в воду.

— Патруль, дьявол его заberi.

На корвете взметнулись флажки, приказывающие спустить шлюпку и явиться к ним на корабль. Томас тяжело вздохнул. Я нетерпеливо постукивал пальцами по рукояти пистолета.

— Их там человек двести, — я вглядывался в очертания неожиданного гостя и искал какие-нибудь особенности.

— Знаю, — ответил капитан. — Вот только делать-то нечего. Если меня узнают в лицо, то там же и повесят. Канониры левого борта, готовьтесь! Порты до сигнала не открывать! Мистер Уолш, приведите корабль к ветру! Живее!

— В бейдевинд сможем уйти, — сказал я. — Чем круче, тем лучше. Не догонят. Пока еще есть возможность.

— Картер, не лезь со своими советами, когда тебя не просят, — прошипел капитан.

— А что мне ещё делать, Том!? — я резко повернулся к нему. — Бродить по кораблю от бушприта до кормы целыми днями напролёт? Играть с матросами в карты? Загорать на палубе? Я тут скорее как пассажир, а не как офицер. Мне нужны ответы. Сейчас. Зачем я здесь?

— Затем, что без меня ты бы болтался в петле, и ты это знаешь. Так что сделай услугу, заткнись и не мешай, — ответил капитан.

— Я не хочу быть пешкой в твоих очередных грандиозных планах.

— А придётся. Если хочешь жить, — рыкнул Уэйн. — Если всё получится как надо, то, может, даже вернёшь себе корабль. А теперь заткнись. Пойди лучше, проверь, как дела у канониров.

Я молча развернулся и пошёл вниз, в затхлую темноту нижней палубы. Сейчас на смену гамакам, полкам и бочкам пришли пушки и ядра. Пираты осторожно выглядывали через оружейные порты, пытаясь разглядеть вражеский корвет. Некоторые болтали и шутили, спорили о том, кто собьёт фигуру русалки на носу корабля, но большинство оставались серьёзными и сосредоточенными. Предвкушение боя.

— Похоже, нас ждёт добрая драка, ребята, — ухмыльнулся я.

Моряки хищно оскалились, не отрывая взгляда от голландца. Наверху заскрипел такелаж, и ветер погнал «Левиафана» навстречу битве. На корвете подняли боевое знамя, обрасопили паруса и голландец помчался к нам.

— Поднять «Роджера»! — наверху раздался зычный голос капитана. Ответом ему стал дружный рёв. Чёрный флаг полощется в небе, а значит, никакой пощады врагу.

Я в очередной раз погладил рукоять пистолета. Самое время его зарядить. Пуля, обещанная старпому, болталась в парусиновом мешочке на шее. Этот кусочек свинца постоянно напоминал мне о мести. Другие, абсолютно такие же пули, я носил на поясе. Я затолкал пулю в ствол, насыпал пороха на полку и замер в ожидании.

Корвет надвигался на нас, постоянно меняя галсы, лавируя и петляя. Наш корабль тоже разрезал волны, не давая голландцам хорошенько подготовиться к выстрелу. Мы готовились тоже. Первый залп — самый важный в сражении. Есть время выбрать лучшие ядра, подобрать заряд пороха, прицелиться и выстрелить в нужный момент. Все последующие залпы — суматошная толкотня, когда всё происходит настолько быстро, что не успеваешь ничего понять.

Канониры уже стояли с тлеющими фитилями наготове. Пушки заряжены, корабль ошестинился рядом воронёных стволов.

— Эд, как выйдем на выстрел, будь готов! — донёсся приказ капитана.

— Понял! — ответил я.

В горле пересохло. Патрульный корвет тоже готов стрелять. Я дождался, пока волна поднимет нас, и заорал что есть мочи:

— Пли!

Зашипел порох, гроыхнул выстрел, и нижняя палуба заполнилась едким кислым дымом.

— Заряжай, черти вас раздери! — рявкнул я, пытаясь сквозь дым разглядеть врага. — Дженкинс, бань как следует, я не хочу тебя потом от палубы отскребать!

Пират ещё усерднее стал отчищать ствол пушки от остатков пороха и я удовлетворённо кивнул.

Дым немного рассеялся. В корпусе голландца появилось несколько новых дырок, но никаких существенных повреждений мы не сделали. Мелькнула вспышка, я крикнул всем ложиться, и в это же мгновение грохот выстрела докатился до нас. Полетели щепки, и я увидел, как несколько ядер прошили палубу насквозь. Кого-то ранило, кого-то убило, но вести счёт потерям было некогда.

— Заряжай скорее! — кричал я, сжимая кулаки от бессилия.

Самая ненавистная мне часть битвы — когда всё зависит не от твоей силы и ловкости, а от ветра, удачи и опыта канониров. По большей части от удачи.

Второй залп принёс больше результатов, хоть и оказался нестройным и неслаженным. Чей-то меткий выстрел сбил корвету грот-мачту. Исход боя решился всего одним ядром. Теперь мы могли лавировать вокруг него, словно акула вокруг раненого кита.

— Пойдём на абордаж! — рывкнул капитан наверху, и я встрепенулся.

Я выбежал наверх, шурясь от яркого солнца. Шпага уже покинула ножны, я рвался в бой как мальчишка, который жаждет подвигов и славы. Но мне всего лишь надоело бездельничать.

«Левиафан» зашёл корвету в мертвую зону, где ни одна голландская пушка не могла нас достать. На четвердеке уже собралась абордажная команда, вдоль борта выстроились мушкетеры, которые осыпали голландца градом пуль. С корвета отвечали тем же самым.

— Кто первым ступит на их палубу — получит полторы доли! — заорал Томас, потрясая саблей в воздухе.

Воздух пах солью, кровью и порохом.

Грохот столкнувшихся кораблей напомнил о недавнем шторме. Как только абордажные крюки вонзились в палубу корвета — я поднялся на ванты и приготовился к прыжку.

Крики и стоны раненых слились в один нескончаемый звук, выстрелы и звон сабель служили аккомпанементом для этой оды на смерть.

Я не глядя сиганул на четвердек голландского корабля, и сходу зарубил матроса, который даже не успел меня увидеть. Какой-то голландец выстрелил в меня из мушкета, но промахнулся. В следующее мгновение он уже лежал со вспоротым брюхом.

Абордаж, как обычно, превратился в хаос. Я помню только разрозненные фрагменты, например, перекошенное лицо Дженкинса, который остервенело рубил уже мёртвого голландского офицера. Палубу, залитую кровью. Обломок шпаги, воткнутый в мачту. Бойня.

Мёртвые тела лежали повсюду, голландцы и англичане, негры и индейцы, белые и чёрные. Спасти с корвета удалось немногим, шлюпку спустили в самом разгаре боя, и меткий выстрел наших канониров разбил её на мелкие куски. Кто-то пытался прыгать в воду, кто-то прятался в трюме, но, к чести голландцев, большинство сражались до конца.

Капитан патрульного корабля успел забаррикадироваться в своей каюте вместе с несколькими офицерами. Томас, недолго думая, выставил у двери караул и отправился дальше на поиски добычи.

Уэйн не утруждал себя грязной работой, как, например, рядовые пираты, которые сейчас методично ходили между телами и собирали всё, что представляло хоть какую-то ценность. Деньги, драгоценности, золотые зубы, медные пуговицы и даже кисеты с табаком — всё шло в общую кучу. Капитан и офицеры первым делом шли осматривать груз.

Я спустился в трюм вслед за Томасом. Тут следовало быть начеку. Абордажная команда хоть и прошла весь корабль от юта до бушприта, но мало ли кто мог прятаться в темноте. Внизу, на пушечной палубе, повсюду оказался рассыпан порох. То ли голландские канониры неосторожно заряжали, то ли во время сражения бочку с порохом случайно опрокинули, но теперь с огнём сюда зайти не рискнул бы и самый последний смельчак.

— Гасите фонарь, — буркнул капитан.

Лампу немедленно подняли наверх, и теперь мы, полуослепшие после яркого солнца, стояли почти что в крошечной тьме. Свет проникал только через дырки от наших ядер и открытые оружейные порты, в которых торчали пушечные стволы.

— Не нравится мне это, — проворчал старик Смит.

— Надо было оставаться на берегу, — ответил ему первый помощник.

— *Op de aanval!* — раздался вопль из темноты.

— Не стрелять! — крикнул я, когда увидел, что боцман схватился за пистолет.

Оставшиеся в живых голландцы бросились на нас, словно дикие звери. Их глаза уже привыкли к темноте, они знали этот корабль от киля до клотика, их было больше и они стремились забрать с собой в могилу как можно больше пиратов. Им нечего было уже терять. Битва закипела по новой.

Капитан выхватил шпагу и сам бросился в атаку.

— Все, живее вниз! Кто зачищал трюм, получит плетей! — рявкнул он, широкими круговыми ударами защищаясь от врагов.

Мы вчетвером отбивались от нападающих голландцев: капитан, первый помощник, боцман и я. Мой клинок мелькал в воздухе, каждым ударом выпуская кровь кому-нибудь из голландцев. Толстый Уолш орудовал коротким тесаком с небывалой сноровкой, а старик Смит отбивался боцманской тростью и кинжалом.

С палубы уже спускались матросы, набиваясь в тесное пространство трюма и вынуждая нас идти грудью на клинки. Я с трудом отбил очередной удар и бесчестно пнул голландца по яйцам. Когда тот согнулся от боли — я коротко ткнул его шпагой в живот и крутанул лезвием в ране, словно вырезая сердцевину яблока.

Томас выписывал клинком причудливые фигуры, восьмерки и круги, каждый раз отбивая удары за мгновение до того, как они достигнут его. Капитан уже отправил в небытие двух матросов, пока я возился с первым.

Уолш прикрывал капитану спину, страшно рычал и ругался по-ирландски, когда короткому тесаку не доставало буквально нескольких дюймов до врага.

Я принял удар палаша на клинок. Шпага, снятая с французского офицера, зазвенела, но не сломалась, и я, благословив французских оружейников, быстро резанул голландца по шее. Я отпихнул уже мёртвое тело, и с удивлением обнаружил, что схватка уже закончилась.

— Твой, похоже, был последним, — тяжёло дыша, заметил старпом.

— Поганые трусы не рискнули встретить нас на палубе, — сплюнул я.

— Они убили Смита, — процедил капитан.

По толпе сзади нас пронёсся взволнованный шёпот.

— Старый пень как знал, что в последний раз в море вышел, — хмыкнул ирландец и перекрестился. — Упокой Господь его душу.

— Трупы вверх, — приказал Томас. — Вы двое, за мной.

Я протёр клинок полрой рубахи и с громким стуком загнал его в ножны. Меч, проливший сегодня столько крови, заслужил немного покоя.

Уолш от души, с отяжкой, пнул раненого в живот голландца, и мы отправились дальше.

Корвет оказался пуст, как карманы нищего. Немного провизии, запас пороха, ядер, парусины и медикаментов, вот и всё, что мы обнаружили в трюме. Похоже, патруль курсировал уже давно и собирался возвращаться в порт. Шторм нарушил их планы также, как нарушил наши.

Когда мы поднялись вверх, нас ждал сюрприз. Оказывается, пока мы сражались, ван Рейн провёл переговоры, капитан голландского патруля сдался на милость победителя и вместе с двумя офицерами ждал нас на квартердеке.

Голландец стоял с непокрытой головой, сверкая обширной лысиной, которую постоянно вытирал белым шёлковым платком. Капитан корвета постоянно озирался и часто моргал, глядя на лежащие трупы.

Томас подошёл к нему, покачивая окровавленной шпагой.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Николас Янсен, — ответил голландец, снова вытирая вспотевшую лысину.

— Хорошо сражался, Николас. Знаешь, кто я такой?

— Том Уэйн, сэр. — пленный капитан попытался улыбнуться.

— Сэр. Если бы мы поменялись местами, ты бы честил меня «разбойником и пиратом».

Если ты знаешь меня, почему сразу не сдался? И почему сдался сейчас? — капер развернулся и сделал несколько шагов. С кончика шпаги упала капля крови.

— Вам просто повезло, сэр.

— Ладно, перейдём к делу. Тысяча дукатов, и я высаживаю тебя в ближайшем порту целого и невредимого.

— Сэр, на то, чтобы собрать такой выкуп, уйдет немало времени! Мне придется написать моим родственникам в Старый Свет и...

— Эту сказку я слышал тысячу раз! — рявкнул Томас. — Даю тебе десять секунд на раздумья.

Янсен снова вытер вспотевший лоб.

— Я могу дать вам шестьсот дукатов. Все мои сбережения. Мне всё равно придется написать жене на Сан-Мартин, чтобы она смогла выслать деньги.

Капитан прошёлся по палубе. Вся команда ждала решения, затаив дыхание.

— Хм. Хорошо, пусть высылают в Порт-Ройал. Капитану Томасу Уэйну. Правда, тебе придётся немного побыть с нами, месяц или два. Но это лучше, чем пойти на корм рыбам, верно? Ребята, проводите его в каюту, пусть чиркнет своё письмо, — широко улыбнулся Том.

— Спасибо, сэр! — Николас облегчённо вздохнул и отправился в каюту, подгоняемый тычками конвоиров.

— Теперь вы, — лицо капитана вновь обрело хищное выражение.

— Они английского не понимают, — заявил ван Рейн. — Переводить?

— Конечно. Спроси их про выкуп.

Штурман моментально выполнил приказание. Голландцы переглянулись и быстро залопотали что-то на своём языке.

— У одного есть сотня дукатов, у другого ничего нет. Умоляют пощадить, — перевёл штурман.

— Который при деньгах? — спросил Том. — Вот этот? Скажи ему, что он сейчас поплывёт на Сан-Мартин. Передаст письмо капитана, и должен будет привезти в Порт-Ройал семь сотен. Объясни, что его ждёт, если он этого не сделает. Идите, пообщайтесь с Николасом. Ему тоже объясни.

— Как прикажешь, Том, — ответил штурман, уводя пленного в капитанскую каюту.

Голландец, у которого денег не оказалось, теперь остался один. Парень дрожал от страха.

— Что же с тобой-то сделать... — пробурчал Уэйн.

Я удивился — Том никогда не отличался милосердием.

Голландец по-своему понял это замешательство. Он упал на колени и принялся молить о пощаде на ломаном английском, постоянно сбиваясь на родной язык. Парень обхватил ноги капитана, по его лицу текли ручьи слёз. Он всхлипывал и бормотал, с ужасом глядя, как вся команда смотрит на него с ухмылками на лицах.

Томас поморщился и попытался высвободиться из объятий пленника, но тот был слишком настойчив.

— Дьявол тебя забери! — рявкнул капитан, выхватил кинжал из-за пояса и быстрым движением пробил голландцу шею. И ещё. И ещё. Уэйн остановился только тогда, когда шея пленника превратилась в одну сплошную кровавую рану.

Команда одобрительно загомонила.

— Вы видели, ребята, он меня вынудил, — широко улыбнулся капитан, вытирая клинок о рубаху мертвеца. — Святые угодники, он мне ещё и сапоги испачкал! За борт его.

Матросы тут же выбросили тело на поживу акулам. Я встретился взглядом с Филиппом, который стоял на юте и наблюдал за всем происходящим. Тот покачал головой и перекрестился, я в ответ просто пожал плечами. Обычное дело. Голландцу ещё повезло, что он умер быстро.

Шлюпку спустили с корвета, и офицер постарался отчалить как можно быстрее. Ему ясно дали понять, что капитана ждёт мучительная смерть, если через месяц деньги не будут лежать у ямайского ростовщика. Этот голландец казался человеком чести, и его капитан без проблем доверил ему такую деликатную миссию.

Меня так и подмывало стрельнуть по удаляющейся шлюпке, чтоб припугнуть голландца, но я сдержался.

Наши матросы перетащили добычу на палубу «Левиафана», топорами проббили обшивку корвета ниже ватерлинии, и снова потекла размеренная морская жизнь. Вкус победы чувствовался железным вкусом крови на дёснах.

Парусный мастер делал «гробы» для английских моряков, ван Рейн внизу возился с ранеными, а я стоял и смотрел, как патрульное судно идёт на дно. Корвет стал братской могилой для своей команды, и всё это ради нескольких бочек солонины, мешка сухарей и семисот дукатов выкупа.

Вокруг тонущего корабля море будто кипело, разбрызгивая пену и поднимая буруны.

Заупокойную пришлось читать мне. В этом бою мы потеряли убитыми сорок три человека. Ещё около тридцати лежали внизу, под присмотром ван Рейна, и четверо из них уже были при смерти.

Вся команда построилась на шканцах, даже Том стоял среди простых моряков. Он захотел, чтоб молитву прочитал я, на латыни, как у них заведено на «Левиафане». Обычно это делал ван Рейн после того, как закончит возиться с ранеными, но сегодня у него было слишком много работы. Сам капитан молитв не знал, или не хотел знать.

Передо мной лежали зашитые в парусину тела, которые я должен проводить в последний путь.

— *Requiem aeternam dona eis, Domine...* — начал я, вспоминая первые строки заупокойной мессы.

Большая часть английских моряков были протестантами, но католиков тоже хватало, особенно среди ирландцев, крещеных индейцев и негров. Обычай есть обычай.

— *Et lux perpetua luceat eis...* — продолжил я.

Матросы сняли шляпы и замерли в тишине.

— *Requiescant in pace. Amen,* — закончил я краткую версию молитвы.

Том махнул рукой, и два матроса начали спускать покойников за борт. Остальная команда молча стояла, глядя на бывших товарищей и друзей.

— Вот что нас всех ждёт. Кусок паруса, ядро в ноги и стежок через нос, — вздохнул капитан.

Я проводил его взглядом до каюты. Когда последнее тело погрузилось в морскую пучину — начали расходиться и остальные матросы.

— Где ты выучил латынь? — ко мне подошёл Филипп и встал рядом. На его лице было написано страдание.

— Книги читал, — ответил я, рассеянно глядя в синюю даль. — Что, не вяжется с образом кровавого убийцы?

— Не очень, — хмыкнул француз.

— Все удивляются, — ответил я. — Как тебе боевое крещение?

Филипп поморщился.

— Боже упаси вновь такое пережить.

— Привыкнешь.

— Не хочу к этому привыкать, — буркнул он. — Не хочу здесь находиться.

— Я тоже, — я повернулся и посмотрел Филиппу в лицо. — Капитан что-то замышляет. Что-то подозрительное.

Пленного капитана поселили вместе с нами в кают-компанию. Всё-таки, выкуп за него был достаточно большим, чтобы во время плавания он получил достаточно комфорта. Николас оказался весьма приятным в общении человеком и толковым моряком. Он постоянно рассказывал о морских баталиях, где ему довелось поучаствовать. Сначала мы ему не поверили — этот маленький, постоянно потеющий, лысый человек никак не походил на роль бывалого морского волка, но постепенно ему удалось завоевать доверие команды и офицеров.

Оказалось, что однажды, когда я командовал «Удачей мертвеца», мы с ним уже встречались возле Кюрасао. Я вспомнил то сражение: я преследовал караван голландских торговцев. Ускользнуть получилось только у одной каравеллы, на которой тогда и служил Николас. После этого он поступил в военный флот, а значит, именно я поспособствовал нашей нынешней встрече. Я только усмехнулся подобной иронии.

Добычу с корвета поделили в тот же день. Припасы и оружие решили не делить, поэтому всё прошло быстро. Все драгоценности, деньги и безделушки, снятые с трупов, найденные в каютах, высыпали на палубу, и квартирмейстер разделил их на равные доли. Мне, как офицеру, досталась двойная: серебряная индейская подвеска в виде птицы с нацарапанными глифами, несколько десятков монет различного достоинства и позеленевшее медное кольцо. Чертовски мало. Большая часть добычи ушла британской короне.

Пираты радовались как дети, когда Легран называл их имя и торжественно вручал их долю добычи, тут же предлагая обменять драгоценности на деньги или выпивку. Кто-то соглашался, не понимая, что в любом порту они выручат с продажи в два или три раза больше, кто-то отказывался, но в любом случае, больше всего навару сейчас получали двое: капитан и квартирмейстер.

Филипп, получив свои несколько монет, тут же отдал их в счёт долга, и снова остался ни с чем. В самый первый день его обжулили в кости, больше он играть не садился.

Я замотал добычу в широкий пояс, снятый с одного из трупов, а подвеску, недолго думая, надел на шею. Матросы-индейцы о чём-то зашептались, но я не обращал внимания. Иероглифы походили на мои инициалы, и я счёл это забавным.

Тут и там плотники стучали топорами, заделывая дыры, матросы замывали кровь на палубе, а с камбуза доносились аппетитные запахи. Мы были живы, молоды и полны сил. После дележа добычи все находились в приподнятом настроении, а про мертвецов уже никто и не вспоминал. Я прогуливался по наветренной стороне квартердека, снова ничем не занятый. И тут меня осенило. Я быстрым шагом отправился в капитанскую каюту.

Том сидел за столом и вычищал свои пистолеты от нагара. Он поднял взгляд, прицелился в меня и широко улыбнулся.

— Чем могу помочь?

— На корабле освободилась должность... — начал я, и попытался было подойти и сесть за стол, но капитан меня перебил.

— Стой, где стоишь, Картер, — пистолет направлен точно в лицо, и я вижу порох на полке.

— Боцман убит. Я целыми днями бездельничаю. Я мог бы занять место Смита.

— Ты будешь делать, что тебе скажут, Картер, — процедил Том. — Нового боцмана выберем всей командой, это тебе не британский флот.

Я сделал шаг вперёд. Рука с пистолетом дёрнулась. Я сделал ещё шаг, прогремел выстрел.

— Ну так объясни мне уже, в чём твой замысел, Томми, — я бесцеремонно уселся за стол и обернулся — в дверном косяке зияла дыра.

— А ты храбрый ублюдок! — капитан рассмеялся и достал из шкафчика бутылку.

Ром полился в стаканы.

— Ладно, я видел тебя в деле. Пожалуй, теперь можно открыть тебе кусочек правды.

— Ты меня уже тысячу раз видел, Том.

— Тогда ты не был мне настолько родным! Неважно. Видел весь этот сброд с нижней палубы? Лучшие ныряльщики архипелага. Одни из лучших.

Мы подняли стаканы.

— За храбрость.

Тихий «дзыньк», и обжигающая жидкость бежит по горлу.

— Я знаю место, где лежит целая гора золота.

Я наострил уши. Том поставил стакан и демонстративно положил руки на стол.

— На дне океана. Я знаю точное место, и ты мне нужен, чтобы туда добраться.

— Зачем тебе я? У тебя есть штурман, ты сам неплох в навигации.

— Штурману я не доверяю, а самому стоять с квадрантом, пока нужно вести судно по тем рифам и отмелям — нет. Я веду корабль, ты вычисляешь координаты.

— У тебя есть координаты той кучи золота? Даже если у тебя есть координаты с точностью до секунд, мне не вычислить наше положение с такой же точностью. По крайней мере, долготу мне точно не вычислить.

— Не совсем. Есть кое-что другое.

— Даже не знаю, чем я тут могу тебе помочь, — пожал плечами я и собрался было встать.

В руке капитана молниеносным движением появился пистолет. Другой пистолет. И в этот раз Уэйн вряд ли станет стрелять по двери.

— Тебе придётся помочь, Картер. Курс от Ки-Уэста до Сент-Дэвида. Через открытое море. Есть отрывки из судового журнала. Там почти все румбы записаны! Чёрт побери! Если бы не рифы! Смит мог бы провести корабль, но старик уже был одной ногой в могиле.

— Что значит «почти все»?

— Несколько страниц вырвано. Но, я думаю, тебе хватит, чтобы повторить их курс. И ещё. Ни одна душа не должна знать, куда и зачем мы идём.

Я кивнул и молча вышел, обдумывая слова капитана. Сложная предстояла работёнка.

В кают-компаниии мы теперь ютились вшестером. Новым боцманом выбрали одного из матросов, Маккормика. Шотландец постоянно пил и сквернословил, но морское дело знал хорошо.

Пленный капитан жил рядом с нами, и на корабле его свобода почти ничем не ограничивалась. Ему запретили подходить к пороху и оружейной комнате, в остальном его времяпровождение не отличалось от моего. Николас точно так же прогуливался по палубе, вглядывался в горизонт и изредка фехтовал со мной на шпагах. Голландец, казалось, даже не помышлял о побеге, а наоборот, старался установить со всеми добрые отношения.

Вечером мы как раз собрались поужинать, когда Николас предложил нам сыграть в карты. Голландец достал из кармана потёртую колоду и добродушно улыбнулся. Очевидно, ему, как и мне, наскучило безделье.

— На что играем? — Маккормик угрём выскользнул из гамака и сел за стол. Из-за ужасного шотландского акцента его трудно было понять, но все уже привыкли.

— На интерес, конечно.

— Ищи дурака в другом месте, — фыркнул новый боцман и вышел.

— Я пас, — отозвался Уолш.

Остальные офицеры промолчали.

— Я бы предпочёл шахматы, — сказал я.

Николас разочарованно убрал карты в карман.

— Может, в шашки? Смотрите: ножом здесь расчертим доску. А из пуль шашки сделаем.

Я только усмехнулся в бороду.

— Может, на какой-нибудь интерес?

— Нет, Николас, в другой раз.

— Тогда могу ли я предложить вам пофехтовать? — спросил голландец.

— С удовольствием составлю вам компанию, — улыбнулся я.

Мы взяли шпаги, поднялись на бак и отсалютовали друг другу. Матросы освободили нам место, предпочитая наблюдать издалека.

— En garde! — воскликнул я, принимая классическую фехтовальную стойку.

— Нет, мистер Картер. Сегодня мне бы хотелось подраться по-настоящему.

Я рассмеялся.

— Минхер, вы же не хотите сегодня умереть здесь, после всего пережитого. Дома вас ждут жена и сын.

— Я бы хотел выучить некоторые ваши приёмы. Для реального боя.

— Не забывайте, Николас, вы пленник.

— Я дал слово чести, что не буду сбегать или как-то вредить кораблю или команде, — вспыхнул он.

— В любом случае, нас неправильно поймут, — заявил я. — En garde!

Мы, наконец, скрестили шпаги. Как противник он мне в подмётки не годился, но это всё же лучше, чем сражаться с собственной тенью. Николас прогрессировал с каждым днём, несмотря на почтенный возраст и отсутствие хорошей подготовки. Капитан патрульного судна больше был моряком, чем солдатом.

Клинки мелькали с быстротой, неуловимой человеческим глазом, но я уже давно отучился смотреть на клинки. Я оценивал соперника по позе, положению рук, ног, корпуса, я предугадывал его действия, и всякий раз шпаги сталкивались, издавая мелодичный звон, звучащий для меня как песня. Солёный вечерний бриз дул мне в спину, и я специально встал так, чтобы заходящее солнце светило мне в лицо. Можно сказать, я поддавался этому низенькому лысому человеку, который покорила меня своей жизнерадостностью и умением встречать неприятности в лицо.

Я ушёл в глухую оборону, дав сопернику возможность попрактиковаться в различных видах атаки. Изредка я контратаковал, когда Николас подходил чересчур близко или пытался прижать меня к фальшборту, но, в основном, я держал его на расстоянии и отражал довольно посредственные удары.

— Вы хороший человек, мистер Картер, — внезапно произнёс он. Солнце за спиной делало его похожим на чёрный силуэт.

— Сильное заявление, — рассмеялся я. — Вы что, забыли моё прозвище?

Янсен попытался рубануть меня по ногам, но я лихо перепрыгнул шпагу и ударил её по гарде. Клинок вылетел из руки голландца и покатился по палубе.

— Кровавый Эд. Звучит достаточно грозно, но в жизни вы совсем не такой.

— Не будь вы пленником — я бы зарубил вас на месте за эти слова, — сказал я.

— До чего же хорошо быть пленником! — рассмеялся он, и я невольно улыбнулся.

Николас снова поднял шпагу и, словно росчерком пера, показал, что готов биться дальше.

— В чём ваш секрет? — спросил я, один за одним нанося размашистые удары сверху вниз.

Голландец заметно побледнел.

— Вы клянётесь хранить его в тайне? — спросил он в ответ, изящными движениями уходя от кончика моей шпаги и переходя в контратаку.

— Да, конечно, — легкомысленно ответил я.

— Похоже, на всём корабле я могу довериться только вам, мистер Картер.

Николас широким круговым движением отвёл мою шпагу в сторону, и его клинок разящей молнией устремился мне прямо в лицо. Я едва-едва успел отскочить.

— На самом деле, у меня нет никаких накоплений. Только долги.

Я опешил.

— Туше, мистер Картер, — произнёс он. Острие шпаги упёрлось мне в кадык.

По моим расчётам, мы подошли уже совсем близко к берегам Флориды. Мы прошли пролив Юкатан, обогнули Кубу и на всех парусах мчались к самому крупному поселению архипелага Флорида-Киз.

— Вижу парус, два румба справа по борту! — раздался крик сверху.

Либо испанцы выбрались из Гаваны, чтобы поохотиться, либо это англичане ищут приключений.

— Кто на гюйсе? — спросил Томас, выходя из каюты.

— Святой Георгий, кажется!

— Поднять Георгия, — приказал он. — Поворот на румб вправо, канониры, приготовить салют.

Капитан раздал указания и вернулся в каюту. Я знал, что он не упустит шанса похвастаться недавней победой.

Рулевой, как приказано, повернул штурвал, и нам даже не пришлось менять паруса — свежий попутный ветер упорно тянул нас на северо-восток. Британский корабль тоже заметил нас. Через пару минут раздался выстрел, мы ответили тем же.

Томас снова вышел из каюты, разодетый как павлин: шляпа с длинным разноцветным пером, шёлковая рубашка с кружевами, ярко-малиновые штаны и чёрный бархатный камзол. Несомненно, он подготовился к встрече с английским капитаном, и не хотел терять свою репутацию.

— Шлюпку спустить. Картер, ты со мной. Уолш, остаёшься за старшего.

Я поправил грязную парусиновую рубаху, подпоясался шпагой и вальяжной походкой отправился к борту. По сравнению с капитаном я выглядел как самый настоящий оборванец.

На воде уже качалась шлюпка, та самая, на которой Том встретил нас в Бас-Тере. Моряки сидели на своих местах, ожидая новых приказов. Я спустился вслед за капитаном, и как только моя нога коснулась дна шлюпки — гребцы дружно взялись за вёсла.

Английский фрегат встал к нам боком, и на кормовой надстройке я различил название. «Неустрашимый». Самое обыкновенное имя для военного корабля британского флота. Я вспомнил те дни, когда служил простым моряком на британском корабле. Из той поры я вынес несколько шрамов, понимание дисциплины и полное неприятие службы короне.

С «Неустрашимого» нам спустили верёвочную лестницу и мы поднялись на палубу. Судя по физиономии Томаса, он ожидал, что его будут встречать с оркестром или хотя бы построением, но все матросы занимались своими делами, и только капитан с несколькими

офицерами стояли у трапа.

— Добро пожаловать на борт «Неустрашимого», сэр, — учтиво произнёс капитан.

— Славный фрегат у вас, сэр. Мое имя Томас Уэйн, я капитан шлюпа «Левиафан», — пират изящным жестом снял шляпу и поклонился.

— Капитан Паккард, лейтенанты Моррисон и Адамс, — капитан представился сам и представил своих офицеров.

Я благоразумно промолчал, делая вид, будто я простой матрос и мне не о чем беседовать с флотскими офицерами.

— А это мой навигатор, Эдвард Картер, — Том показал на меня рукой.

Офицеры настороженно переглянулись. Английские корабли я грабил так же часто, как и все остальные.

— Тот самый? — спросил один из лейтенантов, кажется, Моррисон.

— Да, да, да, — пробурчал Том. Похоже, его раздражало то, что моя слава гремела громче, чем его.

Моррисон что-то шепнул на ухо своему капитану, но тот лишь покачал головой.

— Рады приветствовать вас всех, — сказал он и пригласил нас выпить вина и поделиться новостями.

Капитанская каюта больше походила на картинную галерею. Все стены увешаны натюрмортами и пасторальными пейзажами, на многочисленных полках стоят статуэтки древнегреческих нимф и бюсты правителей. Я застыл в изумлении, разглядывая произведения искусства.

— Любите живопись, мистер Картер? — спросил капитан, садясь за стол.

— Предпочитаю древнегреческую философию и историю, — ответил я и покрутил в руках бюст Октавиана Августа.

Мы все сели за стол, и вестовой разлил вино по бокалам.

— Какие новости на архипелаге, мистер Уэйн? — спросил капитан Паккард.

— Ничего особенного, капитан. Идём с Гваделупы на Ки-Уэст, торговать сахаром. Последний шторм был ужасен, не правда ли? Нас отнесло почти на сотню миль к западу. Пришлось сделать небольшой крюк, но всё-таки.

Я недоуменно поднял бровь. Одержать славную победу и не похвастаться — что-то странное творится с капитаном Уэйном.

— Хвала Господу, мы переждали его на рейде Чарлстауна.

— Джентльмены, за то, чтоб каждый ветер был попутным! — воскликнул Том, поднимая бокал. — А что вы расскажете нового? Мы уже достаточно долго в море.

— Прошёл слух, что сюда зачастили испанские суда, — ответил капитан и немедленно выпил.

— До Гаваны рукой подать, неудивительно, — сказал я.

— Нет, мистер Картер, они обычно севернее. Багамы, Бермуды. Будто кого-то ищут, — сказал лейтенант Моррисон. — А здесь мы их просто караулим, у побережья Кубы.

Томас скривился, будто съел кусок лимона.

— Поганые испанцы, — прошипел он.

— Зато можно взять неплохой приз, — улыбнулся Паккард, по-своему понимая реакцию капера.

Я отхлебнул вина, наблюдая за офицерами.

— Недавно в порту слышал новость, будто возле Пуэрто-Рико объявился какой-то новый

пират, — произнёс лейтенант Адамс.

— Ах, эти пираты, — Томас махнул рукой. — Они приходят и уходят. Преступники и каторжники, все до единого.

— Разве вы и сами не промышляли разбоем, мистер Уэйн? — спросил лейтенант Моррисон.

— Позвольте! Я капер его королевского величества Карла Второго, и впредь попрошу не путать меня с обыкновенными головорезами, — Том поднял палец вверх и широко улыбнулся. — Из нас всех здесь только мистер Картер был пиратом, но и он вовремя раскаялся и передумал.

— А этот пират возле Пуэрто-Рико, какой у него корабль? — спросил я.

— Это только слухи, мистер Картер, — сказал лейтенант Адамс.

— Мне изрядно любопытно, мистер Адамс. Учитывая моё прошлое, — я хищно оскалился и, похоже, напугал Адамса.

— Люди говорят, что это бриг или бригантина, — ответил лейтенант.

Через полчаса нехитрых бесед и хорошего времяпровождения капитан Уэйн решил, что достаточно уже злоупотребляет гостеприимством британских моряков, и мы отправились обратно на «Левиафан».

Когда мы отплыли на расстояние выстрела, Том расстегнул камзол и сорвал шейный платок.

— Ненавижу эти чёртовы обеды и этикет! — прорычал он. — Чёртовы испанцы, как они успели так быстро!?

— Всё отменилось? — спросил я.

— Нет, Эдди, всё только стало гораздо интереснее. Проклятье! Шевелите вёслами, дьявол вас подери!

Гребцы ускорились, и через пару минут мы уже поднимались на борт «Левиафана». Уолш, как водится, доложил, что за время нашего отсутствия ничего не произошло, капитан приказал поднимать паруса и скрылся в каюте.

Я обернулся и посмотрел на английский фрегат. Может, мне показалось, но я различил троих офицеров, смотрящих на меня. Но мне, скорее всего, показалось.

Через полчаса мы уже на всех парах неслись к Ки-Уэсту, «Неустрашимый» остался далеко позади, но беспокойство капитана только усиливалось. Томас ходил кругами по квартердеку, словно разъярённый лев, и посматривал на паруса. Из шлюпа выжали максимальную скорость, ещё быстрее он мог идти, только если выбросить пушки и груз, но пойти на такое Томас не решился. Или ещё не решился, судя по его выражению лица.

— Рулевой, четыре румба направо! Курс на Нью-Провиденс! — рявкнул капитан.

Я подошёл к нему.

— Том, если курс проложен от Ки-Уэста, я не смогу проложить его от Чарлстауна. Даже если от Багам ближе, то мы просто никогда не найдём твоё золото.

Капитан повернулся ко мне, глаза его блеснули бешенством. Его рука машинально сжала рукоять пистолета.

— Бунтовать задумал? — прошипел он.

— Нет, я всего лишь взываю к голосу разума. Идти придется в точности, как шёл тот корабль, по журналу. Иначе это поиск иголки в стоге сена. Причём, в стоге сена размером с Лондон.

— Там уже всюду рыщут испанцы. Найдем их — найдем и золото, — возразил Томас. — Обрасопить грот-марсель, негодяи, Маккормик, куда ты смотришь, команду!

— А если они ничего не найдут? Полагаться на испанцев — очень рискованный шаг.

— Тем лучше для нас. Вернёмся к Флориде и прочешем район заново, — сказал Том.

— Не проще ли тогда сразу идти от Флориды? — спросил я. — Вряд ли испанцы отыщут нашу добычу за эти полдня, что мы потеряем. К тому же, у нас почти вся вода протухла.

Капитан глядел мне в лицо, в глазах его кипела злоба. Он, как и я, ненавидел отменять принятые решения.

— Будь по-твоему, Картер. Но если из-за тебя я потеряю своё золото, то не стану повторять ошибок Уильяма Мура. Я тебя просто пристрелю. Как бешеную собаку.

— Лады, — миролюбиво произнёс я, втайне празднуя победу.

Когда впереди показались красные черепичные крыши Ки-Уэста, пираты запели и стали работать вдвое усерднее. Пение, конечно, больше походило на ритмичные выкрики, но какие люди — такие и песни. Я и сам спел пару куплетов про пьяного матроса.

Все предвкушали отличный поход по местным кабакам, хвастались, горланили и смеялись. Единственная отрада в жизни простого моряка — как следует напиться на берегу, подраться и прогуляться по борделям. Некоторые капитаны, особенно британские, специально не давали матросам сходить на берег, ставили охрану и старались по максимуму ограничить команду. Но это не британский военный флот, а вольные пираты, и поэтому Томас не мог не отпустить своих людей в порт, как бы ему этого не хотелось.

Я стоял на носу корабля, рядом с бушпритом, и вспоминал, как впервые сошёл на берег после долгого плавания. Тогда я ещё служил простым матросом на британском корабле, пороховой обезьянкой, то есть, мальчиком на побегушках. У меня в то время ещё даже не начал ломаться голос, но я уже твердо знал, как стрелять из пушки, как ставить парус, как отдраить палубу до блеска, и, наконец, как убивать людей до того, как убьют тебя.

В те годы я не задумывался о том, что меня ждёт впереди. Я был типичным обитателем нижней палубы с простыми стремлениями и желаниями. Я хотел быть живым, сытым и одетым. Британский флот, в отличие от лондонских улиц, мог это предоставить хотя бы частично.

В первый раз мы прибыли в порт Барбадос, известный своими плантациями сахарного тростника. Там я впервые напился рома до невменяемого состояния. И там же я встретил человека, который изменил всю мою жизнь. Старый корсар в таверне рассказывал байки про сундуки золота, великие сражения и приключения, верный клинок в руке и надёжный пистолет за поясом. Я купил ему выпить и слушал его истории весь вечер, очарованный морской романтикой.

Впоследствии оказалось, что старик пиратов видел только издали, служил он вовсе не у Ньюмена, а у безвестного английского торговца, не офицером, а простым матросом, а теперь зарабатывал тем, что дурачил молодых восторженных морячков. Но это уже никак не могло повлиять на моё решение. В тот день я твердо решил стать самым известным флибустьером.

«Левиафан» бросил якорь в бухте на севере острова. Тяжёлый чугунный крюк плюхнулся в прозрачную воду и мигом пошёл на дно, распугивая тропических разноцветных рыб.

— Спускайте шлюпки, дьявол вас побери, — проворчал капитан. — В шесть склянок отчаливаем.

Матросы, неделями не ступавшие на берег, торопились попасть в город, чтобы хорошенько покутить. Надо было успеть напиться сейчас, чтоб вернуться на корабль до заката.

В порту капитана встретил приказчик, и Томас сразу отправился в управление, отметить и, возможно, накопать что-то свежее по нашей добыче. Легран, как положено квартирмейстеру, занялся пополнением припасов — заказал тендер, на котором привезут свежих овощей, зерна, вяленого мяса и фруктов. Ван Рейн пошёл к аптекарю, плотник — на верфь.

Остальные моряки, и я в том числе, пошли гулять по набережной с единственной целью — найти ближайший кабак. На Ки-Уэсте это оказалось проще простого. Вдоль мощёной булыжником набережной стояли многочисленные торговые палатки, из которых наперебой звучали призывы купить всё самое нужное именно у них. Трубки и табак, порох и пули, безделушки и драгоценности, шляпы и сапоги, кинжалы и топоры. Казалось, у местных торгашей можно найти всё, что душе угодно. Я и сам, поддавшись на уговоры обворожительной англичанки, купил у неё широкополую шляпу, крепкий кожаный пояс и парусиновые штаны. Ходить оборванцем на корабле это одно, а ходить оборванцем по городу мне не позволяла репутация.

Тут же, прямо на улице, сидел цирюльник и предлагал заросшим морякам побриться за небольшую плату. Разумеется, к нему сразу же выстроилась очередь.

Я увидел, как в одну из таверн гурьбой заходят наши матросы, и поспешил к ним присоединиться. К счастью, в этот раз мне не придется использовать какие-то уловки, чтобы поест. Корабельная пайка всем уже надоела до чёртиков, хотя стоит признать, что кок был весьма неплох.

Гостеприимный таверщик уже разливал ром по стаканам, понимая, что сегодня хорошо заработает. Я уселся рядом с моряками и бросил на тяжёлую дубовую столешницу серебряную крону, с которой на нас глядел старый король Яков. Таверщик моментально переместился ко мне. Одно отточенное движение — и монета уже покоится где-то в его рукаве, а сам таверщик подобострастно улыбается, переключая всё свое гостеприимство на меня.

— Наливай. Всем.

Моряки встретили это одобрительным рёвом, от которого, кажется, сотрясались стены. Сегодня каждый мог позволить себе выпить, но от халявы не откажется никто. Стаканы мигом наполнились до краёв, таверна наполнилась шумом, криками и хохотом.

Тёплый, обжигающе крепкий ром отдавал сивухой, деревом и сахаром, но никто не обращал внимания на качество. Главное, чтобы он бил в голову сильнее, чем ослиное копыто, а остальное неважно. Рядом с матросами уже нарисовались местные девки, которые сразу принялись очаровывать захмелевших флибустьеров, тихо и ненавязчиво принуждая их расстаться с деньгами.

Я оттолкнул от себя одну из них, залпом осушил очередной стакан и, наконец, огляделся. Немногочисленные завсегдатаи сидели небольшими группками, глядя на нас с презрением и злостью. Что ж, сегодня здесь гуляем мы. Наши матросы кутили, не обращая внимания ни на что. Даже сам Иисус, вернись он сегодня с небес, не смог бы отвлечь их от еды, женщин и выпивки.

Среди моряков сидел Филипп со стаканом в руке, угрюмый до невозможности. Его пыталась обнять и поцеловать какая-то местная девка, но француз не поддавался.

— Филипп! Иди сюда! — рявкнул я и помахал ему рукой.

Француз с облегчением встал и пошёл ко мне. Я спихнул с соседнего места кого-то из матросов, указал ему на освободившуюся девку и тот с великим удовольствием поменялся местами с Филиппом.

— Сколько ты уже выпил? — спросил я, когда француз сел рядом, держа в руке полный стакан.

— Нисколько.

— Давай пей! Это приказ! — прорычал я и стукнул пустым стаканом по столу.

— Ты губишь свою душу, — вздохнул он, заглядывая в стакан, в котором плескалась мутная тёмная жидкость. — И мою заодно.

— Наши души будут гореть в аду! Верно, ребята!?

Ответом мне стал дружный рёв, в котором угадывались одобрительные выкрики.

— Пей. Ты теперь капер его королевского Величества, а значит, все грехи он берёт на себя. Ты храбро бился на абордаже.

Филипп вздрогнул.

— Лучше бы я не просыпался в ту ночь. Когда ты меня чуть не убил.

— Но ты жив, значит, этого хочет Бог! Пей и забудь про всё. Сегодня вечером надо отдохнуть.

— Я не хочу быть здесь, — сказал он. Похоже, он меня совсем не слушал.

— Ладно, ты мог сегодня остаться на корабле, дежурить. С тобой бы кто угодно поменялся, и даже доплатили бы.

— Я хочу домой.

Я заглянул в пустой стакан и вздохнул.

— Я тоже. Но моим домом был мой корабль.

Дверь таверны распахнулась, и внутрь вошёл Томас, как всегда, щегольски одетый и источающий обаяние. Капитан умел работать на публику. К нему сразу же подбежали несколько девиц, таверщик налил ему вина, а какой-то матрос уступил капитану место за столом. Том взял стакан и отсалютовал всем присутствующим, его поприветствовали в ответ. Я тоже поднял стакан одновременно со всеми.

Он сидел чуть поодаль от нас, вполоборота, и я мог видеть его лицо. Капитан пил и смеялся вместе со всеми, но во взгляде его то и дело проскальзывала скрытая тревога. Угроза. Внешне он выглядел абсолютно спокойным и расслабленным, но я видел, как он украдкой оглядывался на дверь, посматривал на таверщика и местных девок, хватался за нож, когда кто-то входил или выходил.

Я поднялся из-за стола, сказал Филиппу оставаться тут, осушил ещё полстакана и подошёл к капитану. Земля под ногами качалась, я снова ощутил себя на палубе корабля.

— Эдди! Садись, выпей с нами! — улыбнулся мне капитан, поглядывая на дверь за моим плечом.

— Может, лучше сходим подышать на улицу?

— Неплохая идея, Эдди. Пойдём, — сказал он.

Как только мы вышли за дверь — Том схватил меня за ворот и потащил за угол. Я не стал сопротивляться.

— Ты тоже их видел? — прошипел он, снова озираясь по сторонам.

— Кого? — спросил я. — Том, чтостряслось?

— Испанцы! Здесь, в городе! Я видел их барк!

— Ты перепил? Это британский город, откуда здесь испанцы?

Я почувствовал прикосновение холодной стали.

— Если ты работаешь на них — я тебя прямо здесь завалю. Нож в печени ещё никому шансов не оставлял. Выйди на набережную и посмотри на корабли.

Я выглянул из-за угла таверны. На рейде стояли несколько незнакомых судов и «Левиафан».

— Что не так? Всё в порядке, обычные торговые суда. Английские, французские.

— Левее! — прошипел капитан. — За тем фрегатом. Флаг французской вест-индской компании.

— Обычный барк, — протянул я и обомлел. Очертания его напоминали тот самый корабль, что обстрелял нас с Филиппом возле Бас-Тера. — Испанский.

— Теперь понял? Они следят за мной! — прошептал Том. Бешеный взгляд, на бороде висит ниточка слюны — он был бы похож на городского сумасшедшего, если бы я не знал, что это всё правда.

— Возвращаемся в таверну, собираем команду и отчаливаем по-тихому, — предложил я. — И нож убери.

— Это отребье не собрать до заката, чёрт побери! Надо было идти от Чарлстауна!

— Тогда дождёмся темноты. У меня есть идея.

Когда солнечный диск разлил по воде кровавые пятна, а полный штиль сменился порывами вечернего бриза — мы отправились обратно на корабль. Усталые, но счастливые, матросы медленно плелись по набережной, самых пьяных тащили на себе немногие трезвые. Кого-то побили, кто-то хвастался украденным барахлом, кто-то горланил песни на весь город. Но все, до единого, возвращались на корабль. Те, кому сегодня не повезло остаться на борту, с завистью смотрели на пьяных.

Мы с Томасом шли последними, подгоняя отставших и следя за хвостом. Определённо, за нами следили, я замечал тени в переулках и слышал шаги в темноте. Но мы старательно делали вид, что довольны происходящим — я пел песню про испанских леди, а Том подпевал на нужных моментах.

Я последним поднялся на борт «Левиафана» и обернулся посмотреть на пирс. Возле него на волнах качалась одинокая шлюпка, у которой стояли несколько человек.

— Подождём немного, — сказал я.

Капитан кивнул. Вахтенный шесть раз ударил в колокол. Сегодня все прибыли на судно вовремя.

Шлюпка отчалила от пирса, и я убедился, что это испанцы возвращаются к своему барку. Тот стоял на якоре примерно в двух кабельтовых от нас, спрятанный за другими судами. Когда испанская шлюпка скрылась из вида, я посмотрел на капитана. Пора.

Я быстро разделся догола прямо на палубе, взял плотницкий топор и прыгнул в воду. Топор потянул меня на дно, но мне это не помешало. Я поплыл вперёд, стараясь не выдать себя ни единым всплеском. Я обернулся — матросы, как и было приказано, занялись своими делами, имитируя бурную деятельность. Словно «Левиафан» готовится отчалить.

Волн здесь, в бухте, практически не было, и даже не чувствовалось, что эта тёплая, обласканная солнцем вода — часть большого и беспокойного Атлантического океана. Я медленно приближался к цели, огибая английские и французские корабли. Нельзя было, чтоб меня заметили хоть на одном из них, так что мне приходилось нырять и плыть под водой как можно дольше. Когда кончался воздух — я тихо всплывал, чтобы отдышаться, смотрел на спящие корабли и плыл дальше.

На барке горели огни. Я вдохнул побольше воздуха, нырнул и, разгоняя стайки тропических рыб, подплыл к испанскому кораблю. Днище его заросло острыми ракушками и водорослями, и мы могли бы не беспокоиться, он бы с таким днищем нас никогда не догнал, но не стоит уповать на одну лишь удачу. Я подплыл к рулю, взялся за баллер — ось, передающую повороты штурвала, и ударил по нему топором. В воде удар получился слабым, но на деревянной поверхности появилась небольшая зарубка. Немного терпения — и испанцы ещё долго не смогут покинуть бухту.

Я вслепую наносил удар за ударом, но безрезультатно, насквозь сырое дерево плохо поддавалось топору. Лёгкие горели, перед глазами уже плыли круги, но я упорно махал оружием. Наверху я слышал голоса, и внезапно сквозь толщу воды пробились лучи света. Кто-то свесился с фонарём с кормы.

Я оттолкнулся от руля и проплыл под кораблём, мечтая лишь о глотке свежего воздуха. Я ударился о киль, порезался ракушками, но всё-таки смог всплыть там, где меня никто не увидел. Взошла луна, и в её свете я увидел, что весь покрыт мелкими порезами и ссадинами.

Вокруг меня расплывалось чёрное пятно крови. Испанцы наверху всполошились, но я пока оставался незамеченным. О чём я только думал, когда вызвался перерубить толстенную балку под водой одним топором, ночью?

Ещё одно погружение, и я снова поплыл к корме. Я смертельно устал, топор неумолимо тянул на дно, но я грёб изо всех сил, чтобы «Левиафан» мог ускользнуть от слежки. Я с размаху вогнал топор в перо руля, на котором тут же появилась длинная продольная трещина. Ещё несколько ударов — и я разломал его пополам. Я даже посмеялся над собой, что не догадался сделать так с самого начала.

Я проплыл под водой сколько смог и, наконец, вынырнул, с шумом втягивая воздух. С испанского барка раздались крики.

— El esta aquí! Aquí! Disparar! Rapido! — разобрать я сумел немного, но абсолютно точно понял, что по мне собрались стрелять.

Глубокий вдох, нырок, и я изо всех сил стараюсь уплыть подальше. Я плыл зигзагами, сбивая прицел испанцам. Раздались приглушённые выстрелы, похожие на удар доской о доску, и маленькие свинцовые шершни устремились вниз, в царство Посейдона, оставляя за собой крохотные буруны.

Я всплыл, чтоб глотнуть воздуха, и тут же нырнул обратно. Снова гроыхнул залп, стреляли из мушкетов и пистолей, ясно как божий день. Я мысленно вознёс молитву, чтобы паписты не догадались стрельнуть картечью.

К счастью, я доплыл до английского фрегата и спрятался за ним, чтобы немного перевести дух. Пока не услышал характерный плеск спускаемой шлюпки. До «Левиафана» оставалось примерно полтора кабельтова, я абсолютно голый, почти безоружный, не имел никаких шансов против полной шлюпки испанцев. Человек в воде вообще почти беспомощен против человека в лодке.

Я решился на финальный заплыв и рванул к пиратскому шлюпу. Руки и ноги стали будто бы ватными, а в голове звенело так, что я решил больше никогда не повторять таких подвигов. Я обернулся и увидел, что шлюпка приближается ко мне с неумолимостью айсберга.

«Левиафан» не подавал признаков жизни. На палубе ни единой живой души, все фонари погашены, все люки задраены, все флаги спущены. Я в отчаянии грёб к нему, истекая кровью от порезов, я плыл так, как не плавал ещё никогда. Но какой бы ни был пловец, лодку ему не обогнать.

Смех и ругань испанцев звучали всё ближе и ближе, но стрелять они уже не стали. Решили взять живьём. Это давало мне кое-какие шансы.

Я нырнул и кинулся в сторону, сбивая их со следа и надеясь, что в свете луны они не увидят, куда я поплыл на этот раз. Когда я всплыл, то увидел, что шлюпка всё ещё идёт прямо за мной. Корабль был уже так близко, но всё-таки слишком далеко.

Шлюпка приблизилась настолько, что испанцы уже могли ударить меня веслом, и в этот же момент на «Левиафане» открылись орудийные порты, из которых высунулся ряд воронёных пушек. Из-за фальшборта поднялась едва ли не половина команды, целясь в испанцев из мушкетов. Мир словно замер.

Я сделал последний рывок до корабля, мне бросили линь и, наконец, втащили на борт. Я обессиленно рухнул на палубу, сжимая рукоять топора и истекая кровью.

— Видел бы ты свою харю, Картер, — прозвучал голос из темноты. — Бледный, рожа

перекошена, ну точно ходячий труп. Ещё и топор кое-как у тебя забрали.

Я попытался разлепить глаза, и с какой-то попытки у меня получилось. Тёмный затхлый трюм, пахнет кровью и экскрементами. Значит, я у врача.

— Питер... Дай попить... — простонал я, ослабший не только от потери крови, но и от жуткого похмелья.

— А, очнулся всё-таки. Одевайся и двигай наверх, капитан тебя хочет видеть, — заворчал ван Рейн.

Я жадно присосался к ковшику свежей чистой воды. Похмелье не отступило, но чувствовать себя я стал намного лучше.

Штурман угрюмо сидел на низком табурете и ждал, пока я оденусь. Похоже, он не слишком-то любил свою вторую работу. Раненые и покалеченные моряки медленно умирали здесь, в тёмном закутке нижней палубы, уповая лишь на себя. В жарком климате Вест-Индии раны заживали слишком плохо, часто гноились, и зачастую единственным способом избежать гангрены была ампутация. Покалеченных матросов высаживали на берег в каком-нибудь знакомом порту и выплачивали небольшую сумму компенсации. Большая часть инвалидов становились пьяницами и попрошайками, и, в конечном счёте, умирали бесславной смертью от голода, пьянства или тропической лихорадки.

Поэтому быть судовым врачом не любил никто. Слишком многих придётся потерять, и слишком многих придётся обречь на бесполезное существование.

Я закончил с переодеванием, кивнул Питеру и поднялся на палубу. Солнце, стоящее в зените, ударило по глазам, меня покачивало от слабости и тошнило. Но я отпустил поручень и нетвёрдой походкой отправился к капитану.

Пока я отдыхал внизу, шлюп вышел в открытое море. Паруса наполнены свежим бризом, на горизонте виднеются острова Флорида-Киз, прямо по курсу скрыты облаками Багамские острова, известное логово пиратов и контрабандистов всех мастей. И, заодно, самый сложный для навигации район Вест-Индии.

Я подошёл к Томасу, который сегодня лично встал за штурвал. Капитан напряжённо всматривался в море и слушал доклады матроса, что бросал лот на корме.

— Ненавижу эти отмели, — проворчал он, когда я встал рядом.

— Одиннадцать! — крикнул матрос.

— Идём точь-в-точь по курсу того корыта. И глубина только уменьшается. Какой чёрт их вообще на Бермуды потащил?

— Курс-то верный хоть? — спросил я.

— Вроде бы да. Держи, тут всё записано, — капитан протянул мне стопку листов. — В моей каюте есть карта, перепроверь всё как следует.

Я взял листы и быстро просмотрел содержимое. Чернила расплылись, но разобрать надписи ещё было возможно, стандартная схема записи — время, координаты, скорость, примечания. Я порадовался тому, что капитан того судна, кем бы он ни был, вёл судовой журнал как следует.

В капитанской каюте царил хаос. Стол был завален бумагами, картами, приборами, мусором и всяческим хламом. Я кое-как разгрёб этот бардак, сел и принялся за чтение.

«2 часа пополудни 17 мая 167.. года, 24R33' северной широты, вышли из Ки-Уэста, курс ост-норд-ост, пункт назначения — Сент-Дэвид. Погода ясная, скорость — три узла.»

Я взял карту северной части Вест-Индии, нашёл там побережье Флориды и поставил точку в нужном месте.

«5 часов пополудни 17 мая 167.. года, 24R35' северной широты, курс норд-ост, скорость — пять узлов.»

Это будет сложнее, чем я думал. Придётся вспомнить математику и высчитывать пройденное расстояние после каждого поворота. Я выругался и принялся считать, загибая пальцы и проговаривая вслух полученные числа. Когда расстояние нашлось, я отмерил его на карте и поставил ещё одну точку. Совсем рядом с предыдущей.

Сегодня я проклял тот далёкий день, когда решил заняться математикой. После того, как я твёрдо решил стать самым знаменитым флибустьером, я понял, что знаю слишком мало, чтобы быть капитаном, и стащил из кают-компания какую-то книгу. «Арифметику» Диофанта, перевод на латынь, слишком сложную для полуграмотного матроса, почти не умеющего читать. Но я неведомым образом разобрался в хитросплетениях чисел, переменных и уравнений, вернул Диофанта на место и стащил другую книгу — «Принципы астрономической космографии» Фризия. Я не обращал внимания на содержимое книг, я читал всё, до чего мог дотянуться и старался как можно больше практиковаться в чтении. В конце концов, меня поймали с поличным, когда я попытался украсть «Диалоги» из капитанского шкафа. Мне всыпали плетей за кражу, но капитан разрешил мне в свободное время приходить и читать под присмотром.

«Полдень 19 мая 167.. года, 05` северной широты, курс но. д-норд-ост, с...р. ть — семь узлов. Повсюду от...и, только что е...а не напоролась на рифы. Сильный ветер.»

Чернила на листе расплывались всё сильнее, и некоторые точки приходилось ставить почти наугад, руководствуясь прежним курсом, здравым смыслом и интуицией. Голова уже болела от обилия чисел, перевода градусов в морские мили, узлов и румбов. Со стороны Томаса было жестоко сажать меня, раненого и похмельного, за эту работу.

«8 часов пополудни 19 мая 167.. года, 25R..6` северной широты, подошли к необитаемому острову. Зашли в бухту переждать шторм.»

Я нашёл нужный островок на карте, несколько раз сверил курс и поставил жирную точку. Нужно передохнуть. Оставалось всего несколько страниц, но я решил оставить их на потом.

Море, зелёное от водорослей, растекалось белыми хлопьями пены, врезаясь в торчащие над водой рифы. «Левиафан» крался между ними, словно хищник, почуявший добычу. На носу стоял матрос и предупреждал об опасности, на корме другой замерял глубину. Сам капитан вёл судно с великой осторожностью, каждую секунду рискуя самым драгоценным своим сокровищем — кораблём.

Том поприветствовал меня взмахом руки.

— Как успехи?

— Посредственно. Ты мог бы дать мне эти листы раньше, гораздо раньше, — сказал я. — Голова уже от этих чисел раскалывается.

— А если бы ты вычислил координаты и сбежал в порту!?! — Том искренне удивился моему упреку. — Я не могу так рисковать. Поэтому ты вычислишь курс сейчас, а я проведу шлюп по этим чёртовым отмелям.

— Разумно. Тогда почему ты сам не вычислил его раньше?

— Ненавижу математику, — ответил капитан. — Ты и сам возненавидишь.

— Уже.

— Если есть возможность спихнуть работу на кого-то — спихивай, — легкомысленно произнёс Том.

— Хочешь сделать хорошо — сделай это сам, — ответил я.

— Тоже верно.

— Есть кое-какие хорошие новости, между прочим. Через два дня после отплытия они причалили к необитаемому острову. Я отметил его на карте.

— Я знал, что не ошибся в тебе, Эдди, — улыбнулся капитан. — Иди, продолжай. И ни слова штурману.

Я вернулся в каюту и снова принялся за работу. Под конец листы совсем испортились, текст размылся до неузнаваемости и я кое-как мог разобрать нужные мне показатели. Кое-где записи превратились в одну сплошную кляксу, и я просто переписывал начисто примечания, которые мог прочитать. Но последняя запись сохранилась превосходно. Судя по всему, её дописали уже потом, после того, как судовой журнал побывал в воде.

«20 мая 167.. года. Санта-Мария напоролась на рифы. Пробит корпус, помпы не справляются, починить не удалось. Принято решение покинуть корабль. Груз остаётся в трюме, за ним придётся вернуться позже. Ориентир — риф над водой, похожий на арку.»

Координаты в записи были старательно зачёркнуты, но направление я знал точно. На северо-восток от необитаемого острова. В сторону Бермудских островов.

Я на всякий случай скопировал карту и примечания на отдельный лист, дождался, пока высохнут чернила, свернул его в трубку и спрятал за пазухой. Теперь оставалось только провести корабль к нужному месту, каким-то образом достать золото и смыться до того, как нас найдут крайне сердитые испанцы.

Наверху раздались довольные возгласы — «Левиафан» успешно миновал зону рифов, глубина резко увеличилась, да так, что лотлинем не измерить, и можно было не бояться сесть на мель или наскочить на камни. Матросы запели очередную шанти, чтоб веселее ставить паруса, и до меня доносились обрывки задорных матерных куплетов.

Теперь, когда у нас появилась конкретная цель, мы во весь опор мчались к островку, затерянному посреди океана. Я поёжился. Если бы Уилл посадил меня на таком, то меня давно бы уже обглодали крабы.

Я вышел наверх, разглядывая горизонт. Акватория здесь была усеяна мелкими островками, рифами, отмелями, зарослями плавучих водорослей, обломками и мусором. Здесь, к северу от Багам, сходились множество течений, унося с собой всё, что плавало в море поблизости. Здесь начинался Гольфстрим, пересекающий весь океан.

На землю спускалась ночь, принося с собой долгожданную прохладу. Я встал на носу корабля рядом с одним из матросов. Парень весь день высматривал рифы, и теперь сидел на бушприте, пожёвывая табак.

— Погано дело, сэр! — воскликнул он, скользнув по мне ленивым взглядом. — Недолго нам ещё на всех парусах идти.

— Это ещё почему? — спросил я, чтоб поддержать разговор. Я прекрасно видел туман, сгущающийся впереди.

— Туман впереди сгущается! Кто ж в тумане на всех парусах-то ходит! Ежели ещё и рифов здесь как блох на собаке, — матрос был рад порисоваться перед пришлым офицером-выскочкой, но меня совершенно не заботило его мнение.

— Пусть Уэйн решает, сколько ему парусов нужно. Скажет — ты ещё и лисели с топселями полезешь ставить.

Матрос фыркнул и отвернулся. Однако, он был прав, нет ничего хуже, чем напороться на что-нибудь в тумане. Бывало, целые эскадры пропадали в море, когда пытались пройти

сквозь густой, белый как молоко, туман. Когда не видно даже верхушки мачт, когда приглушённые голоса звучат будто со всех сторон, а висящая в воздухе влага настолько холодна, что промораживает тебя до костей. Когда мир словно накрыт толстой пуховой периной.

Но конкретно этот туман был похож на белый могильный саван. «Левиафан» заблаговременно обстенил и убрал паруса, и мы медленно вошли в туман, разрезая его на седые ключья, которые тут же собирались обратно.

— Господи Иисусе, — пробормотал кто-то на палубе, но я не смог различить говорящего.

Я стоял рядом с бушпритом, на носу корабля, и не мог увидеть даже фок-мачты. Зажгли судовые огни, но они казались всего лишь маленькими пятнышками света посреди бескрайнего серого океана, который вдруг поднялся в воздух и стал мелкими частичками пыли, повисшими над остатками водной глади. Наверное, так и выглядела бесконечность до того, как Господь сказал своё первое слово.

Наверху один за другим вспыхнули синие огоньки, и матросы издали дружный вздох облегчения. Святой Эльм взял нас под своё покровительство.

Мы шли сквозь туман, как нож сквозь масло, не разбирая дороги и не ведая времени. Казалось, прошла уже целая вечность. Я не смел покинуть палубу, и стоял впереди, глядя на однообразный пейзаж, состоящий из двух элементов — окончания бушприта и серой дымки, застилающей всю земную поверхность. От этого однообразия у меня закружилась голова.

Солнце, где-то там, за облаками, окончательно скрылось за горизонтом. Туман из светло-серого покрывала превратился в мрачную пепельную дымку. Я учуял запах жжёного табака с наветренной стороны, но искать и наказывать курящего матроса не стал — не моё дело. К тому же, при такой погоде вряд ли возможно найти собственные башмаки, не говоря уже о ком-то другом.

Впереди раздался плеск, и я попробовал разглядеть там хоть что-нибудь. Тщетно. Плеск повторился, на этот раз ближе. Либо это рыба бьёт хвостом по воде, либо какая-то шлюпка идёт прямо на нас, либо волны плещутся на торчащих рифах. И лично я предпочёл бы первый вариант.

— Слышу плеск впереди! — предупредил я остальных.

Матрос недоверчиво обернулся на меня, и я примерно показал направление. Парень развёл руками, мол, ничего не слышу, но плеск не прекращался, словно волны перекатывались через какое-то препятствие.

— Бросить лот! — крикнул первый помощник.

— Девять футов! — откликнулся вахтенный.

Мы снова вернулись на мелководе. Проклятье. В таком тумане сесть на мель проще простого. Впереди снова плеснуло.

— Теперь слышишь? — вполголоса спросил я. Матрос кивнул.

Старпом отдал приказ лечь в дрейф, и немногочисленные паруса зарифили буквально за несколько мгновений. Корабль шёл медленнее ползущей черепахи, пользуясь морским течением и волнами.

Туман по-прежнему стоял густой пеленой, и мы, насквозь промокшие, уселись прямо на палубе, скользкой от росы.

— Слышал я, что в таком тумане можно мертвецов встретить, — раздался приглушённый голос на баке. Я подошёл поближе, чтоб послушать. — Один мой кузен,

Джереме, такой корабль видел, рассказывал. Обычный с виду корабль, только ни одной живой души на нём нет. Призраки одни.

— Брехун твой Джереми. Как он этих призраков в тумане увидел? Я ноги-то разглядеть не могу толком, а он корабль с призраками увидал.

— Сам ты брехун! — огрызнулся матрос.

— А я тоже такую историю слышал. Только не в тумане видели, а в полночь, в полнолуние. Увидели корабль, подошли к нему, а там только крысы и мёртвый капитан за столом в каюте. И больше ни души.

Пираты зашептались между собой. В такую историю верилось больше, чем в призраков.

— Был один капитан в голландском флоте. Ван дер Декен, кажется. Лет пятьдесят назад, — я узнал голос Николаса. — Пошёл он, значит, через мыс Горн. И, как назло, налетели шторма. Вся команда просила его назад повернуть, но он был упрям, как баран. Три дня и три ночи пытался он в пролив зайти, но каждый раз приходилось поворачивать обратно. И как только команда взбунтовалась, Ван дер Декен призвал дьявола.

На баке повисла звенящая тишина.

— И что, дальше-то что? — воскликнул кто-то нетерпеливый.

— Шкипер продал ему душу. В обмен на то, чтоб пройти через мыс. И он прошёл. Но теперь и сам капитан, и вся его команда обречены скитаться до второго пришествия.

— Святая дева Мария.

— А если ему на пути встретится кто-то ещё, — продолжил Николас. — Голландец убьёт каждого живого человека на судне, во имя Сатаны.

— Брехня, — произнёс я.

— Брехня или нет, но я, когда ещё мичманом был, лично видел фрегат с чёрными драными парусами. И наш кэп удирал от него, как ещё ни разу ни от кого не удирал, хотя он тем ещё смельчаком был, — ответил Янсен.

Впереди раздался глухой стук, будто что-то врезалось в корпус нашего шлюпа. Все переполошились и побежали к носу, перегибаясь через фальшборт. В тумане никто не мог ничего разглядеть, но стук повторился и один из матросов спустился за борт на тросе.

— Это бочка! — крикнул он сквозь белую пелену.

— Поднимай, — приказал старпом, спуская вниз ещё одну верёвку.

Через пару минут бочка стояла на палубе, источая гнилостный трупный запах и заливая всё потоками воды.

— Ну, посмотрим, чего нам Нептун подарил, — протянул Уолш, топором сбивая крышку.

Запах в ответ едва не сбил нас с ног.

— Черт побери, Уолш, что там? — воскликнул кто-то из тех матросов, кто нашёл в себе силы остаться поблизости.

— Мясо, — ответил старпом. — Выбрасывайте за борт, пока мы тут от запаха не сдохли.

Бочка тут же отправилась обратно, на корм рыбам.

— Что, Ричи, так испугался протухшего мяса, что лёг в дрейф? — хохотнул кто-то в тумане. — Сдрейфил?

— Заткнись, Дженкинс, — рыкнул старпом. — Все, живо по местам!

Когда в полдень я снова вышел на палубу, то не поверил, что вчерашний туман в самом

деле был реален. Небо, пронзительно голубое, раскинулось широким куполом, без единого облачка, только чайки купались в этой синеве, кружась над нашим кораблём. Бирюзовая вода плескалась за бортом, словно призывая окунуться в прохладную морскую пучину, спасаясь от палящего солнца.

Я встал на юте, рядом с вахтенным, взял квадрант и повернулся к солнцу. Колокол пробил трижды, компас показал, что солнце точно на юге, и я привычно выставил линейки на горизонт и небесное светило. Несколько нехитрых расчётов, и я получаю результат — 25 градусов, 10 минут. Надо записать в судовой журнал.

На горизонте виднелась целая россыпь островов, один из которых был нашей целью. Близость к сокровищам приятно грела душу, но кроме меня и капитана про них никто не знал. Некоторые думали, что мы идём в Бостон, поторговать, остальные надеялись, что капитан прознал про какие-то тайные караванные пути, и мы идём их пограбить. Матросы даже не догадывались, что всё гораздо проще и прибыльнее.

Нужный нам остров лежал западнее всех остальных, в стороне от торговых путей и вдалеке от ближайших посёлков. Глубина здесь не превышала десяти футов, и можно было разглядеть в кристально чистой воде песчаное дно, водоросли и разнообразную морскую живность. Ветер и волны намыли длинную песчаную косу, которая с другой стороны превращалась в удобнейшую бухту, закрытую от непогоды.

«Левиафан» бросил якорь неподалёку от поросшего густой тропической растительностью берега.

— Неплохое местечко, — протянул Томас, выбираясь из шлюпки и оглядываясь.

Пологий песчаный берег тянулся на несколько сотен ярдов, над ним возвышались кокосовые пальмы, а чуть дальше начинались самые настоящие джунгли.

— Если есть родник, то из этого острова получится отличная база, — сказал я.

На берег высыпали пираты, радостные от того, что под ногами снова твёрдая земля. Пахло дымом — кто-то уже разжёл костёр, некоторые сразу же отправились в джунгли поохотиться на коз, а самые ленивые расположились в тени пальм и устроились спать. Мы с Томасом и ещё несколькими пиратами пошли вглубь острова, поискать какие-нибудь следы испанской команды.

Как только я шагнул под зелёный полог тропического леса, то в очередной раз поразился многообразию флоры, которая окружала и завоёвывала всё, до чего могла дотянуться. Свежий морской воздух сменился душным и влажным воздухом джунглей. У каждого на висках выступили бисеринки пота, а рубахи промокли насквозь. Нам приходилось прорубать себе дорогу через лианы и кусты, размахивая тяжёлыми мачете. Тут же поднялась целая туча moskitov, и я вспомнил, за что ненавижу сельву и тропики.

— Ненавижу moskitov, — пробурчал я, в очередной раз оставляя от насекомого лишь мокрое место.

— А ты им наоборот, очень нравишься, Эд, — хохотнул один из пиратов.

— Почему карибов они не едят? — спросил я, показывая рукой на идущего впереди индейца из нашей команды. Тот спокойно шёл, не обращая ни на кого внимания.

— Приелись уже наверное за столько лет, — философски рассудил Томас.

Впереди, в зарослях, показался силуэт козы, одной из тех, что привезли сюда моряки, чтобы на острове всегда можно было найти пропитание. Робертс, один из матросов, вскинул мушкет и выстрелил, почти не целясь. Коза упала замертво, и стрелок, насвистывая похабную песенку, отправился за ней. Пираты одобрительно заворчали, отмечая хороший

выстрел. Свежее мясо, пожаренное на открытом огне, после солонины всегда кажется самым вкусным блюдом на свете. Ради таких моментов стоило жить.

Где-то в джунглях раздались ещё несколько выстрелов, и мы отправились обратно, предвкушая роскошный обед. На берегу уже вовсю кипела жизнь, и было шумно, как в большом городе. Охотники освежёвывали добычу, самые нетерпеливые уже пили ром, который по такому случаю взяли с собой на берег, кто-то уже успел подраться, пьяный Дженкинс стрелял по кокосовым пальмам из пистолетов, а пираты кричали и аплодировали, приветствуя каждый сбитый кокос.

Добытое мясо поделили поровну с каждым членом команды, и пираты разделились на мелкие группки вокруг костров. Я расположился у костра с Филиппом и Николасом, которых никто к своему костру брать не желал. Мы закопали кусок мяса в угли и сели прямо на песке.

— Выглядит так, будто мы здесь пассажиры, а не часть команды, — нахмурился я.

Николас приподнял шляпу и удивлённо посмотрел на меня.

— Я уже привык, — произнёс Филипп. — На меня просто не обращают внимания.

— Странно, вам не кажется? — Николас понизил голос и улыбнулся. — Я многое слышал о Береговом Братстве. Больше плохого, конечно, но все члены там на равных.

— Они просто не знают, как со мной обращаться, — хмыкнул я. — Два капитана на одном судне это перебор.

— Три капитана, — поправил меня голландец.

— Три капитана, да. А Филипп изначально поставил себя так, словно вынужден был присоединиться.

— Но я и правда был вынужден! — воскликнул он. Теперь, через месяцы плавания, он был совсем не похож на того мальчишку-рыбака, которого я чуть не убил на Доминике. Филипп загорел, возмужал и стал более жёстким.

— Ты мог сдаться властям и вернуться домой. Рассказать всю правду под присягой, и суд наверняка поверил бы тебе, особенно если бы позвали твоего отца в свидетели. Но ты решил пойти со мной, и это к лучшему. Настоящий мужчина не должен всю жизнь ловить сардин.

К нашему костру нетрезвой походкой приблизился Дженкинс, один из пиратов, в сопровождении кучки своих прихвостней.

— Это вы че тут шепчетесь!?! — воскликнул он, сжимая бутылку рома так, что побелели костяшки. — Небось, задумали уже чего?

— Иди проспись, — произнёс я.

Пираты неодобрительно заворчали, но я не смог разобрать ни одного слова среди этого пьяного бреда. Вся остальная команда замороженно следила за развитием событий.

— Указывать мне будешь? — прорычал матрос, вынимая из-за пояса длинный пистолет.

— Это совет, — спокойно ответил я, глядя, как перед моим лицом покачивается дуло пистолета.

Пираты замешкались. Добрый совет никогда не был чем-то плохим.

— Вы же по-любому что-то скрываете! Святоши поганые! Нашлись тут праведники! Была б моя воля, повесил бы на первом же дереве! — распалял себя Дженкинс, нарываясь на конфликт.

Матрос размахивал пистолетом и брызгал слюной, бешено вращая глазами. Соратники Дженкинса стояли чуть поодаль и о чём-то возбуждённо переговаривались. Я спокойно

сидел на месте и ждал продолжения.

— Трусливые собаки! — воскликнул Дженкинс.

Филипп одним быстрым движением вскочил и отправил пьяницу в нокаут. Дженкинс повалился наземь, как мешок с песком, выронив пистолет. Его друзья похватались за ножи, но Филипп схватил упавший пистоль и направил на них. Я тоже достал свой пистолет. Безоружным остался только голландец.

— Да воздастся каждому по делам его, — произнёс Филипп, глядя в лицо морским разбойникам.

— Эй, а как же вся эта чушь, мол, подставь другую щёку? — хмыкнул один из пиратов, поигрывая клинком.

— Забирайте тело, — я пистолетом указал на спящего Дженкинса. — И валите обратно к своему костру. Пока новых дырок в шкуре не появилось.

Пираты переглянулись между собой и спрятали ножи. Затем они взяли товарища за ноги и поволокли по земле, изредка бросая на нас злобные взгляды.

— А ты хорош, — протянул я и засунул пистолет за пояс. — Отличный удар.

Филипп молча сидел, потирая костяшки пальцев.

— Самое время доставать мясо, джентльмены, — улыбнулся Николас и начал разгребать угли сапогом.

Никаких следов того, что испанцы вообще были на этом острове, мы не нашли, но повеселились на славу. За вечер случилось ещё несколько драк, но что было на берегу — остаётся на берегу. Пьяному матросу больше негде выпустить пар.

«Левиафан» скользил по волнам, матросы ставили паруса, тянули шкоты и поворачивали реи, а я стоял на корме и бросал сухари в воздух, где их на лету, с боем, подхватывали жадные чайки.

Я видел, как пираты перешёптываются у меня за спиной, мол, старина Эд совсем спятил, часами стоит и пялится в воду. Только капитан посматривал на меня с довольной ухмылкой на лице. Я обходил корабль по кругу вдоль борта, осматривая горизонт в поисках нужной скалы, и высматривал на дне какие-нибудь остатки кораблекрушения.

Пока что безуспешно, но я замечал дельфинов, ламантинов, огромных скатов и целые стаи медуз. Несколько раз я увидел внизу размытые силуэты акул, о чём не преминул сообщить остальным. Я с упоением наблюдал, как косяки рыб, сверкающие серебром, проплывали под нашим кораблём.

Когда я в очередной раз прогуливался по баку, то увидел парус прямо по курсу, который белел маленьким пятнышком на горизонте. Но прежде чем я произнёс хотя бы звук, он расплылся в небесах небольшим кучевым облаком. Я понял, что переусердствовал с наблюдением.

Уэйн постоянно сверял курс по карте, пресекая все попытки своего штурмана заглянуть в бумаги и отправляя его обратно к раненым. Не знаю почему, но капитан всё ещё скрывал настоящую цель от всех, кроме меня.

Томас хищно рыскал по кораблю, придумывая матросам всё новые и новые занятия. Он провёл учения для канониров, где каждый матрос должен был стрелкнуть из пушки по бочке в воде, он вместе с боцманом муштровал индейцев, которые до сих пор не отличали фал от шкота, а брасы от гитовов. «Левиафан» кружил здесь, между Флоридой, Багамами и Бермудами, словно потерявшийся щенок, курсируя от одного островка к другому, от глубины к мелководью и обратно, пытаясь найти этот злосчастный риф.

Матросы роптали, не понимая, к чему это, но Томас лишь ругался и продолжал поиски, пока в один прекрасный момент на траверзе мы не увидели арку.

Капитан, завидев желанный риф, обрадовался так, что приказал вытащить на палубу сразу несколько бочек рома, бочку вина и две бочки эля. Восторженные английские матросы, не задавая вопросов, упились так, что заснули прямо на палубе, но их тут же перетащили вниз. Вахтенным, которые в тот день оказались исключительно неграми и индейцами, было приказано оставаться трезвыми под страхом смерти.

Офицеры, кроме меня, тоже напились и теперь спали в кают-компании, и вся забота о шлюпе легла на наши с Томасом плечи. Нам приходилось рулить, управляться с парусами, смотреть за глубиной и искать затонувшее судно вдвоём, потому что от индейцев, которые только путались под ногами, толку было мало. Через некоторое время к нам присоединился Филипп, который пить не стал, и Николас, которому было всего-навсего скучно.

С половиной команды шлюп управлялся куда тяжелее, но мы упорно шли к тому самому рифу, под которым похоронено испанское золото. Капитан по такому случаю разоделся как попугай, словно уже готовился принимать почести от губернаторов, дворян и самого короля.

Мы рыскали вокруг арки, как пёс, унюхавший добычу. Капитан свесился через фальшборт и делал вид, что блюёт от морской болезни, но я знал, что он высматривает корабль на дне.

— Есть! — услышал я сдавленный вопль, и поспешил к капитану. — Лечь в дрейф, живее! Обстените паруса, тупоголовые!

Внизу тёмным силуэтом виднелся испанский галеон, поросший водорослями.

— Это он? — спросил я, глядя в воду.

— Он, родимый, — протянул Томас, предвкушая добычу. — Смотри, сейчас бросаем якорь, спускаем шлюпку с ныряльщиками. Вытаскиваем золото и валим отсюда.

Я в ответ пожал плечами, мол, не мне решать.

— Эй, краснокожие! Готовьте шлюпку! Скоро пойдёте купаться! — крикнул он.

Корабль лёг в дрейф, и теперь качался на волнах Атлантического океана, затерянный среди островов и рифов Багамской отмели. Я стоял на шкафуте и смотрел, как негры, индейцы и беглые рабы неуклюже спускают шлюпку под пристальным взглядом капитана.

— Ровнее опускай, вашу мать! — рычал капитан, потрясая кулаками в воздухе. Том не скупился на тумачи и, как умел, подгонял команду.

Наконец, шлюпка присела на водную гладь и закачалась в реверансе, словно придворная дама на приёме у короля. Матросы взяли за вёсла и отошли на несколько ярдов. Капитан встал на носу лодки с таким видом, будто сейчас сам, в роскошном наряде и тяжёлых ботфортах, нырнёт за сокровищами. Индейцы испуганно смотрели на него и ждали новых указаний. Я стоял наверху, на борту «Левиафана» и наблюдал.

— Внизу лежит целая гора золота. В трюме вот этого галеона, — капитан показал вниз. — И вы должны будете его достать. Вопросы есть?

Один матрос, юный негр, похожий на маленькую обезьянку, робко поднял руку, и капитан уставился на него как удав на добычу.

— Маста, я не умею.

Томас вздохнул.

— Что не умеешь? — спросил он.

— Плавать, маста, — негр хлопал ресницами и умоляюще смотрел на пирата.

Громыхнул выстрел, и когда рассеялся дым, я увидел Томаса, который выбрасывал мертвеца за борт. Кровь расплылась по воде алым пятном, негр камнем пошёл ко дну.

— Ещё вопросы? — ровным спокойным тоном произнёс капитан, стряхивая остатки пороха с пистолета.

— Акулы, — заикнулся было индеец, показывая на кровь, но мгновенно умолк под сердитым взглядом капитана.

Наконец, первый смельчак разделся и спрыгнул в воду. Голова индейца торчала из воды, он часто и громко дышал, набирая побольше воздуха перед погружением. Капитан довольно оскалится, и остальные пловцы тоже начали раздеваться.

— Картер, привяжи линь куда-нибудь и брось конец в воду! Пусть привязывают золото, а ты вытягивай наверх! — крикнул Том.

Я взял тонкий пеньковый трос, один из тех, что лежали на палубе, собранные в аккуратные мотки, пропустил его через блок, привязал один конец к мачте, а другой связал в петлю и бросил в шлюпку капитану. Тот помахал мне, подёргал за линь и убедился, что всё связано достаточно надёжно.

Филипп подошёл к борту и встал рядом со мной, глядя на капитана.

— Отличный шанс ускользнуть, — полушёпотом произнёс он. Рука его, скрытая за фальшбортом, показала жестом, будто стреляет по шлюпке из пушки.

— И что ты потом скажешь нижней палубе? — спросил я. — Они нам ни за что не поверят.

Француз пожал плечами, мол, какая разница.

— А матросов не жалко? — я показал на сгучающих гребцов.

Он растерялся. Видимо, эту деталь он не продумывал.

— Застрелить его из мушкета.

— Я за это дело не возьмусь, а пока целишься ты — он тебя уже застрелит, — хмыкнул я. — Разбудишь всю эту пьянь внизу, и мы отправимся за борт, как тот негритёнок.

Капитан тем временем хищно смотрел в воду, словно голодный медведь над ручьём. Все ныряльщики уже скрылись внизу, и я засёк время, сколько они уже под водой. Прошло уже не меньше десяти минут, но ни один из них не выныривал. Я удивился и позавидовал, понимая, что плавал к испанскому кораблю совершенно зря. Можно было отправить любого из этих индейцев, и всё получилось бы гораздо быстрее и качественнее.

Наконец, один за другим, они стали выныривать, и, глотнув воздуха, плыть обратно.

— Эй, эй, эй! — занервничал Томас, пытаясь остановить пловцов, но тщетно, они уже снова плыли к испанскому галеону и не слышали никаких приказов.

Я окинул взглядом горизонт. Загаженный чайками риф возвышался над шлюпкой как триумфальная арка, знаменующая долгожданный успех поисковой экспедиции. Птицы кружили над нами как вороньё над мертвечиной, грязные, серые чайки жадно и резко кричали, словно требуя свою долю сокровищ за то, что они всё это время неустанно следили за здешними водами.

— Плохой знак, — проворчал я, показывая на кружащих птиц.

Наконец, над водой показалась голова первого ныряльщика. Мокрые волосы лезли ему на глаза, и он постоянно мотал головой, пытаясь отбросить их назад. Индеец бросил на дно шлюпки грязный, покрытый илом кирпич, который в свете полуденного солнца неожиданно ярко блеснул золотом.

Капитан жадно схватил его и потряс в воздухе, отплясывая безумные танцы радости и счастья. Капельки ила щедро забрызгали дорогой шёлк его рубашки, но пират не обращал внимания, смеясь во весь голос и любуясь профилем короля на чеканке Мадридского монетного двора. Индеец держался за борт шлюпки и терпеливо ждал, пока капитан обратит на него внимание.

— Ай, молодцы! Знал же, знал, не прогадал! — смеялся Томас.

— Сэр, там всё илом заросло, водорослями, трудно, — перебил его ныряльщик. Пока он говорил, вынырнули ещё несколько, каждый держал в руках по слитку золота.

— Ну так откапывайте! Доставайте золото! — капитан вздохнул так, будто в тысячный раз объяснял прописные истины.

Индеец устало кивнул и погрузился под воду. Остальные пловцы побросали золото в шлюпку и тоже скрылись в глубине.

— Тащите по несколько штук, я вам зачем верёвку сбросил, акулы вас задери! — рявкнул Томас вдогонку, но его снова никто не услышал.

Я перегнулся через борт, рассматривая испанское золото, которое валялось на дне лодки, поблескивая в лучах солнца. Небольшие неровные слитки, грязные от донных отложений и водорослей, сейчас казались самыми обыкновенными кусками металла. И даже

непонятно, что в них настолько ценного, что люди готовы убивать и умирать ради него. Но я знал, что как только возьму слиток в руки, то отдать его будет уже очень и очень сложно. Золото почти всегда притягивает людей каким-то мистическим образом.

Вот и капитан сейчас сидел в лодке, невероятно счастливый, и глупо улыбался. В руках Томас неустанно вертел поднятый первым слиток, и уже отполировал его кружевным рукавом до блеска.

Ко мне подошёл Филипп и показал рукой на подветренный борт. Я недоуменно выгнул бровь, мол, всё в порядке, ничего необычного, но тут заметил белое пятнышко чужого паруса. К нам медленно, против ветра, но целенаправленно, приближался какой-то корабль. Я хотел было крикнуть и предупредить капитана, но едва я раскрыл рот, Филипп шикнул на меня, призывая к молчанию.

— Не поднимай тревоги раньше времени, — шепнул он. — Может, это наш шанс уйти по-тихому.

— Если это испанцы, а я готов поставить золотой дублон, что это они, у нас будет только шанс подохнуть на виселице, — ответил я, напряжённо вглядываясь в горизонт.

— Против ветра идут, у нас еще пара часов в запасе, — хмыкнул француз, который с каждым днём становился всё более опытным моряком. — Будем надеяться, индейцы хоть половину успеют поднять.

Мы, на всякий случай, спустились вниз и принялись готовить пушки левого борта — подкатали ядра, принесли порох, набрали воды. Делать это всё вдвоём оказалось сложнее, чем я предполагал.

Тут и там лежали спящие пьяные матросы, в воздухе висел тяжёлый и душный аромат перегара, и нам приходилось пробираться и переступать прямо через человеческую свалку. Кто-то уже успел наблевать в углу, пьяные моряки бормотали что-то невнятное, а кто-то даже стонал и клялся больше не пить.

— Мне кажется, если высечь искру, то тут всё на воздух взлетит без всякого пороха, — хмыкнул Филипп, морщась от запаха дешёвого пойла.

— И никто даже не проснётся, пушкой не разбудишь, — ответил я, приоткрывая орудийный порт, чтоб поглядеть на приближающийся корабль.

Сейчас за ним наблюдал голландец, который абсолютно бескорыстно взялся помочь нам двоим и докладывал о всех перемещениях корабля. Неизвестное судно постоянно меняло галсы, чтобы идти против ветра, но, теперь это было уже очевидно, шло прямо к нам.

Теперь было видно, что это тот самый барк, который я оставил без руля на рейде Флориды. И наверняка испанцы шли к нам с самыми добрыми намерениями. При свете дня я различил название — «Сан-Сервандо». Кастильцы почти всегда называли свои посудины именами святых, и этот барк не стал исключением.

Я выглянул за борт, где индейцы один за другим заполняли шлюпку золотом, от которого она ощутимо просела. Капитан, пребывая в блаженном неведении, смотрел, как золотые слитки выстраиваются ровными рядами, словно толстая крепостная стена. Укрытый собственным кораблём, заметить испанцев он пока не мог, и поэтому довольно обмахивался шляпой, развалившись на банке.

— Эй, вы двое! — Томас заметил нас, стоящих у борта. — Куда запропастились!? Тяните линь, вытаскивайте!

— Может, сказать ему? — спросил я, хватаясь за верёвку.

— Давай сперва золото поднимем, — рассудил француз.

Мы оба упёрлись ногами в фальшборт и взялись тянуть. Капитан навязал на верёвку достаточно много, пришлось поднапрячься, но мысль о том, что какой-то из этих слитков может перепасть нам — грела душу и придавала сил.

Я обернулся и посмотрел на Николаса, который пристально наблюдал за испанцами. Пленник махнул рукой, показывая, что барк сделал поворот оверштаг, через ветер. Я изо всех сил желал, чтоб испанцы потеряли ход, не вовремя обросопили фок, недовернули руль, сели на мель или вовсе утонули в полном составе вместе с кораблём. Но их команда оказалась достаточно опытной, чтобы успешно менять галсы и идти в крутой бейдевинд.

Золото, поднимаясь наверх, стучало по медной обшивке «Левиафана», словно тысяча маленьких звонких молоточков. Наконец, первые слитки, обвязанные тонкой пеньковой верёвкой, поползли по палубе.

— Надумаете украсть — застрелю! У меня всё посчитано! — рявкнул Томас, и мне тут же пришлось расстаться с великолепной идеей нарубить слитки на пластины и привязать к телу.

Мы вытащили на палубу около десятка слитков, и я, наконец, решился.

— Капитан, там испанцы! С подветренного борта! — крикнул я.

Томас мне не поверил.

— Капитан! — повторил я. — Испанцы!

— Картер, старый пройдоха! Я знаю, что ты хочешь золотишко прибрать, но мог бы придумать что-нибудь получше!

Я зарычал от бессилия что-то доказать, и принял командование на себя.

— Ник, буди команду, бей в колокол! Филипп, поднимаем якорь! — я уже не слушал проклятия, что посылал мне капитан, а бежал к вороту, вытаскивать и закреплять тяжёлый металлический якорь.

Сейчас мы были превосходной мишенью для испанских канониров. Барк ещё не подошёл на расстояние выстрела, но до этого момента оставались считанные минуты.

Зазвенел колокол, отчаянно предупреждая об опасности, но, по всей видимости, просыпаться никто не хотел. Николас побежал на нижнюю палубу, будить всех по старинке.

Якорь, хоть и с огромными усилиями, подняли, и теперь можно было драпать отсюда, сверкая пятками. Мы с Филиппом тут же побежали к грот-мачте, ставить тяжёлый парус и приводить шлюп к ветру.

Снизу что-то кричал Томас, среди брани и проклятий я сумел различить обвинения в трусости, воровстве и предательстве. Похоже, капитан так и не понял, как дело обстоит на самом деле.

Золото, никому не нужное, валялось на палубе, и я отшвырнул его в сторону, чтоб не мешалось. Мы взялись за брасы, и стали поворачивать грот-рею к ветру. Парус несколько раз оглушительно хлопнул, но выдержал, и вскоре потащил нас вперёд, одновременно разворачивая «Левиафана» носом к врагу. Я молил всех богов, обещал им всё, что только можно, лишь бы не попасть под продольный залп кннпелями, который срубил бы все мачты и оставил нас совершенно беспомощными.

Николас выбежал на палубу, и, не говоря ни слова, взялся бросопить реи вместе с нами.

— Где остальные!? — спросил я.

— Спят, — сказал голландец. — Похоже, ваш кэп что-то подмешал им в вино.

— Проклятье! — прорычал я. — Томас, жадный ублюдок!

Положение казалось безнадежным. Втроём нам не выстоять против целого барка

испанцев, я это понимал совершенно ясно, но сдаваться на милость победителя не хотелось. Лучше погибнуть в драке, чем отплясывать на виселице.

Я кинулся к правому борту, чтоб сбросить верёвочный трап, но как только моя голова высунулась из-за леера, мимо уха просвистела пуля. Разъярённый Томас отбросил пистолет и схватился за другой.

— Кэп, не дури! Тот самый барк! — крикнул я, укрываясь за фальшбортом. — На траверзе!

— Не ври, Эдди! Я знал, что надо было тебя сразу пристрелить!

Сухо громыхнула пушка, словно кто-то изо всех сил ударил доской по доске. Испанские канониры уже пристреливались, следующий выстрел наверняка попадёт в цель.

Я выглянул и посмотрел на капитана. Лицо его забавно вытянулось, но он быстро взял себя в руки.

— Живее все на корабль! Эд, поднимайте шлюпку! — приказал он.

Десяток никудышных моряков и один корсар всё-таки лучше, чем ничего, и я спустил фалинь, чтобы гребцы закрепили его на мачтовой банке. Филипп скинул верёвочную лестницу, и ныряльщики скорее поднялись на борт. Мы втащили шлюпку с золотом наверх и закрепили на шлюпбалках.

Томас шагнул на палубу и взгляделся в приближающийся корабль.

— Проклятые паписты, — сказал он.

Мокрые и усталые индейцы полезли ставить остальные паруса под чутким руководством Николаса, а мы спустились вниз, к пушкам. Как и прежде, на нижней палубе густым зловонием висел перегар, и обессиленные пьяные матросы лежали вповалку.

— Ты чем их напоил, чёрт подери, — хмыкнул я, переступая через спящее тело.

— Всем, что было, — ответил капитан, хмуря брови. — Сейчас живо поднимутся.

Том взял фитиль, раздул посильнее и приложил к заряженной нами пушке. Полутёмная нижняя палуба тотчас же заполнилась грохотом и едким пороховым дымом. Я выглянул наружу — в нескольких ярдах от «Сан-Сервандо» плеснуло.

— Выше цель! — приказал я.

Пьяные моряки начали с криками и шумом просыпаться, кто-то вскочил и неосознанно схватился за оружие. Канониры подбежали к своим пушкам, и я представил, как у них сейчас двоится в глазах.

Пираты один за другим подносили фитили к затравочному отверстию, и «Левиафан» дал, наверное, худший залп в своей жизни. Во вражеское судно попало от силы два-три ядра, не причинив особого ущерба.

— Баньте сильнее! — приказал Томас, перекрывая голосом шум сражения.

Похоже, сегодня команду «Левиафана» ждёт самое мучительное сражение за всю историю морских боёв. Я ещё раз взглянул на команду — они хоть и не проснулись окончательно, но уже могли стрелять самостоятельно, без приказа. Старший канонир смотрел мутным взглядом на своих орлов и сыпал проклятиями, а значит, можно заняться более важными делами.

Мы выбежали на палубу, яркий солнечный свет ударил мне в глаза, я запнулся о ступеньку и проехался лицом по доскам. Громыхнул выстрел, и точно над моей головой просвистело ядро, я почувствовал жар раскалённого чугуна. Ядро сломало фальшборт, щедро окатив меня щепками, и улетело дальше, в океан. Сердце бешено рвалось из груди, во рту ментально пересохло, а ноги стали ватными от страха, но я вскочил и побежал дальше.

Капитан встал за штурвал, а я рванулся к парусам, ставить и брасопить их вместе с остальными. Сейчас не время размышлять, время действовать. Я взялся за шкот, и изо всех сил потянул на себя. Облизнул губы — и почувствовал солёный вкус крови и пороха.

Испанец приблизился уже на мушкетный выстрел, на четвердеке выстроилась рота солдат, выцеливая наших матросов на вантах. Что-то потянуло меня вниз, я поскользнулся на луже крови и снова растянулся на палубе. Мушкетная пуля жужжащей мухой вонзилась в мачту прямо в том месте, где только что была моя голова.

— Дева Мария, — пробормотал я и снова взялся за шкот.

Пока ветер благоволил нам, мы могли нарезать круги вокруг тихходного испанского барка, могли развернуться и удрать куда подальше, но Томас предпочёл вступить в бой. Жажда наживы оказалась сильнее инстинкта самосохранения, и я его прекрасно понимал. В конце концов, мы все ежедневно рисковали шкурой ради золота, а уж ради такого большого куша можно было рискнуть всем.

Корабли обменивались выстрелами, обе команды неистово орали и сыпали проклятьями и оскорблениями, больше распаяя себя. Каждое удачное попадание сопровождалось ликующими возгласами.

Я стоял на баке с мушкетом и стрелял по испанцам, а испанцы стреляли по мне. Обыкновенное для меня времяпровождение. Пока я не увидел, как на кормовую надстройку барка вытаскивают кулеврину и заряжают картечью.

— Ложись! — рявкнул я, вжимаясь в палубу.

Кулеврина, по сравнению с корабельными пушками, твякнула неестественно тонко, но оказалась куда смертоноснее. Над палубой шлюпа пронёсся свинцовый дождь, пожиная свой урожай, и я тут же услышал, как вопят раненые.

— Будьте вы прокляты! — услышал я собственный голос, стреляя из мушкета по испанцам.

Оба корабля давно уже скрылись в клубах серого порохового дыма, и я стрелял почти наугад, лишь бы в сторону испанцев. Со стороны «Сан-Сервандо» раздался грохот, словно в него ударила молния. Но, как я понял, это всего лишь взорвалась одна из пушек — к серому дыму пороха присоединился чёрный дым пожара. Выстрелы испанцев стихли, и пираты воинственно заревели, чувствуя близость победы.

— Готовьте крюки! — приказал капитан, и я оскалился в довольной усмешке. Абордаж, самое сладкое для моего сердца.

Испанцы отстреливались из мушкетов и пистолей, сражаясь, словно львы, они даже и не думали сдаваться. Драться с вымуштрованными солдатами всегда кровопролитнее и страшнее, чем грабить незадачливых торговцев.

Абордажная команда выстроилась вдоль борта, и я стоял вместе со всеми, в первых рядах, предвкушая добрую драку. В крови кипело желание убивать, и я трясся от ненависти, как пёс в бойцовой яме, ожидая, когда его спустят с поводка.

— Бросай! — рявкнул боцман, и десятки крюков вонзились в плоть «Сан-Сервандо», цепляясь за такелаж, леера и трапы.

Испанцы стали рубить верёвки, связывающие два корабля, но один мушкетный залп убедил их не делать этого. Мы подтянули суда поближе друг к другу и замерли в ожидании, время как будто остановилось в затишье перед бурей. Испанские солдаты глядели на нас, мы глядели на них, и тут искра наконец вспыхнула.

— Гео-о-орг! — завопил кто-то из английских пиратов, с разбега перепрыгивая на

чужой корабль.

Крик вывел всех из оцепенения, затрещали мушкеты, зазвенели клинки, и кровь полилась рекой.

Я с бешеным криком сиганул на палубу «Сан-Сервандо», размахивая шпагой. Никаких мыслей не было, одно лишь желание убивать испанцев, которое затмевало все остальные чувства. Испанец с мушкетом попытался ткнуть меня штыком, но я отскочил в сторону и рубанул его по лицу снизу-вверх. Кончик шпаги подцепил его морион, знаменитый испанский шлем с гребнем, и я машинально отметил на нём следы ржавчины. Я расхохотался и отбросил шлем в сторону, прорубая себе путь дальше.

Повсюду лязгала сталь, кричали люди и гремели выстрелы, шум сражения раздавался на многие мили вокруг. Я увидел, как два испанских офицера развернули кулеврину, собираясь выстрелить прямо по дерущейся толпе, не волнуясь о том, что застрелят своих. Меня окутала пелена ярости, и я рванул к ним, успевая по дороге зарубить нескольких испанцев.

— Fuego! — голос офицера сорвался на визг, когда моя шпага вонзилась ему в грудь, прямо под сердце.

Я отпихнул его, проворачивая клинок в ране, и следующим ударом попытался зарубить второго офицера, но тот отбил мою шпагу тяжёлым палашом. Сталь зазвенела, но не сломалась, и я вновь кинулся в атаку.

Испанец, смуглый и черноволосый, снова отразил мой удар и его палаш промелькнул рядом с моим лицом, я едва успел уклониться. Офицер что-то рычал на испанском, я плохо понимал его в пылу битвы, но его слова вряд ли сулили что-то хорошее. Он неумолимо шёл вперёд, как разъярённый бык, осыпая меня ударами палаша, от которых мне приходилось отступать. Подставлять клинок я не решался.

Я стукнул пятками фальшборт, отступать больше было некуда. На лице испанца появилась воинственная ухмылка, он уже праздновал победу, но я достал пистолет и выстрелил ему прямо в лицо. Кусочки черепа разлетелись на несколько ярдов, и испанец упал замертво.

Я сунул бесполезный теперь пистоль обратно за пояс, опрокинул заряженную кулеврину и снова ринулся в бой. Испанцы дрались как черти, отчаянно и умело, но звериная жестокость пиратов взяла верх. Всё ещё полупьяные и злые, англичане убивали каждого, кто носил красно-жёлтую форму, даже тех, кто пытался сдаться на милость победителя.

Вскоре на залитой кровью палубе остались стоять только англичане. Мёртвые и раненые лежали рядом, испанцы и англичане, и это поразительно напомнило мне сегодняшнюю картину спящих вповалку пиратов.

Том перебрался на «Сан-Сервандо», по-хозяйски оглядывая захваченный барк. Капитан прошёлся по шканцам, вглядываясь в мёртвые застывшие лица. Он хмурил брови и что-то бормотал под нос. Вся команда собралась на барке и внимательно следила за его действиями.

— Вот он, подлец! — воскликнул Том, носком сапога переворачивая труп в роскошной униформе капитана королевского испанского флота. — Мертвецов за борт.

— Не по-христиански это, — заворчал кто-то в толпе.

— Молчать! За борт, я сказал.

— Так же, как Джима? — прозвучал голос Филиппа.

Толпа непонимающе загомонила.

— Наш капитан вероломно застрелил Джима-негритёнка, когда тот отказался нырять за

золотом, а вас специально напоил до полусмерти, чтоб вы ничего не увидели, — объяснил француз.

— Золотом? Застрелил? Капитан? — отовсюду посыпались вопросы, оставшиеся без ответа.

Томас побагровел от злости и выхватил пистолет.

— Лживый французский ублюдок! — зарычал он, направляя ствол прямо в лицо рыбаку. Тот стоял неподвижно, как статуя, уверенный в своей правоте.

— Вообще-то лживый ублюдок здесь ты, кэп, — сказал я и направил пистолет на Томаса. Разряженный, но угроза сработает и так.

Пираты смотрели на нас, как на необычайное зрелище, возбуждённо переговариваясь и обсуждая происходящее.

— Вообще-то твой пистолет не заряжен, — фыркнул капитан. Не сработало.

— Зато мой заряжен, — раздался голос, и из толпы вышел Николас, держа капитана на мушке. Он где-то раздобыл целую перевязь с пистолетами, и в пылу сражения успел прихватить поднятое золото, которое сейчас висело у него на шее как огромные бусы из целых слитков.

— Хватайте его, чёрт побери! — рявкнул Том, но никто из пиратов не пошевелился.

— Предлагаю так. Ты хотел нас завалить после того, как достанешь золото, и поэтому мы забираем свою долю, вместе с этим кораблём, — сказал я, забирая один из пистолетов у голландца и направляя на Уэйна. — Кто хочет, может пойти с нами. Я думаю, твои ныряльщики согласятся.

В подтверждение моих слов, индейцы, из тех, кто выжил в бою, молча перешли на мою сторону. За ними последовало ещё несколько человек, но не так много, как я ожидал.

— Скользкий лживый сукин сын! — прошипел Томас. — Тебе это с рук не сойдёт!

— Посмотрим, — ответил я. — А теперь попрошу покинуть мой корабль.

Корыто. Одним словом, захваченный барк оказался корытом, пригодным только для того, чтобы пойти вместе с ним ко дну. Во время боя его сильно потрепало, взорвавшаяся пушка разнесла едва ли не половину нижней палубы, переборки повело, появились щели, и дежурство на помпе стало ежедневной обязанностью каждого, без исключений. Но сколько не откачивали, сколько заплат не ставили, в трюме постоянно стояла вода. «Сан-Сервандо», по случаю победы переименованный в «Мстителя», пошёл бы ко дну в течение нескольких часов, если бы не помпа.

Добычи на нём почти не оказалось, кроме нескольких мешков какао и трёх бочек китового жира. Но я радовался тому, что снова хожу под парусом, свободный капитан и морской разбойник. Капитаном меня выбрали единогласно, а офицерами, как я и хотел, стали Николас и Филипп. Всего в команду «Мстителя» набралось тридцать два человека, вместе со мной, и я собирался набрать ещё людей в ближайшем порту.

Золото, которое Николас забрал с собой, поделили поровну, а одну долю решили пустить на починку корабля и покупку припасов. Теперь мы шли на юг, обратно к Антильскому морю. Логичнее было бы уйти как все пираты, на север, подальше от летних штормов и тропической лихорадки, но я решил пока не появляться там, где есть опасность встретить кого-то знакомого.

Багамское мелководье прошли, уповая на лот и зоркость вперёдсмотрящего. Осадка «Мстителя», который сейчас держался на воде как беременная толстопузая черепаха, не позволяла пройти во многих местах, где «Левиафан» прошёл бы без особых затруднений. Поэтому приходилось идти осторожно, словно крадущийся кот. Дважды барк прошелестел килем по песку, один раз мы чуть не напоролись на риф, но, в конце концов, опасность миновала.

Небо, чистейшего голубого цвета, раскинулось широким куполом над синим океаном, и на горизонте практически сливалось с водой. Лишь над далёкими островами виднелась дымка утреннего тумана.

— Курс на Ямайку, верно? — Николас, который уже несколько минут стоял рядом, и которого я не заметил, вывел меня из созерцания.

— Да, да, конечно, — поспешил ответить я.

— Зюйд-зюйд-ост! — голландец приподнял шляпу, и махнул рулевому.

Штурвал заскрипел скрытыми под палубой тросами, и корабль повернул, совсем немного, даже не пришлось бросить паруса. Я согласно кивнул и снова уставился в горизонт.

Вокруг не было ничего, кроме солёной воды и пронзительно кричащих чаек. Ясная погода, лёгкий свежий ветерок и небольшие волны — идеальный день для морской прогулки. Я бы провёл учения или генеральную уборку, но ежедневное дежурство на помпе вымотало всех до предела. Поэтому морская прогулка осталась морской прогулкой.

Капитанская каюта, тесная как чулан, встретила меня душным спёртым воздухом маленького обжитого помещения. На пороге темнело пятно крови, въевшееся в доски.

Я уселся за маленький стол и раскрыл судовой журнал испанского капитана. Локоть больно стукнулся о переборку, и я чертыхнулся вполголоса, поминая испанских судостроителей, пожалевших места для капитана.

В журнале, главным образом, фигурировали даты и порты, минимум информации. Даже то, что есть, было написано скупым убористым почерком. Я открыл новую страницу, достал чернильницу с песочницей, и записал поворот на юго-юго-восток, к Ямайке. Затем посыпал лист песком, чтобы быстрее высохло, и вышел на палубу. Корабль жил своей жизнью, всё шло своим чередом, и я изнывал от безделья.

Добираться до острова пришлось дольше, чем я предполагал. «Мститель», изрядно побитый, тащился со скоростью пешехода даже при попутном ветре, и я, привыкший к скорости моего брига, злился и проклинал испанские верфи и это корыто.

Несколько раз во время пути я видел паруса на горизонте, но, слава богу, обошлось. Никто не проявил к нам интереса, иначе мы стали бы лёгкой добычей.

Порт-Ройал встретил нас знаменитой россыпью рифов в заливе. Город, один из крупнейших на островах Вест-Индии, стоял на длинной песчаной косе, защищённый фортами и пушечными батареями. Стоял несокрушимо и непоколебимо, как знак английского превосходства в южных колониях.

Я по памяти провёл барк между отмелей, прямо в гавань. На берегу я уже видел любопытных горожан, жадных до слухов и новостей. А новый корабль в гавани — это всегда свежие новости и почти всегда хорошая прибыль.

Матросы столпились на палубе, предвкушая славные походы по местным тавернам и борделям, знаменитым на весь архипелаг. Им не терпелось потратить свою долю добычи. А я, как капитан, буду вынужден спустить свою долю на ремонт, доски, парусину, пушки, порох, провиант, и прочие вещи, без которых «Мстителю» нечего делать в море. И неважно, что все моряки выделили денег на ремонт корабля, эти крохи уйдут, как песок сквозь пальцы. В этот раз барк побили слишком сильно.

Барк наконец-то пришвартовался, мы спустили трап, и я, впервые за долгое время, ступил на твёрдую землю свободным человеком и хозяином собственного корабля. Все, кроме дежурных матросов, поспешили тоже сойти на берег. Портовый служащий застыл в недоумении, пытаясь понять, кто из нас капитан судна, и я подошёл к нему сам.

— Ваш корабль, сэр? — спросил он, разглядывая меня и разношёрстную толпу за моей спиной.

— Чертовски верно, — ответил я. — «Мститель», под флагом, храни её Господь и святой Георгий, чёрт побери, Англии.

— А вас как зовут, сэр? — уточнил чиновник.

— Эдвард Картер.

— Добро пожаловать на Ямайку, сэр. — натянуто улыбнулся он. — Портовый сбор заплатите сейчас, или в управлении?

Я оглянулся на своих головорезов, которым уже не терпелось разойтись по кабакам. Шлюхи призывно махали руками из окон, матросы махали им в ответ, но пока красномундирники не увидят, что сбор оплачен — в город никто не пройдёт.

— Сколько? — вздохнул я.

Приказчик назвал сумму, от которой мне захотелось разmozжить его голову о мостовую и сбросить труп с причала. Кулаки непроизвольно сжались, а из глотки вырвался сдавленный рык. Чиновник побледнел и снизил пошлину на несколько шиллингов.

— Я дерусь с испанцами не для того, чтоб ты наживался на моей крови, — тихо сказал я.

— С английскими купцами вы тоже не для этого дерётесь? — спросил он.

Проклятье, стоило один раз напасть на английский караван, как весь архипелаг через месяц знал, что я грабил своих соотечественников. А ведь я там даже никого не убил.

Скрипя зубами от бессилия, я отсчитал необходимую сумму. Приказчик, масляно улыбаясь, росчерком пера зафиксировал факт нашего прибытия, и мы отправились в город греха, столицу английской Вест-Индии, и крупнейшее убежище пиратов и разбойников всех мастей.

Я рассчитывал задержаться на Ямайке надолго, поэтому никаких условий для моряков не ставил. Кто хотел уйти — мог уходить, полная свобода. Но я знал, что никто не уйдёт, для многих «Мститель» стал единственным местом, где они могли чувствовать себя нужными. Пьяницы, индейцы, негры, дезертиры и бывшие каторжники могли возвыситься только в пиратской команде.

И уже через несколько минут я остался на причале совершенно один. Матросы разбежались по кабакам, горожане потеряли интерес к новому кораблю, и только стражники в красных мундирах стояли неподалёку, лениво обмахиваясь шляпами.

Я ещё раз посмотрел на «Мстителя», удостоверился, что всё в порядке и дежурные матросы исправно несут службу, и пошёл в город.

Порт-Ройал мог удивлять каждый раз, сколько бы ты не посещал его. Каждый раз можно было найти приключения на свою голову, и каждый раз разные. Вот и сейчас, стоило мне протиснуться на одну из площадей, по пути к торговым лавкам, как я увидел работорговцев на невысоком помосте. Вокруг собрались горожане, разглядывая товар — заросших испуганных негров, недавно привезённых из Африки, неудачливых преступников, военнопленных и обедневших заёмщиков.

Дамы в роскошных платьях о чём-то шептались, разглядывая оборванных грязных рабов, стоящих в трёх шагах от них. Богатые плантаторы намётанным взглядом заранее выбирали самых сильных и живучих, а работорговцы громко выкрикивали цены, ставки и имена.

Я протиснулся через толпу, поближе к помосту. Горожане расступались, судорожно хватаясь за кошельки. Я только посмеялся. В потрёпанной моряцкой одежде, небритый, я был больше похож на одного из рабов, чем на кого-то из местных. Хотя в прошлые разы эти же горожане приветливо кланялись или махали шляпами, завидев меня.

Рабы на помосте смиренно ждали своей участи. Торговцы давно выбили из них волю к сопротивлению. Я присмотрелся к бедолагам, нет ли среди них кого-нибудь знакомого, но их измождённые лица я видел впервые.

Один из индейцев-рабов, длинноволосый верзила, встретился со мной взглядом и отшатнулся так, словно увидел дьявола. Остальные как ни в чём не бывало стояли, ни на кого не обращая внимания. Я подошёл поближе.

— Муэрте! Мертвец! — индеец что-то затараторил на ломаной смеси испанского и английского, но я понял только это.

Если бы не цепи, он наверняка убежал бы. Но деваться было некуда, и теперь он стоял передо мной и мелко дрожал, отводя глаза.

— В чём дело? О чём ты? — спросил я.

— А ну отойди, оборванец! — рявкнул торговец и стеганул индейца плетью. — С рабами разговаривать запрещено!

Торговец замахнулся было и на меня, но щелчок взводимого курка заставил его замереть, как кролика перед удавом.

— Я стражу позову, — произнёс он. Рука с плетью медленно опустилась.

Толпа начала потихоньку рассасываться.

— Не успеешь. Покупаю вот этого, — я указал на индейца. Тот, всё ещё охваченный ужасом, казалось, даже не заметил удара.

— Двадцать фунтов, — мгновенно ответил торговец. После слов о покупке он и его дружки заметно расслабились.

— Ты всё ещё у меня на мушке, дружище.

— Двенадцать, и ни одним песо меньше.

— Восемь, — предложил цену я. — Посмотри, он же сумасшедший. Кто даст двенадцать фунтов за безумца?

— Одиннадцать, — парировал работорговец и двумя пальцами потрогал бицепсы индейца. — Он довольно силён.

— Девять.

— Сойдёмся на десяти?

Я убрал пистолет и отсчитал монеты. Торговец хищно улыбнулся и отстегнул цепь. Индеец никак не отреагировал, по-прежнему стоя рядом с остальными рабами.

— А ну, пошёл! — рыкнул торговец, сталкивая его с помоста.

Я поймал индейца за руку и потащил куда подальше от этой площади, вездесущей толпы и любопытных глаз. Один из переулков Спаниш-тауна, старого района, подходил идеально. Я прижал индейца к стене и ткнул пистолетом ему в живот.

— Теперь говори, — тихим ровным голосом произнёс я.

Индеец испуганно хлопал ресницами, то и дело пытаясь вырваться.

— Помирать будешь долго, — вздохнул я.

— Т-ты уже мёртв! — заикаясь от волнения и отводя глаза, просипел он.

— Живее всех живых, — хмыкнул я.

Индеец снова затараторил, сбиваясь на родную речь.

— Помедленнее, чёрт тебя дери.

Он мотнул головой как лошадь на водопое, с шумом втянул воздух и, наверное, впервые за всё это время, внятно, на чистом английском, произнёс:

— Живой. Мертвец.

— Чушь собачья! — фыркнул я, — И ради этого я потратил десять фунтов!?

Он что-то пробормотал на своём языке, и кивнул куда-то в сторону моей груди.

— Говори нормально, — потребовал я.

— Мёртвый. Не живой. Сам такой сделался, — ответил индеец.

Говорил он с той пламенной убеждённостью, что свойственна только святым и безумцам.

— А вот он, например, тоже мёртвый? — я пистолетом указал в сторону пьяницы, что лежал за дверями таверны неподалёку от переулка.

— Живой. Он — не ты, — сказал индеец.

Я хмыкнул в ответ. Руки чесались пристрелить сумасшедшего, но все знают, что с безумцами лучше не связываться, если не хочешь остаться проклятым или ещё чего похуже. Отпускать его — значит выбросить десять фунтов, да и людей в команде не хватает.

— Как тебя звать-то? — спросил я после минуты раздумий.

Такого вопроса он точно не ожидал. Глаза снова забегали, он снова попытался вырваться, но я держал его крепче, чем пропойца держится за свою последнюю бутылку.

— Джон, — наконец выдавил верзила. С индейским акцентом имя прозвучало как нечто среднее между «Джон» и «Жан».

Я только ухмыльнулся. Как же, так и представляю маленького Джона и его братьев — Соуингву, Чочокпи и Уокуини.

— Значит так, Джон. Я тебя выкупил, и в благородство играть не буду. Мне нужна команда на корабль, так что придётся тебе стать моряком. Заслужишь свободу — держать не стану. Всё понял?

Индеец потряс головой, и я принял это как знак согласия.

Полутёмный зал дешёвого портового кабака словно весь состоял из полутонов. Солдаты пили здесь за одним столом с контрабандистами, полунамёками обсуждая какие-то свои делишки, а полуголые девицы вешались на каждого, у кого в кошельке звенело хотя бы несколько шиллингов.

Зал сейчас, в обед, был заполнен только наполовину, но я знал, что вечером здесь будет не протолкнуться. Негодяи, убийцы, бандиты и пройдохи всех мастей каждый вечер собирались здесь, чтобы поиграть в кости, напиться и подраться. Местный таверщик, по обыкновению, знал все свежие новости и слухи, местный ром разбавляли меньше и наливали щедрее, чем в соседних тавернах. А во всём остальном «Речной дракон» был одним из сотен кабаков Порт-Ройала.

Я сидел в углу, потягивая эль. Широкополая шляпа скрывала моё лицо, и в полумраке таверны я надеялся остаться неузнанным. До определённого момента.

Я наблюдал, как гуляют моряки. Некоторые из них наверняка в последний раз вкушали радости портового кабака. Поэтому все старались гулять как в последний раз. Крики и шум, привычные для меня, заставляли честных горожан держаться подальше от подобных заведений. А пираты, наоборот, шли сюда в поисках приключений, как мотыльки на огонь. Народу в зале с каждым часом становилось всё больше и больше, и я удовлетворённо отметил, что не ошибся с выбором кабака.

Дверь таверны открылась, впуская с улицы пыль и яркий солнечный свет. В проёме показался тёмный силуэт.

— Ахой! — крикнул он.

Несколько моряков поприветствовали его в ответ, кто-то послал вошедшего к чертям, а я молча приложил два пальца к краю шляпы.

Незнакомец щёлкнул пальцами и поставил всем выпивки. Теперь приветствия стали дружнее, и общий настрой поменялся. В воздухе витала лёгкая заинтересованность. Просто так выпивку всему залу не покупают, и большинство хотело узнать, что послужило причиной такой щедрости.

Смутлая девица принесла мне халявную порцию рома, и я поднял стакан вверх, ожидая, когда незнакомец скажет тост.

— Во славу дальних морей! — произнёс он, и весь кабак взорвался приветствиями и радостными воплями. На самом деле тост был не важен. Все радовались внезапной халяве.

Я сделал вид, будто пью вместе со всеми.

— Хотите послушать историю, парни? — сказал незнакомец, когда последний стакан ударил по столу.

Разумеется, после бесплатного алкоголя моряки были готовы выслушать хоть пересказ Евангелия вместе с Ветхим Заветом.

Лёгкая улыбка тронула губы незнакомца, и он заговорил.

— Знаете ли вы капитана Картера? — произнёс он.

Большинство сказали, что знают, и после небольшой паузы он продолжил.

— Ходят слухи, что старина Эдвард знает, где можно добыть золота. Целый галеон.

Один мой знакомый слышал от своего друга, что ходил с ним на Кюрасао...

— Какое ещё золото! Все знают, что Картера оставили подыхать на Доминике! — заплетающимся языком сказал один из пиратов, покрытый оспинами.

— А я слышал, что Уэйн его оттуда спас! Выкрал из-под носа у французского патруля, — возразил другой. Я нахмурился. Слухи неизбежно превращаются в сказки, но такая версия больно ударила по самолюбию.

— Несите ещё рома! — рассказчик махнул рукой, и все вокруг заулыбались. Халява.

— Капитана Картера никто не спасал, — на этот раз моё самолюбие было спасено. — Он же оттуда сам сбежал. И корабль захватил.

Все выпили ещё по разу.

— А золото он забрать не может, потому что путь к нему открывается только в полнолуние! И только если вся команда мертвецки пьяна. А кто же с пьяной командой нужное место найдёт?

— Я найду, — просипел кто-то из местных забулдыг и снова отключился.

— Вот такие нынче истории на архипелаге, — незнакомец закончил свой рассказ и развалился на стуле. — А у вас на Ямайке какие новости?

— Да никаких, собственно, — ответил один из самых трезвых. — Каравелла из Старого Света пришла, с мебелью для губернатора. В Европе опять война, опять нас будут налогами душить, а он себе мебель выписывает...

Я мысленно сделал себе заметку про эту каравеллу. Когда она пойдёт обратно в Европу — то наверняка с полным трюмом золота, серебра, какао, красного дерева или сахара. В общем, набитая дефицитным в Европе товаром. А значит, можно будет неплохо пожить.

— Капитан Дэвис в гавань заходил давеча. Продал рабов, и обратно на Мэйн ушёл, — тонкий как шпага контрабандист поделился своими новостями.

— Какие тут ещё капитаны бывают? — спросил незнакомец.

— Да что ни день, то новый корабль! — ответили местные. — О'Конелл, Мур, Диаз, Роджерс, Вуазье, Штраус, это только за прошлую неделю.

При упоминании врага я вполголоса чертыхнулся. Конечно, на архипелаге было несколько капитанов с такой фамилией, но я буквально чуял, что подлый мятежник недавно был здесь.

— Пользуясь случаем, хочу сообщить, — я встал и снял шляпу. — Меня зовут Эдвард Картер, и я набираю команду на свой новый корабль. «Мститель», что у третьего пирса. Если кто хочет разбогатеть, жду вас на борту.

Я бросил на стол золотой дублон и окинул взглядом вытянувшиеся лица моряков. Спектакль удался.

— Вас ждёт целая куча золота, парни, — добавил я и вышел из таверны, не оглядываясь.

На следующее утро я оставил офицеров принимать новобранцев, а сам отправился по магазинам — пополнить припасы. Кошелёк послеспектакля в таверне изрядно отощал, но оно того стоило. Вербовать моряков всегда было трудной задачей. Даже королевский флот был вынужден ловить кого-попало по городам, деревням и сёлам. Зачастую вербовщики

спаивали своих жертв, и те просыпались уже на борту корабля. Проще найти иголку в стоге сена, чем моряка, который пошёл на флот добровольно. Поэтому мне каждый раз приходилось кормить их обещаниями богатства, райской жизни и прочей чепухой.

Я шёл по центральной улице, не обращая внимания на лоточников, нищих и бродячих собак. Первые просили что-нибудь купить, обещая мне то чудодейственную мазь, которая сделает из меня Апполона, то оружие, которое пробивает любые доспехи, то доспехи, которые не пробивает никакое оружие. Вторые клянчили денег якобы на еду, показывая мне расчёсанные до крови язвы и старые раны, которые должны были меня разжалобить. Третьи, самые честные, просто бежали рядом, виляя хвостами и надеясь на подачку.

Красные черепичные крыши нависали над моей головой, а грязная мостовая, заваленная мусором, навевала воспоминания о восточной окраине Лондона, покинутой много лет назад. Порт-Ройал, как и прочие города Нового Света, строился «под метрополию», стараясь ещё и превзойти её во всём. Но пока Порт-Ройал превзошёл столицу империи только по вульгарности и количеству грязи.

Наконец, я увидел нужную мне табличку. Тяжёлая дверь из чёрного дерева стояла непоколебимо, будто бы сначала поставили дверь, и только затем вокруг неё вырос целый город. Надпись на табличке гласила, что здесь живёт и работает Ричард Мейхью, торговец пряностями, но я уже тысячу раз покупал у него всё, что можно, и всё, что нельзя. Всё, что угодно, кроме пряностей.

Я постучал условным стуком, два длинных и два коротких. Спустя несколько минут дверь отворилась ровно настолько, чтоб я мог протиснуться.

— Привет, Ричард, — сказал я, отряхивая несуществующую пыль с рукавов.

— Я же говорил тебе больше здесь не появляться! — вместо приветствия зашипел Ричард.

От злости и неожиданности он побагровел и затряс головой, отчего белые букли накрахмаленного парика затряслись, как кроличьи уши. Шитый золотом камзол был растёгнут на тощей груди, а в руке Мейхью держал короткую дагу, острие которой мелко дрожало. Похоже, я застал его врасплох.

— К чему столько агрессии, Ричард? — спросил я. — Мы же джентльмены.

— В прошлый раз мне пришлось из-за твоей неосторожности платить начальнику форта целых тридцать фунтов!

— Это была и твоя неосторожность тоже, Ричард, — я поспешил его успокоить. — Ты ничего мне не сказал о том, что бухта просматривается из форта. В конце концов, ты же всё уладил?

— Уладил, но теперь он знает, что я якшаюсь с пиратами. А мне моя репутация дорога, — фыркнул Мейхью, но рука с дагой немного опустилась.

— Найди мне того, кто в этом городе не связывается с пиратами, и я дам тебе шиллинг. В этот раз всё легально, дружище, — я улыбнулся самой широкой улыбкой из своего арсенала.

— Никакой контрабанды? — спросил он.

Я сделал вид оскорблённой невинности.

— Ричард, мы же джентльмены.

Он поправил парик и нацепил своё неизменное пенсне.

— Приятно иметь с тобой дело, — сказал я.

— Заткнись, Эд. Оставь свою лесь на помаженным придворным чиновникам.

Я посмотрел на его парик и усмехнулся.

Ричард, как водится, обобрал меня до последнего пенни, предлагая всё новые и новые, несомненно нужные, товары, о которых я позабыл. Я отчаянно торговался за каждую доску, за каждую бочку, но куда мне против матёрого торгаша. Когда я вышел из его дома, мне впору было присоединиться к попрошайкам на улице. С другой стороны, когда всё это доставят на корабль, само собой, в обход таможни, то «Мститель» будет полностью готов к починке и последующему выходу в море.

Я вернулся на борт, скользнул взглядом по кучке новобранцев, сгрудившихся на баке, и прошёл в каюту. Привычная лёгкая качка успокаивала и убаюкивала, я давно уже отвык подолгу находиться на берегу. Я сел за стол и отметил в журнале все расходы, ужасаясь получившейся сумме. Даже с учётом продажи захваченного груза цифры получались запредельные. Где-то меня надули, но я пока не мог понять, где именно. С другой стороны, Ричард всегда продавал качественные товары, заботясь о своей репутации, и за это я мог не волноваться.

— Отплываем завтра с рассветом! — крикнул я, не сомневаясь, что приказ услышат и передадут всем, кто сейчас находился в городе. Мне не терпелось починить судно и выйти на охоту.

Я вышел на палубу и посмотрел на горизонт, где огромное синее небо сливалось с океаном. В груди поселилось щемящее чувство тоски. Где-то там, в море, ходят полные добычи корабли, нагруженные золотом и серебром, которые только и ждут, чтоб их ограбили. Доны, томми, лягушатники, разницы я не ощущал. Золото у всех одинаковое.

Кто-то из новобранцев подбежал ко мне.

— Когда будет обещанный ром, сэр? — спросил он.

Я нахмурил брови.

— Какой ещё ром?

— Ваш офицер сказал, что каждому будет выдана порция рома, — новичок своим видом больше походил на оборванца из трущоб, чем на моряка. Красный нос и багровые прожилки на лице свидетельствовали о том, что он поступил на службу только ради бесплатной выпивки.

— В море, один раз за вахту, — объяснил я. — Ступай.

Пьянчуга удалился с таким печальным видом, будто я только что убил всю его семью. Я пошёл дальше.

На шканцах сидели индейцы, и под чутким руководством Филиппа учились вязать морские узлы и отличать линии от шкотов. Практики у них было много, а теория, наоборот, отставала. Я удовлетворённо осмотрел результаты. У Филиппа были все шансы сделать из этих сухопутных крыс настоящих моряков. Даже при том, что сам Филипп морским волком не был.

Среди индейцев возвышался Джон, который умудрился где-то раздобыть добрую связку амулетов, и обвешался ими, как рождественская ёлка. Остальные последовали его примеру, и соорудили себе такие же талисманы из подручных материалов. Завидев меня, Джон что-то зашептал соседу, и тот не преминул сделать в воздухе жест, отвращающий зло. Скоро по кораблю пойдут неприятные слухи.

— Джон! — я окликнул верзилу.

Он с явной неохотой повернулся ко мне.

— Капитан? — спросил он с чудовищным акцентом.

— Амулеты — за борт.

Суеверные индейцы и негры зашептались в страхе. Остальные матросы прислушались, ожидая развязки конфликта.

— Духи злые будут! Никак нельзя! — ответил Джон, перебирая свои талисманы, которые гремели и звенели при каждом его движении. — От зверя, от злого моря, от дурного глаза!

— За борт.

— Нельзя! Сильный колдун! Духи рассердятся! — в один голос загомонили его дружки. Филипп скривился как от зубной боли и перекрестился.

Я ещё раз посмотрел на высокого индейца. Я не верю в колдунов, духов и силу молитвы, но все индейцы из команды заужавали Джона всего через день. А это многого стоило. И это могло бы помочь мне держать команду в узде.

— Колдун, говорите? — спросил я. — Колдовства на борту я не потерплю.

— Ты сам — колдун! — выкрикнул Джон.

Старая песня.

— Заткнись, — бросил я. — Я не колдун, не мертвец и не восставший из мёртвых.

Индеец фыркнул с видом «мне лучше знать» и отвернулся к своим узлам.

— А если попытаешься заняться своей чепухой на борту моего корабля — я сожру твою душу и превращу тебя в живой труп. Амулеты можете оставить, но только я почувствую хоть попытку колдовать на борту — отправитесь за борт вслед за своими побрякушками.

Джон сделал вид, что не слышит меня, но я заметил, как побледнело его лицо. И как побледнели остальные индейцы.

— Возвращайтесь к учёбе, чёртовы бездельники. Филипп, пусть сплетают канаты и чинят паруса. Завтра в море.

Француз живо отдал приказы. Я огляделся, и заметил весёлые ухмылки на лицах английских моряков. Ухмыльнувшись в ответ, я сошёл на берег и отправился на прогулку.

Следующим утром, в момент, когда «Мститель» отдал швартовы, на борту находилось полсотни новобранцев. Вместе с остальными набралось чуть больше восьмидесяти моряков, и этого как раз хватало, чтобы управлять кораблём без каких-либо трудностей.

Уходить далеко от острова я не стал. Пляж в нескольких милях от города подходил для моего дела идеально — защищён от ветра и волн песчаной косой, достаточно пологий, чтоб вытащить корабль на берег, достаточно близко к Порт-Ройалу, если что-то понадобится, и достаточно далеко, если кто-то захочет сбежать.

«Мстителя» тащили на буксире, на вёслах, а потом пришлось взяться за канаты. На берегу его поставили на брёвна, и днище, заросшее водорослями и ракушками, показалось над водой. Неудивительно, что корабль стоял на воде неуклюже, как отожравшийся гусь.

В тени деревьев тут же выросли хжины из веток, на песке тут и там запылали костры. По берегу потёк густой запах мясной похлёбки. Матросы расположились поудобнее, нежась в лучах жаркого карибского солнца, но мои приказы быстро выбили из них всю праздность. Работы предстояло чудовищно много.

Я и сам принял участие с топором в руках. Пока одна половина команды зачищала днище, мы меняли прогнившие доски, устраняли течи и слабые места, перекраивая судно под нужный мне манер. К счастью, среди новобранцев оказалось несколько хороших плотников.

Руль, сломанный мной на Ки-Уэсте, пришлось полностью менять — испанцы починили его наспех и не очень качественно. Переборку в капитанской каюте передвинули на несколько футов, освобождая для меня жизненное пространство. На пушечной палубе пришлось заменить почти половину всех досок, заменили несколько палубных бимсов, поставили новые мачты и сменили весь такелаж.

Через пару недель работы «Мститель» преобразился. Новые доски выделялись светлыми пятнами, но это не портило впечатления. Корабль наконец-то приобрёл вид, достойный морского волка.

Теперь, когда все сухопутные дела завершены, океан манил меня со страшной силой. Чем дальше я находился на берегу, тем сильнее мне хотелось выйти в море. Ощутить солёные брызги, свежий бриз в парусах и манящее чувство свободы, которой так не хватает на твёрдой земле.

Но как бы сильно я ни мечтал о морских просторах, я не мог просто так взять и отправиться в плавание. Люди устали, и я их прекрасно понимал. В бытность простым моряком я уставал так, что силы оставались только на то, чтобы дойти до постели и упасть.

Поэтому последний день перед отправкой в моря я решил потратить на отдых. Люди заслужили его сполна. Я приказал выкатить целую бочку рома и объявил, что это награда за хорошую работу. Как я и ожидал, больше в тот вечер моряков ничего не интересовало.

Солнце падало за горизонт, окрашивая облака в благородный пурпур, и пьяные моряки зажгли костры в последний раз. Весёлые анекдоты сменились байками из жизни, а затем настало время мистических историй. Индейцы, как могли, рассказывали нам о сотворении мира, негры вспоминали Папу Легбу и других божков Берега Слоновой Кости, англичане полушёпотом вещали о Кракене и Левиафане, что поджидают несчастных в морской пучине, а я слушал всё это сквозь дрему.

— Есть только Господь, а всё остальное — полная чушь, — раздался голос Филиппа. Набожный француз опять за своё.

— Оставь свои проповеди, парень, — произнёс я. Лицо моё было скрыто шляпой, и голос прозвучал глухо, как из бочки.

— Спасение души ближнего — мой долг, — ответил он. — Я не могу оставить их в неведении.

— Они стали пиратами, и их уже не спасти, — равнодушно сказал я.

— Раскаявшийся грешник угоднее Ему, нежели праведник! — возразил Филипп.

— Господи, да заткнись ты уже наконец! — почти выкрикнул я, и француз затих.

— Колдун... — я услышал шепотки за спиной, и рассмеялся. Заткнуть проповедника без помощи колдовства или хорошего удара и в самом деле нелегко.

— Джон! — позвал я. Индеец тут же навис надо мной, как гора.

— Капитан? — спросил он, пока я обдумывал, что же я всё-таки хотел спросить.

Я был пьян, и мысль ускользала, как угорь.

— Джон, что ты имел в виду, когда назвал меня мертвецом?

Утро оказалось мучительным. Большую часть выпитого я выблевал на песок, вчерашняя попойка выделась как в тумане, а при попытках вспомнить хоть что-то — голова раскалывалась как перезревший арбуз. Многие находились в таком же состоянии, и душу грело то, что я не один сейчас валяюсь на песке в остатках собственного ужина.

Мы кое-как переползли на борт, чтобы продолжить погибать ещё и от качки. Трезвыми оставались только Филипп и ещё несколько моряков, и я, разумеется, дал ему все полномочия.

Француз, загоревший до черноты, выкрикнул несколько приказаний, и матросы сноровисто обрасопили грот. Парус оглушительно хлопнул, но через мгновение наполнился ветром. Я посмотрел на юного офицера. За несколько месяцев он превратился из рыбака в настоящего флибустьера, и я видел, как блестят его глаза, когда он смотрит вдаль. Он напомнил мне себя самого в прошлом, и я в очередной раз блеванул за борт.

Ямайка оставалась за кормой, и впереди нас ждала манящая неизвестность. Впрочем, уходить далеко от острова я не хотел, я всё ещё планировал захватить каравеллу, которая скоро пойдёт в Европу. Поэтому я приказал курсировать неподалёку от берега, тренировать команду и смотреть в оба. Здешние воды по сравнению со всем остальным архипелагом были как улица Пикадилли по сравнению с ливийской пустыней.

На нок реи уселась жирная чайка, и пронзительно крикнула, разрезая голосом мой больной мозг, который разлетелся на тысячи осколков и собрался обратно в произвольном порядке. Я выхватил пистолет и нажал на спуск, но курок только щёлкнул по полке. Я хотел было запустить в неё сапогом, но тут чайка крикнула снова и по палубным доскам растеклось белое пятно.

Я подозвал матроса, одного из новобранцев, и пистолетом указал на чайку и её дерьмо. Парень вздохнул, понимая, что тут не отвертеться, и пошёл за тряпкой. Чайка, сделав своё грязное дело, крикнула ещё раз и улетела прочь, испортив мне настроение на весь день.

— Проклятые птицы... — пробормотал я и поморщился от головной боли.

Чайка снова пролетела над кораблём и снова крикнула, словно издеваясь надо мной.

— Парус с правого борта! — крикнул матрос из вороньего гнезда. — Похоже на почтовый люггер!

Я закрыл глаза и потёр виски. Сейчас было только одно желание — упасть на койку и не вставать.

— Испанец! Похоже, что от берега идёт!

Я выругался. Половина команды подыхает от похмелья, вторая половина годится только как пушечное мясо, но мы вынуждены погнаться за люггером, и ввязаться в сражение. Потому что война. Потому что там могут быть документы, за которые губернатор заплатит хорошие деньги. Потому что донов надо разубедить в том, что они хозяева архипелага.

— Всех наверх, раздери вас дьявол!

Я вскочил и окунул голову в бочку с водой, чтоб протрезветь.

— Ставьте Георгия! Пусть дрожат от ужаса! — зарычал я, распаляя себя. — Нам сегодня повезло! В первый же день будет добыча!

Белый флаг с красным крестом взметнулся в небеса и заполоскал на ветру. Я взглянул на английское знамя и оскалился.

— Добавляйте парусов! Фор-марсель ставь! Брасопь к на-ветру! — я целиком отдался делу, лично встал за штурвал и направил корабль вслед за люггером.

Испанец заметил нас и повернул к югу, в бейдевинд. Разумно, я сделал бы так же. Но уже поздно, «Мститель» после ремонта стал гораздо быстрее и манёвреннее. Люггеры, конечно, сами по себе достаточно быстры, но сегодня удрать не получится.

Я чувствовал себя хищником, волком, что гонится за мелким кроликом. В крови играл охотничий азарт, и я нервно притопывал ногой по палубе, глядя, как приближается корма люггера. Я достал из кармана подзорную трубу, которую я за гроши купил у Ричарда, старую и побитую жизнью. На что-то большее не было денег, пришлось брать что есть.

Сквозь мутные линзы я разглядел мельтешащих на палубе матросов и название корабля — «Сан-Фелипе». Да, испанцы фантазией не отличались, каждый новый корабль называя в честь своих святых. Святых было мало, кораблей — много, и на каждого святого приходилось не меньше десятка кораблей. За свою карьеру одних только Фелипе я повидал семь штук, и сейчас гнался за восьмым.

Громыхнула пушка, и в десятке ярдов впереди плеснуло. Пираты засвистели и засмеялись над неудачей испанцев. От страха доны не смогли подпустить нас поближе, и теперь вряд ли уже попадут.

— Чёрный флаг! — приказал я, и над грот-мачтой поднялось чёрное знамя. Теперь у испанцев есть последний шанс сдаться, иначе в живых не оставят никого.

Но люггер упорно не желал сдаваться на милость победителя. Слишком велика у пиратов ненависть к испанцам, которые никого в живых обычно не оставляли.

— Дайте им пороху, парни, — сказал я. — Пора.

Приказ передали канонирам, и через несколько минут наши пушки с оглушительным грохотом выплюнули ядра. Кажется, пушкарки немного переборщили с зарядом.

Испанец приближался медленнее, чем тает воск в руке, но я чувствовал, как паникует капитан люггера. В воздухе так и висело ощущение отчаяния и страха.

И уже через минуту мы орали от радости, глядя, как люггер спускает флаг и ложится в дрейф. Теперь мы — хозяева моря. Но, словно в насмешку, ветер переменялся и паруса повисли бесполезными тряпками.

— Брасопь на левый борт! Фок убрать! — заорал я, выворачивая штурвал.

Люггеру уже не удастся улизнуть, но каждая секунда промедления может стоить нам дорого. Если бы ветер переменялся чуть раньше, прежде, чем испанец убрал паруса, то мы могли бы остаться с носом. Но удача в этот раз оказалась на нашей стороне. Представляю, как рвёт на себе волосы капитан люггера. Я бы не простил себе такой ошибки.

«Мститель», ощерившись пушками, подошёл к борту люггера, нависая над ним как бульдог над таксой. Пираты выстроились вдоль леера, повисли на вантах и размахивали оружием, выкрикивая угрозы и оскорбления. Над люггером же наоборот, повисло гробовое молчание.

Я зарядил пистолет, насыпал пороху и проверил, как шпага выходит из ножен. Пару секунд я постоял у леера, глядя на изящные обводы «Сан-Фелипе», и, наконец, спустился на борт испанского судна.

Доны сложили оружие и построились на шканцах, угрюмо глядя на веселящихся корсаров и ожидая своей участи.

Меня так и подмывало объявить попытку бегства сопротивлением и предоставить их на милость команды. Тогда бы их всех ждала мучительная и крайне разнообразная смерть,

начиная от прогулки по доске, заканчивая вспоротыми животами и глотками.

Но фактически команда люггера не сделала ничего, что могло бы навредить нам или нашему барку. Разве что тот неуклюжий выстрел в начале погони.

— Где ваш капитан? — спросил я по-испански, обращаясь к разношёрстной толпе. Это были даже не солдаты, всего лишь простые моряки.

Испанцы указали на каюту. Я приказал своим ребятам привести капитана сюда, но дверь оказалась заперта. Её, разумеется, тут же выломали.

— Капитан! Вам стоит взглянуть самому, — из каюты выглянул Оливер, один из самых расторопных новобранцев.

Я посмотрел ему в лицо. Похоже, тут что-то действительно серьёзное.

В каюте царил беспорядок. Повсюду обрывки бумаг, карты, свечные огарки, остатки еды, и в центре всего этого хаоса — мёртвый капитан. И багровая клякса на переборке, стекающая вниз, словно улитка. В холодной руке испанец держал пистолет.

— Гордый, — усмехнулся я. Но в глубине души понимал, что сам поступил бы так же.

Моё внимание привлекли бумаги. Частично залитые кровью, частично обгоревшие, похоже, капитан пытался их сжечь, но огонь вовремя погас. Кажется, сегодня был самый неудачный день в его жизни.

Я аккуратно стряхнул с них капли и внимательно осмотрел неповреждённые участки, откладывая листы в ровную стопку. Похоже, здесь было всё подряд, от частной переписки до долговых расписок и накладных. Моё внимание привлекло письмо, на английском, адресованное некоему М. Письмо почти не пострадало от огня, и я смог прочитать его полностью. Как я понял, в нём с помощью туманных намёков обсуждалась операция по захвату Золотого флота, самой желанной добычи для любого флибустьера. А на всём архипелаге такое мог организовать только Генри Морган, хотя он уже отошёл от дел после памятного ограбления Панамы. Мэдифорд, губернатор Ямайки, тоже подходил по инициалам, но он вряд ли опустится до такого.

Итак, ко мне в руки попала частная переписка людей, настолько могущественных, что я прямо кожей почувствовал, как надо мной нависает опасность. Я обдумывал ситуацию, но резкий голос Оливера вывел меня из оцепенения.

— Капитан! Какие будут приказания?

Я поглядел на него. Чумазый парень уже сторал от нетерпения. А я пытался решить, что же мне всё-таки делать. Если вскрыется, что я видел все эти документы, меня совершенно точно убьют, несмотря на все законы, порядки и кодексы. Если попытаюсь вернуть — меня сдержанно поблагодарят, а потом «случайно» зарежут в подворотне. Уничтожить бумаги у меня не поднималась рука.

— Обыскать каюту. И его тоже, — я указал на труп капитана. — Бумаги, карты, свитки, берите всё.

Оливер свистнул ещё двоих парней, и вчетвером они быстро перерыли весь беспорядок, пока я складывал документы в непромокаемый пакет. Первым делом пираты сдёрнули кольца с мертвеца и обшарили его карманы, а уже затем принялись за работу. К стопке бумаг добавилось ещё несколько обгорелых листов, матросы нашли по несколько шиллингов в ящиках стола, недопитую бутылку вина, которую я немедленно забрал, и дешёвый пистолет.

Я недовольно хмыкнул и пошёл на палубу. Испанцы всё ещё стояли на жаре, покорные судьбе. Теперь я никак не мог оставить их в живых, и это раздражало, я предпочитал не

убивать лишний раз.

Немногочисленный груз, что был в трюме люггера, уже перетащили на «Мстителя», и дело оставалось за малым. Решить, что будем делать дальше.

— Корыто затопить, — и через мгновение довольные матросы с топорами уже спускались в трюм.

«Сан-Фелипе» дрогнул.

— Папистов — вниз.

Пираты заорали от возбуждения и клинками погнались испанцев в трюм, стремительно заполняющийся водой. Кто-то попытался сопротивляться, но результатом для них стала только быстрая смерть.

— Можно было кораблик продать, — посетовал Николас, с отвращением глядя, как бедных матросов загоняют в трюм.

— Нет, — ответил я. — Запомни, и передай всем без исключения. Мы никогда не видели этот корабль, не слышали, и не знаем, что с ним случилось. Если кто-то будет хвастать про этот грабёж — тому я вырву язык. Понял?

Николас недоуменно поднял бровь, но спорить не стал.

После того, как люггер пошёл на дно, я приказал поднять паруса и драпать отсюда как можно скорее. С одной стороны, я жалел, что вляпался в такое дерьмо, а с другой, радовался, что секреты и грязное бельё правящей верхушки английских колоний не попали в руки испанцев.

Любопытство пересилило меня, и я прочитал всё, что было в этих бумагах. Большая часть оказалась ничего не значащим мусором, вроде накладных на отгрузку сахара, но некоторые документы были истинными бриллиантами. Из них я узнал, с кем спит Томас Мэдифорд, сколько дохода приносят плантации адмирала Моргана, кто из честных и уважаемых порт-ройалских торговцев не брезгует контрабандой, и прочие тёмные делишки.

Поэтому я спешил убраться подальше. О каравелле я уже и думать забыл, всецело сосредоточившись на том, чтобы выжать из «Мстителя» побольше скорости.

Жаркое тропическое солнце скрылось в океане, и я велел зажечь огни.

«Мститель» шёл на восток, форштевнем разрезая чёрные воды Антильского моря. Вахта неплохо справлялась с кораблём, но я всё равно вышел проверить их работу.

В ночи моё появление заметили не сразу, и я услышал обрывки разговора. Похоже, кто-то объяснял новичкам, за что меня называют Кровавым Эдом, и что такие массовые убийства в порядке вещей. И вообще, меня представляли как кровожадного и злобного негодяя, полусумасшедшего рубаку и душегуба.

Я вышел из тени и встал в отдалении, глядя, как замолкают матросы и делают вид, что заняты очень важной работой. Меня так и подмывало объяснить, за что пришлось убить команду люггера, но, как говорится, меньше знаешь — крепче спишь. Простым морякам не надо забивать голову тем, что на нас может быть объявлена охота.

— Нечем заняться? — спросил я, спиной опираясь на бизань-мачту.

— Никак нет, сэр! Есть, сэр! — вымуштрованные английские моряки даже в пиратской команде оставались таковыми. Первое время.

— Если будет нечем заняться, только скажите. У меня всегда найдётся интересная работёнка. Например, сортировать ядра.

— Есть, сэр! — матросы вытянулись по струнке, и я усмехнулся. От старых привычек

трудно избавиться.

Я спустился на пушечную палубу, где сейчас отдыхали матросы. Вдоль бортов, мерно покачиваясь, висели гамаки из старой парусины, и по всей палубе прокатывался богатырский храп. Пушки, закрытые плотными чехлами, стояли рядом.

Некоторые матросы негромко перебрасывались шуточками, кто-то молился, остальные же спали после тяжёлого дня. У матроса каждый день — тяжелый, кроме дней на берегу.

В кают-компанию подниматься я не стал, меня не приглашали, а я уважал право офицеров побыть без моего общества. Кроме Николаса, который стал квартирмейстером и навигатором, и Филиппа, которого я взял старшим помощником, в офицеры выдвинули ещё четверых.

Боцманом стал один из старых моряков, что служил ещё со знаменитым Сэмюэлем Эксом и ходил на Панаму с эскадрой Моргана. Питер Даннет, или Старый Пит, был самым опытным моряком на «Мстителе», и я был рад, что мне удалось завербовать его к себе в команду.

Парусным мастером взяли шотландского портного, который совершенно случайно оказался в той таверне, и в итоге решил стать моряком, бросив своё ремесло. Но, узнав о его умениях, мы не могли оставить его на нижней палубе, и Александру Селкирку пришлось вернуться к иголкам и ниткам.

За пушки отвечал испанец по имени Фернандо, служивший в форте Порт-Ройала до того, как англичане захватили город. После этого Фернандо потихоньку сивался и зарабатывал тем, что чинил пистолеты и ружья.

Врачом на «Мстителе» стал Роджерс, плотник с ямайской верфи. Просто потому что у него были с собой ножовка, стамеска и молоток. И я бы лучше доверил обработать рану голодной акуле, чем ему, но команда выбрала его, и я не мог противиться этому решению.

Я прошёл весь корабль от носа до кормы, ещё раз проверил курс, приказал убавить парусов и вернулся в свою каюту. Жизнь пошла своим чередом, я достал захваченную бутылку вина, налил немного и немедленно выпил.

— Вестовой! — позвал я, и из-за двери показалась голова Оливера. Парень уже проявил себя как сообразительный пройдоха, который может достать всё, что угодно, и поэтому он отлично подходил на эту должность.

— Да? — спросил он.

Я взял чистый стакан, плеснул вина и пододвинул к краю стола.

— Садись.

Оливер пододвинул табурет, сел и зажал стакан между ладонями. Было видно, что ему хочется выпить, но он не смеет пить раньше меня.

— Что слышно на нижней палубе? — спросил я, глядя, как кроваво-красная жидкость перетекает в мой стакан.

— Ничего особенного, — выдавил он. — Сэр.

— За будущие победы, — я поднял стакан в воздух, и матрос сделал то же самое.

— За будущую добычу, — поправил меня Оливер.

Я усмехнулся, согласился с ним и пригубил немного вина. Матрос осушил стакан за пару глотков.

— Я ведь и сам с нижней палубы, — сказал я. — И прекрасно представляю, чем живёт простой матрос.

— А с виду как благородный, — хмыкнул Оливер.

— Родился на улицах Ист-Энда.

— Тогда ты и сам знаешь, что слышно на нижней палубе, — сказал парень. — Много работы, мало жратвы и развлечений, тесно и грязно.

— Так всегда было, так всегда будет, — ответил я, разливая остатки вина.

— Тогда что ты хочешь услышать?

— Какие слухи ходят обо мне. Просто любопытно.

Оливер рассмеялся.

— Черномазые боятся тебя до усрачки. Считают воплощением дьявола, или что-то вроде того. Наши развлекаются, пересказывают им байки о твоих «подвигах» и смотрят на реакцию.

— Насчёт люггера что говорят?

— Что ты утопил их чисто из прихоти. Хотя Джон-индеец болтает, что это была жертва морскому богу, в обмен на удачу и богатство. Но тут что-то другое, я думаю. Бумаги, да?

Я смерил его острым внимательным взглядом.

— Не твоего ума дело, — сказал я.

— Значит, точно они, — улыбнулся Оливер.

— Тебе передавали, что я вырву языки тем, кто проболтается об этом люггере? Я ведь не шучу.

— Конечно, капитан, какие тут шутки, — сказал он.

— Вот и хорошо, — улыбнулся я. — Допивай вино. Доброй ночи, Оливер.

Курс взяли на Наветренные острова. Густозаселённые и близко расположенные, они привлекали пиратов, как курятник привлекает лисиц. Несколько раз на горизонте виднелись паруса английских кораблей, один раз мимо прошёл французский караван. Грабить их я не рискнул. Я жаждал чего-то по-настоящему великого.

Я не ходил с пиратами ни на Панаму, ни на Маракайбо, о чём очень жалел. В конце концов, после того, как Морган пришёл с добычей, о которой прежде никто не смел и мечтать, а каждый, даже самый захудалый юнга, вернулся из того похода богаче английского пэра, моя команда была на грани бунта. Только из-за того, что я отказался присоединиться к эскадре.

С тех пор немало воды утекло, но меня не покидали мысли ограбить какой-нибудь город. Не выпадало подходящего момента. Вот и сейчас, я мучился выбором — скорее идти к Пуэрто-Рико, где видели мой бриг, или пограбить острова, чтобы просто заработать на жизнь.

Я часами сидел в каюте, обложившись картами и справочниками, и думал, что делать дальше. Команда считала, что я затеял что-то масштабное, и они, чёрт побери, были правы.

— Вестовой! — крикнул я. — Позови Николаса!

Через несколько минут в каюту вошёл голландец, как всегда, в тяжёлом шерстяном камзоле, несмотря на изнуряющую тропическую жару.

— Капитан? — спросил он, усаживаясь напротив меня.

— Хочешь повидать родных, Николас? — напрямую сказал я.

Офицер смутился.

— Хочешь разорить честного моряка? — через секунду спросил он.

Я ещё раз взглянул на карту, словно надеясь обнаружить там что-то новое.

— Напротив, я всех нас хочу сделать богатыми. Богаче, чем чёртовы лорды.

— Тогда в чём суть такого предложения?

— У меня есть выбор, попробовать ограбить Мариго или Ораньестада. Насколько я помню, твоя жена живёт на Сан-Мартине? — я провёл пальцем по карте, показывая Николасу возможные направления атаки.

— Да, в Мариго, — вздохнул он. Его взор затуманился воспоминаниями, и я умолк на секунду, чтобы дать ему время побыть наедине с собой.

— Если мы пойдём туда, то у тебя будет несколько часов... — начал я, но он перебил.

— Ораньестада.

— Уверен? — спросил я.

— Совершенно. Они наверняка считают меня мёртвым, тогда пусть так и остаётся, — ответил голландец.

— А как же твои кредиторы? Рано или поздно тебя найдут. Много ты должен?

— Полторы тысячи песо плюс проценты. Вот когда найдут — тогда и поговорим, а пока пусть лучше думают, что я мёртв.

— Матрос, которого ты послал за выкупом, не проболтается?

— Нет, — отрезал Николас. — Ян знал, что никакого выкупа нет. Я просто дал ему возможность остаться в живых, и он это понимал.

Я побарабанил пальцами по столу.

— Ладно. Прикажи повернуть на два румба вправо. Курс на Синт-Эстатиус.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Ораньестада, единственный город на острове Синт-Эстатиус, виднелся вдали как стайка пляшущих светлячков. Ночь выдалась тёмной и безлунной, самое время для моего дерзкого замысла.

Форт, днём и ночью охраняющий гавань от английских и французских кораблей, нависал над морем как символ могущества города. Золотой форт Ораньестада. Богатая торговая фактория — это крепкий орешек, и я надеялся, что он окажется мне по зубам.

На «Мстителе» погасили все огни и сняли паруса. Незачем выдавать своё присутствие голландцам. По моему приказу спустили шлюпки, вёсла и уключины которых предварительно обмотали тряпками. Без моей команды не должно прозвучать ни единого всплеска и ни единого шороха, иначе вся затея пойдёт прахом. И, конечно, больше всего я надеялся на удачу.

Я видел, как на стенах форта колышутся огоньки, похожие в темноте на красные дьявольские глазки, которые блуждали наверху, выискивая злодеев. Солдаты, как обычно, делали обход. В некоторых бойницах, где горел свет, я видел жерла крупнокалиберных пушек, один выстрел из которой мог отправить нас всех на дно. Раскалённые ядра — это страшная сила.

Шлюпки беззвучно скользили по воде прямо к подножью форта, где белые буруны разбивались о берег, год за годом подтачивая его, как жук-короед. Я видел страх на лицах моих друзей, но упрямо вёл шлюпки вперёд. Иногда стоило рискнуть, особенно ради богатства, заточённого в Ораньестаде.

Солдаты, кажется, ничего не замечали — я слышал за шумом прибоя спокойные дежурные беседы, а не тревожные крики. Волны прибоя пытались раздавить нас об отвесную стену, но матросы умело отталкивались вёслами.

Я посмотрел вверх. С такого ракурса форт впечатлял ещё больше, и я немного струхнул, чуть было не отдав приказ к отступлению. Но затем посмотрел на лица своей команды и

понял, что не имею права отступать на полпути к добыче.

Мокрая от водяной пыли стена возвышалась на добрые десятки футов, и от осознания этого кружилась голова. Каменные блоки, поросшие мхом и лишайником, не давали ни одного шанса взобраться по ним наверх, но я это предусмотрел.

— Действуем, — шепнул я.

Буканьеры взяли верёвки с абордажными крюками, хорошенько размахнулись и закинули наверх. Кошки проскрежетали по камню, но несколько всё-таки смогли зацепиться за края бойниц. В первом ряду свет не горел, и это нас здорово выручало.

Верёвки натянулись, как жилы какого-то атланта, что вынужден держать небо на плечах, и я взялся за мокрую пеньку, чтобы лезть первым, как и подобает капитану. Руки соскальзывали, мускулы гудели, водяная пыль била в лицо, но я дюйм за дюймом поднимался наверх. Я слышал, как переговариваются голландцы внутри форта, слышал шаги, разносящиеся по гулким каменным коридорам. Пока что всё было спокойно, но внезапное нападение пиратов может перестать быть внезапным за считанные секунды.

Я схватился пальцами за подоконник узкой, примерно в фут шириной, бойницы, и попытался втянуть себя наверх. Камень крошился, забиваясь под ногти, но я сумел повернуться боком и залезть внутрь.

Крепость изнутри казалась уже не такой внушительной. Узкие каменные коридоры, освещённые факелами и тусклыми лампами, расходились вдоль стен, а в бойницы задувал холодный ночной ветер. Я покрепче закрепил кошку и дважды дёрнул за верёвку, показывая, что всё в порядке.

Я то и дело озирался по сторонам, держа пистолет наготове, на всякий случай. Но он не понадобился. В окне показалась чья-то рука, и я помог моряку забраться внутрь. Минуты тянулись, словно патока на солнце, заставляя меня нервничать больше обычного, и через полчаса весь десант перебрался внутрь. Я специально взял на это задание самых тощих и самых ловких, чтобы мы могли влезть через узкие бойницы, и теперь две дюжины разбойников прятались в тенях Золотого форта.

Где-то наверху ходили караульные, в подвалах сидели преступники, в казармах спали солдаты. А мы, непрошеные гости, крались по лестнице вниз.

Тюрьму я узнал по характерному аромату. Отсюда он не выветривался годами, и со временем к нему привыкаешь, но сейчас в ноздри бил запах мочи и немытого тела. В клетках томились военнопленные, уголовники и мошенники, слишком ценные, чтобы казнить, и слишком ненужные, чтобы содержать их где-то ещё.

Охранники самозабвенно резались в карты, и не заметили, как из темноты вышли чужаки. Первого охранника зарубил Перкинс, второго я чиркнул ножом по горлу и оставил умирать с четырьмя тузами в руках. Повезло, да не очень.

Парни следили за лестницей, пока я открывал клетки и объяснял заросшим арестантам, что от них требуется. Среди них были и англичане, и французы, и местные, но предвкушение свободы помогло всем понять меня без лишних слов. Я освобождал их отнюдь не из благородства, нет. Всё это было частью грандиозного и дерзкого плана, и беглые заключённые стояли в нём не на последнем месте.

Всего удалось освободить семнадцать человек, которые теперь пробирались к оружейной комнате без нас, а мы тем временем искали пороховой погреб. Все солдаты дежурили наверху, на стенах, либо спали в казармах. Мы разделились на несколько отрядов и обходили коридоры. Конечно, можно было бы взять пленного, но я ещё на корабле

приказал в живых никого не оставлять.

Я, словно дикий кот, мягко шагал по длинным коридорам, и вместе со мной по ним гуляли холодные ночные ветра. По пути нам встретились несколько переполошённых солдат, которые искали беглых заключённых, но мы всякий раз благоразумно отступали или скрывались в тених — на драки с солдатами не было времени. Вся эта затея напоминала о тех временах, когда мне приходилось влезать в дома богатеньких лондонских пэров.

Пороховой погреб нашёлся не сразу. Неприметный узкий коридорчик спускался вниз, в небольшую каморку, где на полу аккуратными рядами стояли войлочные тапочки, а за тяжёлой дверью хранился весь запас пороха. Конечно, без охраны тут не обошлось, и два трупа остались лежать в этой самой каморке.

— Готовьтесь, — шепнул я, открывая дверь к заветному погребу.

В полной темноте стояли бочки с самым опасным веществом на свете, и я улыбнулся, словно увидел старых друзей. Я взял маленький бочонок, расковырял его ножом и скомандовал отступление.

Порох стелился по полу маленькой серой змейкой, из погреба прямо к бойницам крепости. Парни вылезли обратно к лодкам, а я смотрел, как огонёк из опрокинутой лампы бежит по пороху, шипя и потрескивая. Наконец, я опомнился, выпрыгнул из окна, и мы изо всех сил рванули отсюда.

Когда прогремел взрыв, мне на секунду показалось, что я умер. Небо окрасилось красным, с неба начали падать камни, а в ушах стоял непрекращающийся звон. Я дотронулся до уха — на пальцах осталась густая, чёрная в темноте, кровь. Пираты сидели в шлюпке с ошеломлённым видом, а гребцы даже забыли о том, что надо грести дальше.

На «Мстителе» поднялись паруса, и барк помчался к нам. Шлюпки пошли навстречу. С бортов «Мстителя» вырвались всполохи пламени — пушки по моему приказу стреляли холостыми с двойным зарядом, чтоб напугать горожан. Но выстрелов я не услышал.

Нас подняли на корабль, и когда я поднялся на палубу, ко мне подбежал Филипп, пытаюсь что-то объяснить. Я покачал головой и показал на уши. Звон всё ещё не проходил. Матросов, что были со мной в шлюпке, похоже, тоже контузило.

— К берегу! — попытался сказать я, и Филипп поморщился. Контролировать громкость я пока не мог.

Но зато меня услышала вся команда, и барк взял курс на гавань, освещённую горящими остатками Золотого форта. Я выхватил шпагу, указал прямо на Синт-Эстатиус и дьявольски расхохотался.

В городе нас уже поджидали солдаты. Прямо на берегу они устроили баррикады и стреляли из мушкетов. Хорошо, что в этом порту гавань оказалась глубокой, и мы смогли подойти поближе и стрельнуть по ним картечью. Я ходил по палубе, раздавая приказы и не обращая внимания на свистящие вокруг пули. Матросы дивились показному бесстрашию, но в глубине души я был в ужасе от происходящего и от того, что ещё будет.

Высокие дома в фламандском стиле, что стояли на берегу, в мгновение ока теряли своё величие. От выстрелов осыпалась белоснежная штукатурка, пороховой дым, грязь и кровь въедались в стены как кислота.

Под выстрелами мы подошли к причалу и двое матросов выпрыгнули, чтоб пришвартовать судно. Один из них, кажется, Уитли, сразу же словил голландскую пулю в грудь. Мы рассыпались целым градом ответных выстрелов, а когда «Мститель» пришвартовался, вся команда отправилась мстить за убитого.

— Выносите ценности, и больше никто не пострадает! — гаркнул я, но голландцы не послушались. Из окон что-то кричали в ответ, но я не расслышал.

Пираты с дикими воплями и криками начали резню. Команда корабля, хоть и немногочисленная, врывалась в дома, переворачивая всё вверх дном в поисках ценностей. Тут и там вспыхивали пожары, которые было некому тушить, со всех сторон доносились крики о помощи и выстрелы мушкетов.

На холме, среди богатых усадеб местных торгашей, возвышалась губернаторская резиденция.

— Братья! — крикнул я, шпагой указывая на холм. — Самая лучшая добыча спрятана там!

Ответом мне стал дружный рёв, и мы побежали наверх.

Прорываться приходилось с боем, сквозь дым пороха и горящих зданий, не обращая внимания на вопли и плач. Раненых голландцев безжалостно добивали, раненых пиратов оттаскивали обратно на корабль вместе с награбленным.

Тащили буквально всё, что не приколочено — драгоценности, подсвечники, посуду, одежду, оружие. Один из индейцев, Чокли, даже попытался унести полку от камина, а Перкинса я увидел с трёхногим табуретом в руках, но быстро отговорил его от этой затеи.

Усадьбу губернатора охраняли так, словно в ней были спрятаны сокровища Дрейка. Голландцы бились как черти, но, в конце концов, сбежали в джунгли, наверняка прихватив с собой губернатора и его семью. Но и без них в усадьбе оставалось чем поживиться.

Контраст между богато украшенными комнатами и грязными оборванными пиратами навевал воспоминания о вандалах на развалинах Рима. На стенах соседствовали мраморные пилястры и вычурная лепнина с изображениями херувимов и ангелов, которые с неммым укором смотрели на обезумевших от адреналина головорезов. Пираты, в свою очередь, стреляли по ним из пистолетов, соревнуясь, кто собьёт больше ангелочков, и хохотали, когда очередной кусок мрамора падал на пол и разбивался на мелкие осколки.

Комнат было много, и в каждой удавалось найти хоть что-нибудь ценное. В кабинете губернатора я забрал документы и пустые бланки Голландской Вест-Индской компании — жаль, что не удалось найти печать, но и без неё эти бумажки становились ценным товаром для контрабандистов. В столовой мы забрали всё серебро, в спальнях я смог пополнить свою

коллекцию рубашек.

Из одной спальни я услышал сдавленный крик и шум борьбы. Я, не раздумывая, ворвался туда и увидел, как один из моих матросов, негр по имени Гвала, пытается сорвать платье с девушки, которая отчаянно отбивалась и сопротивлялась, но на помощь не звала, зная, что помогут скорее насильнику.

Лицо её, совершенно обычное, показалось мне прекраснее самой изящной картины. И в тот момент я совершенно потерял голову.

Пистолет щёлкнул курком, и ствол уткнулся Гвале прямо в печень. До этого момента негр меня даже не замечал, но, ощутив холодный металл, остановился и замер. Девушка испуганно смотрела на меня, а я видел только её глаза и страх, что плескался в них.

— Капитан, — пробормотал Гвала, шлёпая толстыми губами.

Но я его не слышал. Я услышал только выстрел и всхлип девушки, когда тёмная кровь брызнула ей в лицо.

— Прощу прощения, миледи, — сказал я, снимая шляпу.

— Благодарю вас, — ответила она на чистом английском, но дрожать от страха не перестала.

— Не бойтесь, я не причиню вам вреда, — сказал я и попытался привести себя в порядок, но это было не так-то просто. Измазанное кровью и сажей лицо просто так не отмыть.

— Уходите, — сказала она, краснея и прижимая к себе простыню. Я только сейчас заметил, что она в одной ночной рубашке, которую Гвала успел порвать.

— Прощу прощения, — сказал я и отвернулся.

Из-за спины послышалось шуршание одежды, а затем лязг металла — клинка, извлекаемого из ножен. Я повернулся и схватил её за руку, в которой она держала занесённый над моей головой кинжал.

— Не стоит, миледи, — сказал я, мягко отводя её руку в сторону.

Она смотрела мне прямо в глаза, с вызовом, какого я уже давно не получал. И мне это нравилось.

— Как вас зовут? — спросил я, не выпуская её руки. — Забыл представиться, меня зовут капитан Эдвард Картер.

— Наслышана о вас, — презрительно поджав губу, ответила она. — Вы грязный пират, насильник и убийца.

— Разве юной леди подобает верить слухам? — спросил я и отпустил её руку, — Так всё же, как вас зовут?

— Леди Алисия Монтгомери, — сказала она, изо всех сил сжимая кинжал и создавая для себя иллюзию защищённости.

Известная британская фамилия. Но что эта девушка делает в усадьбе голландского губернатора?

— Приятно познакомиться, миледи, — я неуклюже поклонился. — Позвольте узнать, как вы здесь оказались? Наш благословенный король всё-таки воюет с голландцами.

— Ваше вероломное нападение поставило под угрозу мою дипломатическую миссию, — сказала она. — Губернатора вы, наверное, убили?

— Нет, он успел сбежать со всеми домочадцами. Похоже, не взяли только вас.

Алисия нахмурилась.

— Значит, дело плохо, — заключила она. — Вы отвезёте меня в Порт-Ройал. Сейчас же.

Я расхохотался. Такой наглости я не ожидал, хотя не понаслышке знал о манерах английской знати.

— В чём дело? — спросила она, едва не топнув ножкой от злости, отчего казалась ещё милее.

— На данный момент здесь приказываю я, — сказал я, сдерживая смех. — Вам следовало бы попросить, леди Алисия.

— Я не собираюсь просить какого-то оборванца о помощи, — ответила она.

Я снова расхохотался.

— В конце концов, я вас спас.

— Я бы и сама справилась! — взвизгнула она, наливаясь краской.

Я посмотрел на Гвалу, лежащего ничком в луже крови. Мертвец по комплекции превосходил как меня, так и миниатюрную Алисию, вместе взятых.

— Это вряд ли, миледи.

За окном слышались пьяные крики и грохот выстрелов. Кто-то на весь город орал о том, как именно и в каких позах совокуплялся с матушкой Вильгельма III Оранского, несмотря на то, что упомянутая матушка была ещё и сестрой нашего короля. Пираты добрались до выпивки.

— Сейчас вам лучше не покидать усадьбы, — сказал я, выглядывая из-за портьеры.

Ночной город, освещённый пламенем пожаров, был целиком во власти горстки негодяев и висельников.

— Я — подданная английской короны, — возразила леди Монтгомери.

— Боюсь, сейчас это ничего не значит. Они поймут, только когда протрезвеют.

— Где ваш корабль?

— В гавани, где же ещё, — ответил я.

— Значит, увидимся там, — высокомерно произнесла Алисия. — Пустите.

— Не могу, для вашей же безопасности, — я встал в дверях и сложил руки на груди.

— Каждый добрый англичанин обязан помогать мне в моей миссии! — воскликнула она. — У меня есть бумаги с печатью самого короля!

Я только хмыкнул и пожал плечами.

— Ну да, вы же всё равно не умеете читать, — произнесла она и принялась измерять шагами комнату.

— *Barbarus hic ego sum, quia non intelligor illis*, — процитировал я, с усмешкой глядя, как леди Монтгомери меняется в лице.

— Всё равно, вы — варвар, — сказала она.

Я снова пожал плечами.

— Ладно, — произнёс я, глядя ей прямо в лицо. — Я помогу вам добраться до Ямайки. Если вы поклянетесь больше не нападать на меня, это первое, и полностью слушаться моих команд, это второе. На корабле я — царь и Бог. Я ясно выражаюсь?

— Ещё чего, — фыркнула она. — Я скорее пойду утоплюсь в море, чем стану вас слушаться.

— Тогда желаю приятного вечера, — я приподнял шляпу в знак почтения. — Надеюсь, голландцы не заподозрят вас в том, что вы навели пиратов на этот тихий городок.

— Да как вы смеете!? — леди Алисия едва не задохнулась от гнева. — У меня здесь важная дипломатическая миссия!

— Вот и скажете это голландцам, когда они осмелятся вернуться. *Au revoir, mon amour*.

— Стойте! — воскликнула она, когда я уже собрался повернуться и уйти. — Я согласна на ваши условия, но и вы поклянетесь, что всеми силами постараетесь защитить меня от чего бы то ни было, и доставить в Порт-Ройал. По прибытию вас щедро наградят.

— Клянусь своей жизнью, миледи, я буду вашим верным телохранителем, — я положил руку на сердце, припоминая, сколько клятв в своей жизни успел нарушить. Но эту клятву я нарушать не собирался.

Впервые за всё время Алисия улыбнулась, и эта мимолётная улыбка показалась мне лучшей наградой, чем все сокровища мира.

— Тогда клянусь и я. Клянусь не бросаться на вас с кинжалом, а также клянусь следовать вашим приказам на корабле.

Я усмехнулся, слыша исключительно точные формулировки. Впрочем, это норма для дипломатов, оставляя для себя лазейки.

— Хорошо, — сказал я. — Но сейчас лучше не высовываться.

— Значит, будет время собрать вещи, — ответила леди Монтгомери и принялась рыться в шкафах, выбирая платья для грядущей поездки.

Следующие несколько часов мы мило беседовали о поэзии, пока я не услышал три пушечных выстрела.

От звука я встрепенулся, словно выпадая из спячки, и выглянул в окно, за которым уже начинало светать. Пираты со всех ног бежали к пристани, над нами нависла какая-то опасность.

— Что происходит? — спросила леди Алисия.

— Похоже, нам пора уходить, — сказал я.

С высоты губернаторской усадьбы открывалась панорама на полуразрушенный город. Я не мог поверить, что всё это мы смогли повернуть силами одного только корабля, но это было так. Скоро по Карибам пойдут новые легенды.

Я остановился на крыльце усадьбы и посмотрел в сторону моря. «Мститель» всё так же качался на волнах у пристани, здорово просевший от добычи, а где-то на горизонте белели несколько парусов. Вражеская эскадра.

— Чёрт возьми! Проклятье! — выругался я, не обращая внимания на протесты девушки. — Надо было сразу уходить!

— Да что случилось, объясните!

Я показал рукой на горизонт.

— Сюда идёт целая эскадра, и нам надо бежать как можно скорее, — сказал я и пошёл в сторону гавани.

— Но это же трусость! Английские моряки так не поступают! — воскликнула леди Монтгомери, едва поспевая за мной со своим тяжёлым чемоданом.

— Это не трусость, это — здравый смысл, миледи.

Горожане, кажется, тоже заметили приближение эскадры, и начали выползать из своих укрытий. Поначалу они только злобно смотрели нам вслед и шептали проклятия, но затем самые смелые из выживших преградили нам путь.

Я обнажил шпагу, глядя на тщедушного голландца с мушкетом в руках. Другой голландец, толстый молодой парень, обеими руками держал плотницкий топор.

— Пропустите! — пискнула Алисия.

Тощий мушкетёр что-то негромко говорил на своём языке, но я примерно догадывался о содержании. Очередные проклятия и угрозы. Мушкет смотрел мне прямо в лицо, но я стоял,

закрывая собой девушку, и покачивал шпагой.

— Лучше бы вам убежать, пока не поздно, — произнёс я.

— Эдвард! — воскликнула девушка, и я обернулся.

Сзади к нам подходили ещё несколько разъярённых горожан.

— Проклятье! — выругался я.

Мушкетёр паскудно ухмыльнулся, и мне захотелось выбить ему все зубы. Но вместо этого я выхватил пистолет, выстрелил ему в живот и бросился на молодого, пинком отталкивая его с дороги.

— Бежим! — крикнул я, и рванул вперёд, схватив Алисию за руку.

И мы побежали мимо сгоревших домов по узким переулкам, стараясь оторваться от обезумевшей толпы, готовой разорвать нас на части.

Я услышал тихий вскрик и обернулся на ходу — Алисия уронила чемодан и тот покатился по мостовой прямо под ноги горожанам. Замок не выдержал, и из чемодана полетели платья, бельё и прочая женская ерунда.

— Мои вещи! — взвизгнула она, но я буквально тащил её за собой, не давая опомниться.

На подходе к гавани я услышал выстрелы и резко остановился, отчего леди Алисия врезалась в мою спину.

— Что случилось? — спросила она, и мы выглянули из-за угла дома.

«Мститель» отшвартовывался под обстрелом мушкетов и поднимал паруса. Я различил стоящего на баке Филиппа, отдающего приказы, и чертыхнулся. Моя команда снова меня кинула. К тому же, они выйдут прямиком в объятия голландской эскадры, которая разнесёт тяжело гружёный барк в щепки.

— Уходим, — севшим голосом произнёс я.

— Куда?

— Куда угодно, миледи. В джунгли.

Алисия побледнела и уставилась на меня недоверчивым взглядом.

— Вы серьёзно!?

— Корабль, как вы видите, уходит без нас. А если останемся в городе, мы — покойники.

На этот раз выругалась леди Монтгомери.

— Мне стоило сразу заколоть вас, мистер Картер, — холодно произнесла она.

Мы, прячась от каждого шороха, прошли через город и отступили вглубь острова. Джунгли встретили нас пением птиц и густым ковром зелени, но даже это не могло поднять моего настроения. Я откровенно не знал, что делать дальше.

Леди Монтгомери упрямо шла за мной, храня гробовое молчание. Лишь изредка я слышал недовольные вздохи и шлепки, когда она убивала надоедливых москитов.

— Если не хотите, чтоб вас кусали, можете вымазаться грязью, — произнёс я, но ответа не услышал.

Я пожал плечами и пошёл дальше, кончиком шпаги раздвигая нависающие лианы и ветви. Впереди слышалось журчание воды, и через несколько минут мы вышли к ручью.

— О сервизах теперь тоже придётся забыть, — пробормотал я, руками набирая холодную воду.

Ломило зубы, но вкус ключевой воды того стоил. Я несколько раз плеснул себе в лицо, отряхнулся и посмотрел на Алисию. Даже после короткого похода по джунглям она успела порвать подол своего чудесного платья, измазать туфли в грязи и насобирать колючек. Я

ухмыльнулся, а леди Монтгомери яростно посмотрела мне в глаза.

— Увидели что-то смешное, мистер Картер? — процедила она, впервые за последние несколько часов.

— Нет, — ответил я на полном серьёзе. — Выглядите так, будто весь день убегали по джунглям от разъярённых голландцев.

На её лице промелькнула тень улыбки, и я тоже улыбнулся. Несмотря на полный крах моей карьеры, потерю корабля и команды, на безвыходное положение, в котором мы оказались, её вид вселял в меня уверенность в том, что мы отсюда выберемся и ещё повоюем.

— Долго нам ещё идти? — спросила она.

Я огляделся и прислушался. Кроме пения птиц и обезьяньих криков я ничего не услышал, а погоня, если это не индейцы, обычно шумит на всю округу.

— Думаю, мы пройдем по ручью, поднимемся ещё чуть выше, и остановимся где-нибудь там, — я неопределённо помахал рукой. — Погони за нами нет, поэтому можно немного отдохнуть, а потом двинемся дальше.

— По ручью? — спросила она.

— Ну да. Придётся немного промочить ноги, — сказал я и снял сапоги. — Чтобы следов не нашли.

Алисия, тяжело вздохнув, стянула бархатные туфельки, вымазанные грязью, и осторожно ступила на зыбкий берег. Девушка потрогала бегущую воду ногой и поёжилась от холода.

— Это обязательно?

— Сделай два шага назад, — сказал я.

Алисия подчинилась.

— Видишь следы? — спросил я.

Она опустила глаза и вгляделась в отпечатки босых ног.

— Это всё равно, что на весь остров объявить, что мы здесь были, — я, конечно, преувеличивал, но для опытного следопыта это почти так и было. — Поэтому идём по воде.

Я думал, что она откажется или опять станет возражать, но нет, леди Монтгомери с поистине английским спокойствием шагнула в бурлящий поток и зашагала вверх по течению.

— Ну, вы идёте? — нарочито небрежно спросила она.

Я улыбнулся, закинул сапоги на плечо и отправился вслед за ней, тихо насвистывая пиратскую шанти про пьяного матроса, которого обязательно надо познакомить с капитанской дочкой.

Алисия, напротив, молчала, упрямо шагая по воде и пытаясь не терять равновесия на скользких камнях. Между босых ступней сновали маленькие рыбки, поток старался сбить нас с ног, но мы шли дальше. От холода немели пальцы, и вскоре даже я стучал зубами.

— Д-долго нам ещё так идти? — спросила девушка.

Я прикинул расстояние, которое мы прошли за сегодня, посмотрел на её посиневшие губы и приказал выходить. С высотой местность немного поменялась — тропический лес сменился более засушливым ландшафтом.

— Сейчас костёр разведём, обсохнем, отдохнём, — сказал я, осматриваясь в поисках топлива.

— А дым не заметят?

— Если дрова посуше взять, то нет, — сказал я.

Алисия хмыкнула и подняла с земли чуть подгнившую ветку.

— Такая пойдёт?

— Да, превосходно, — не моргнув глазом, соврал я. — Но лучше бы вам оставаться здесь, пока я ищу дрова. Не хотелось бы потом по всему лесу вас искать.

Алисия заметно сникла, но послушно села на берегу.

— Ах да, если увидите змею — не кричите и не двигайтесь, — напутствовал я.

— Змею!? — ахнула девушка, но я уже скрылся за кустами.

Я поднялся чуть выше в гору и оглядел окрестности. Над городом уже не висел чёрный дым. Море вдалеке казалось спокойным и безмятежным, словно и не было никакого сражения. Ни одного паруса на горизонте, ни одного корабля на рейде. Я тяжело вздохнул и обхватил лицо руками. Я снова остался на чужой земле с голой задницей.

Но на этот раз у меня были шпага, пистолет с пулями и женщина, совершенно не приспособленная к жизни вне цивилизации. И если пистолет со шпагой помогут мне выжить практически везде, то английская леди — наоборот.

Я сел на землю и провёл рукой по волосам — на руках остались крошки запёкшейся крови, не моей, чужой. Я только хмыкнул.

Надо было придумать, как поступить. Одна моя половина говорила мне поступить по проверенной схеме — украсть лодку в городе и двинуть до ближайшего острова, а затем вдоль берега к Невису. Там англичане, там мне помогут. Но вся моя репутация будет уничтожена.

Другая половина подсказывала мне залечь на дно, пока всё не утихнет, а затем инкогнито пробираться на Ямайку. Пассажиром или матросом, неважно, зато, когда я бы внезапно объявился в Порт-Ройале, нарядный и красивый, спасший высокопоставленного английского дипломата — это бы запомнили надолго. А насчёт корабля можно и сочинить что-нибудь.

Минутка размышлений принесла свои плоды, и я уже не так переживал насчёт потерянной команды и добычи.

По правде говоря, я и уходил только для того, чтоб подумать в тишине, а не для того, чтоб собирать дрова. Их я быстренько насобирав по дороге, особо не выбирая, и вернулся к Алисии, которая всё так же сидела на берегу и смотрела на бегущую воду.

Она даже не обернулась, пока я раскладывал и разжигал костёр. Я насыпал щепотку пороха, чиркнул огнём, и порох с шипением и искрами загорелся, а вслед за ним разгорелись и дрова. Пламя несколько раз лизнуло мои руки, и я удовлетворённо кивнул.

— Вам бы у костра погреться, миледи, — сказал я.

— Долго мы ещё будем так прятаться? — спросила она, не двигаясь с насиженного места.

Я пожал плечами в ответ.

— Как только всё поутихнет — будем выбираться отсюда. Поверьте, я и сам не рад.

— Да вам-то что! Живёте одним днём, как мотыльки! — воскликнула она сгоряча. — Убил, ограбил, пропил!

— Мы сражаемся с врагами короны, — возразил я, хотя на самом деле она была права.

— Оставьте эти сказки! — сказала Алисия. — Все мои планы, моя миссия...

Девушка обхватила колени руками и тихонько заплакала, не в силах больше сдерживать чувств.

— Миледи... — произнёс я, сел рядом и попытался её приобнять.

Леди Монтгомери дёрнула плечами, но не оттолкнула меня, и я нежно прижал её к себе.

— Всё будет хорошо, мы обязательно выберемся, — бормотал я невпопад, и сам начинал верить в собственные слова. В голове рождался новый план действий.

Она немного притихла, вытерла слёзы и всё-таки сбросила мою руку.

— Сядем ближе к костру, — сказала она голосом, в котором было столько же льда, сколько на ледниках Гренландии.

Следующие несколько дней мы как-то выживали в лесу. Я построил для нас двоих шалаш, но леди Алисия наотрез отказалась ночевать со мной в одном шалаше, и мне пришлось строить рядом ещё один.

Каждое утро я ходил на охоту, изредка возвращаясь к городу, чтобы оценить ситуацию. В город прибыли солдаты из других колоний, и теперь они в ускоренном темпе отстраивали форт заново. Сгоревшие дома разобрали, некоторые починили, и жизнь Ораньестада постепенно возвращалась к обычному своему состоянию.

Я выходил на рынок, чтобы купить или стащить какое-нибудь лакомство для леди Алисии, собирал слухи, постепенно начиная понимать голландский язык, и искал каких-нибудь достаточно жадных контрабандистов, чтобы они отвезли нас в Порт-Ройал.

Когда со мной пытались заговорить на улицах, то я отвечал на испанском и притворялся, что не понимаю. Когда меня узнавали, то я спешно покидал город и скрывался подальше от нашего убежища. Но сейчас узнать во мне того человека, который грабил Ораньестад с командой головорезов, было бы очень трудно. Я оброс клочковатой бородой, одежда моя почти превратилась в лохмотья, а шпагу я оставлял Алисии, и больше был похож на нищего, чем на известного пирата.

В порт иногда заходили корабли, в основном, голландской Вест-Индской компании. Пару раз заходили португальские, но я предусмотрительно держался подальше. В моём положении лучше избегать работорговцев, чтобы вдруг не оказаться в колодках.

Алисия за это время научилась разделять птиц и кроликов, готовить на костре и отличать съедобные плоды от несъедобных. Она по-прежнему держалась отстранённо, и чем дольше мы оставались в джунглях, тем больше портилось её отношение.

Нужно было срочно выбираться.

Когда у меня осталась последняя пуля, принадлежащая Уильяму Муру, и охотиться я больше не мог, я сказал об этом Алисии.

— Будь проклят тот день, когда вы пришли в Ораньестад, — буркнула она. — Очень сожалею, что не зарезала тебя в первую же ночь. Что теперь, будем дальше прятаться здесь и питаться манной небесной? Или ты не знаешь?

— Я-то как раз знаю. Голландцы уже успокоились и не обратят на нас внимания, и теперь мы можем сбежать. Мне уже надоел этот проклятый остров, — ответил я.

— Ну и как же мы сбежим? Пешком по морю?

— На корабле, как честные граждане. Есть несколько вариантов, — сказал я. — Но для начала надо добраться до города.

Я вымазал руки грязью и несколько раз провёл по щекам девушки, которая едва не задохнулась от гнева.

— Ты что себе позволяешь! — почти крикнула она.

— Ты слишком красивая, чтобы походить на нищенку. А так есть шанс, что на нас не

обратят внимания. В городе ни на кого не смотри, гляди только в землю, держись рядом со мной, ни с кем не разговаривай. Говорить буду я.

Алисия посмотрела на меня, будто я был её злейшим врагом, но промолчала.

— Чуть не забыл. Кольца и украшения сними и отдай мне, — добавил я.

— Да как ты смеешь! Это кольцо моей бабушки!

— Хочешь выбраться отсюда — придётся отдать. У меня не хватит денег на нас двоих.

— Ну так ограбь кого-нибудь другого, разбойник! Всё равно ты беспринципный, грубый, кровожадный и мерзкий пират! — закричала она.

Я пожал плечами и двинулся в сторону Ораньестада, не обращая внимания на требования остановиться. Вскоре Алисия догнала меня и молча пошла рядом, видимо, осознав, что у неё больше нет выбора.

— Я бы на твоём месте не стал оскорблять единственного человека на острове, который искренне хочет тебе помочь, — произнёс я. — Даже если половина сказанного — чистая правда. Я в самом деле беспринципный и грубый пират.

— Я устала, — глухо произнесла Алисия.

— Остановимся и передохнём?

— Нет, я устала от такой жизни. Я хочу домой. Я не хочу жить, словно дикари. Я даже ни разу не сходила в церковь на этой неделе!

Я хмыкнул. Сам я уже и не помнил, когда в последний раз был в церкви.

— Капитан на корабле обычно исполняет обязанности священника, — задумчиво произнёс я.

— Ну уж нет! — воскликнула девушка, а щёки её загорелись от стыда. — Тебе я исповедоваться не собираюсь!

— Вообще-то я имел в виду отпевание.

В Ораньестаде мы вошли без проблем, разве что мою шпагу пришлось замотать в плащ и нести в руках как свёрток. Толедский клинок можно было бы обернуть вокруг пояса, но мою шпагу сделали французы.

На двух нищих никто не обращал внимания, как я и рассчитывал. Мы вышли к пристани, где сейчас стояли несколько рыбацких и каботажных мелких судов. Обычно капитаны таких корабликов рады любому заработку.

В порту, как всегда, кипела жизнь. Докеры катали бочки и таскали ящики со складов на корабли и наоборот, подвыпившие моряки шатались по окрестностям, а портовые шлюхи предлагали себя каждому встречному за небольшую плату.

— Побудь здесь, — сказал я. — Если не хочешь выделяться из толпы, то сядь на землю и проси подавание.

— Поверить не могу... — прошептала Алисия.

— Хочешь жить — умей притворяться. Ты, как дипломат, должна это понимать, — прошептал я.

Леди Алисия Монтгомери послушно села прямо на мостовую, сгорбилась, растрепала волосы и протянула грязную руку. Холёные дворянские пальцы могли выдать, что она не та, за кого себя выдаёт, но вряд ли кто-то будет обращать внимание на руки какой-то нищенки.

— Я быстро, — сказал я и отправился к кораблям.

Сейчас главное не ошибиться с выбором. Если кто-то из моряков донесёт страже, то нам несдобровать.

Я подошёл к небольшому люггеру, что качался у пристани. Такие кораблики обычно и перевозили всякую контрабанду, на люггере можно легко уйти от патруля по мелководью.

— А ну, пошёл отсюда, попрошайка! — крикнули мне с корабля. За эти дни я слышал такие слова уже тысячу раз.

— У меня дело к твоему капитану, — сказал я на испанском.

— Non comprendo, — ответили мне.

Я повторил просьбу на голландском и португальском.

— Капитан занят! — прокричал матрос, не отрываясь от работы.

Я грязно выругался на испанском, перечисляя, как именно сношал его матушку, сколько раз и что при этом испытывал. С палубы послышался раскатистый громогласный хохот, и через борт перегнулся какой-то здоровяк в широкополой шляпе. Через всё лицо у него проходил белый шрам, а на месте левого глаза я увидел только зашитое веко. Не самое приятное зрелище, но я видал и похуже.

— Я капитан этого славного корыта, — сказал он по-испански. — Иоханн Мартенс. А ты, похоже, моряк?

— С чего ты взял? — спросил я.

— Так умеют ругаться только моряки, сапожники и проститутки. На сапожника ты не похож.

— На проститутку тоже, — усмехнулся я. — Возьмёшь пассажиров?

— Куда тебе? — спросил Иоханн. — Я иду к Пуэрто-Рико, если по пути, то нет проблем.

— Нас двое. Нам нужно в сторону Кубы. Я заплачу.

Здоровяк почесал под шляпой и прищурил единственный глаз.

— Если сговоримся по оплате — добро пожаловать на борт, — сказал он.

— Договоримся, — произнёс я.

— Отплываем в четыре склянки, — равнодушно бросил Иоханн и скрылся из виду.

Я улыбнулся самому себе. Путь с острова открыт, и причём, без лишнего кровопролития. Я повернулся в сторону улицы и опешил. К Алисии уже подошли местные попрошайки и что-то настойчиво требовали. Похоже, она заняла чьё-то место. Девушка испуганно искала меня взглядом, одновременно пытаясь отбрехаться от нищих.

Я подошёл к ним, стараясь двигаться как можно тише. В руке уже лежал нож, готовый вонзиться в мягкую податливую плоть.

— В чём проблема, минхеры? — спросил я, прижимая холодную сталь к спине главного попрошайки.

Нищий замер как статуя, а два других попрошайки повернулись, вопросительно глядя на главного. В ноздри ударил крепкий запах перегара и немытого тела.

Алисия сидела на земле и смотрела на меня умоляющим взглядом. Я снова видел испуг в её глазах и это меня изрядно раздражало. Хотелось размазать обидчиков по набережной одним тонким слоем.

— Эта... Заняла тут... — проблеял главный попрошайка, чувствуя, как лезвие врезается в кожу, и тонкая красная струйка стекает к пояснице.

— Мы уже уходим, — произнёс я. — Ещё вопросы есть?

— Нет-нет, — ответил нищий.

— Нет-нет, — повторили за ним его спутники.

— Свободны.

— Это наша точка, — произнёс один из нищих, тощий калека с обрубком руки, замотанным в грязное тряпье.

— Дружище, объясни своему приятелю, что он неправ, — сказал я, усиливая нажим.

Нож пропорол ещё половину дюйма, и попрошайка застонал от боли.

— Рудольф... Помолчи... — простонал нищий.

Я оглянулся и увидел, что мы начали привлекать внимание. Некоторые горожане просто смотрели на нас, другие что-то обсуждали, но в любом случае для нас это было лишним. К счастью, нож по большей части был скрыт в рукаве.

— Ну а чё он!?! — сказал Рудольф.

— Рудольф, мы уже уходим, заткнись. Иначе я тебе вторую руку покалечу.

— Понял, — произнёс Рудольф, поднимая ладони в примиряющем жесте.

Я с силой оттолкнул нищего в сторону и спрятал нож в рукаве. Другую руку я подал Алисии и помог ей подняться.

— Прощайте, минхеры, — произнёс я, стараясь выглядеть наиболее грозно.

Алисия фыркнула, показывая своё презрение, и мы отправились к причалу, возле которого на волнах качался люггер Иоханна Мартенса.

Двухмачтовый парусник напоминал зубастую мелкую щуку, ещё недостаточно большую, чтоб стать хозяйкой водоёма, но уже достаточно грозную, чтобы пугать всякую шушера. Под бушпритом красовалась грубо сработанная носовая фигура, отдалённо похожая на русалку, а на борту готическим шрифтом было написано название — «Нереида».

Мы поднялись на борт, не обращая внимания на удивлённые взгляды матросов, и капитан снова выглянул из каюты.

— Кто их сюда пустил? — раздался возглас одного из моряков, но Мартенс махнул рукой, показывая, что всё в порядке.

— Ну и что ты мне предложишь? — спросил капитан.

Я посмотрел на Алисию, которая хмурилась, глядя на одноглазого капитана и остальных членов команды.

— Они мне не нравятся, — вполголоса произнесла она на португальском. Мы условились говорить на нём, чтоб не привлекать внимание и оставаться непонятыми.

Матросы продолжали работать, изредка поглядывая на нас. Они сплетали канаты, таскали ящики, чинили паруса и такелаж, ни на минуту не оставаясь без дела. Десять человек, не считая капитана. Если случится драка, то нам обоим конец. Ни разу не слышал о том, чтобы кто-то мог в одиночку побить одиннадцать человек разом и остаться в живых.

— Довезёшь нас кое-куда, получишь вот это, — я показал на ладони несколько драгоценных безделушек, которые сверкнули в лучах заходящего солнца.

— Что мне мешает убить вас, как только мы отчалим? — хмыкнул Иоханн, даже не думая посмотреть на предложенное золото.

— Человек, у которого на борту царит железная дисциплина, не станет убивать пассажиров ради горстки изумрудов, — ответил я, убирая драгоценности.

Иоханн криво ухмыльнулся, и его изуродованное лицо вдруг стало похоже на звериную морду.

— В море всякое случается, — бросил он. — Работать будешь наравне со всеми, жить будете в трюме, вместе со всеми. Жрать из общего котла, но за еду тоже придётся заплатить или отработать.

— Капитан, — произнёс матрос, тот самый, что пытался прогнать меня.

Мартенс повернулся и уставился на него единственным глазом.

— Баба на корабле, — сказал матрос.

— Пассажир, — хмыкнул капитан.

— Пассажиры только в каюте.

Иоханн выругался.

— Ты, — он толстым грязным пальцем показал на Алисию. — Будешь жить отдельно, в каюте. За это тоже придётся заплатить.

Леди Алисия вздохнула с заметным облегчением, а я понял, что путешествие обойдётся очень и очень дорого.

Следующие несколько дней я работал до изнеможения. Казалось, Иоханн хотел выжать из меня все соки. Такие строгие порядки напоминали флот Его Величества, только без караульной службы и ежедневной порции рома.

Пункт назначения я сообщил, как только Ораньестада скрылся из вида. Мартенс сказал, что сразу понял подвох, но всё-таки пообещал доставить нас на Ямайку. Матросы общались со мной нарочито грубо, нарываясь на драку, но капитан не давал им довести ссору до логического завершения. Алисия практически не выходила из каюты, чувствуя себя неуютно среди десятка незнакомых мужчин. Капитан даже специально попросил её держаться тихо, чтоб не провоцировать конфликтов, но на маленьком люггере скрыться от чужих взоров очень трудно.

Воскресным утром мы шли к юго-западу от Пуэрто-Рико, в городок под названием Понсе, в котором у Иоханна были какие-то дела с местными ростовщиками. Я, взмокший от

пота, тянул шкот, прибавляя парусов. Вдали, по правому борту, виднелся берег, поросший тропическим лесом, и скалы, затянутые белым туманом. Я засмотрелся на буревестника, летящего от острова куда-то в море, и едва не проворонил нужный момент.

— Хватит глазеть по сторонам, чёрт тебя дери! — крикнул матрос на баке, что расслабленно держал руку на рулевом весле.

— Пошёл к чёрту, — тихо, но так, чтобы он мог услышать, ответил я.

Матросы практически одновременно повернулись ко мне, а я продолжил растягивать парус на всю ширину.

— Ты это мне сказал? — с наигранным удивлением произнёс матрос, отпуская руль.

Он медленными тяжёлыми шагами пошёл ко мне, всем видом показывая, что мне конец.

Матросы с довольными ухмылками начали принимать ставки.

Я закатал рукава и несколько раз сжал кулаки. Матрос был здоровым молодым парнем, поэтому задиристым, и, видимо, считал, что стоит посильнее размахнуться, и враг уже валяется в пыли, прося пощады. Судя по всему, в настоящей схватке он не бывал, если не считать нескольких пьяных драк.

— Герард, за ногами смотри! — кричали болельщики, передавая ставки. Вмешиваться пока никто не собирался.

— Руки выше! Кто тебя драться учил!

Мы кружили по палубе, примериваясь друг к другу, обменялись парой ударов, без особого успеха. Я был старше и опытней, а Герард был сильнее и моложе. Краем глаза я заметил Алисию, наблюдающую за дракой из открытой каюты, и чуть не пропустил мощный удар справа, который бы точно меня уложил.

— Можешь извиниться, — оскалился матрос, пытаясь меня разозлить. Я только посмеялся.

Я изо всех сил двинул ему в живот, но кулак словно натолкнулся на волшебную стену. Герард в ответ попытался ударить меня в ухо, однако я вовремя отскочил, и удар пришёлся по скуле, которая тут же вспыхнула огнём, а в глазах заплясали искорки. Я отскочил на два шага назад и потёр щёку.

— Хочешь ещё? — воскликнул матрос, оглядывая толпу, которая заворуженно следила за каждым движением бойцов. Развлечений в море мало, драки вовсе запрещены, но пока капитан не видит, следовало наслаждаться каждым мгновением.

Я поманил его кончиками пальцев. Герард кинулся на меня, размахивая кулаками, а я попытался проскользнуть сбоку, поставить подножку и уронить голландца на палубу. Не вышло. Я получил хлёсткий удар в нос и поспешил уйти от остальных зуботычин и оплеух. На палубу закапала алая кровь, и матросы разразились громкими приветственными криками. Я, разрываясь от переполняющей меня ярости, бросился в почти самоубийственную атаку, осыпая голландца градом ударов, но тут раздался крик.

— Что тут, мать вашу, происходит? Отставить! — рыкнул капитан, и все тут же сделали вид, будто усердно занимаются своими делами.

Мы с Герардом тоже быстро разошлись, словно ничего и не было, но напоследок матрос всё-таки шепнул:

— Ещё поквитаемся.

Капитан прошёлся по палубе, увидел кровь, которую я старательно пытался размазать ногой, и хмыкнул.

— Обоим по десять плетей, — произнёс он будничным тоном, словно никакой драки не

было, а плети — это не наказание, а необходимая медицинская процедура.

Герард снова прошипел что-то оскорбительное, а я ладонью стёр кровь из-под носа. Со стороны я, наверное, был похож на каннибала после трапезы. Я встретился взглядом с Алисией, но она не произнесла ни слова и с невозмутимым видом скрылась в каюте.

— На берегу продолжите, — один из матросов-болельщиков хлопнул меня по плечу. — Это же нельзя так просто оставить, верно?

— Ага, — ответил я.

— Если что, я поставил на тебя, — продолжил матрос.

— Спасибо.

— Все против тебя ставят, приз мизерный будет, если ставка сыграет. А вот если ты Герарду морду начистишь, я двадцать дублонов с одного подниму! — улыбнулся матрос.

Я кивнул и продолжил вытирать кровь с палубы. Ставка один к двадцати это даже не шанс. Это вообще без шансов.

Алисия, как обычно, сидела в каюте, изнемогая от безделья и скуки. В прошлый раз, когда она пересекала океан, можно было наблюдать за дельфинами и чайками, резвящимися в морском просторе, играть на скрипке, прогуливаться по палубе, наслаждаясь свежим воздухом. В этот раз она была вынуждена целыми днями сидеть взаперти, в душной и грязной каюте, которая до этого, похоже, служила чем-то вроде кладовки.

Когда я вошёл, леди Монтгомери возлежала на гамаке, заунывно напевая одну и ту же мелодию, что-то из псалмов. Волосы ниспадали с гамака и раскачивались в такт с кораблём и мелодией, и я невольно засмотрелся и заслушался.

— Долго вы, мистер Картер, будете так стоять? — Алисия даже не повернула головы в мою сторону. Она снова перешла на «мистер», обозначая дистанцию, которая с каждым днём росла всё больше и больше.

— Сколько посчитаю нужным, миледи, — ответил я, нарываясь на грубость. Я был зол и унижен, но вдруг понял, что Алисия тут не при чём. — Простите, миледи. Я бы попросил вас в шесть склянок не появляться наверху.

— И пропустить такое развлечение? — удивилась она.

Я нахмурился и сцепил руки за спиной.

— Иначе я буду вынужден вас убить. Выброшу за борт, — жёстко отчеканил я.

— Это угроза?

— Нет, — ответил я. — Вы мой единственный союзник на этой посудине. Не хотелось бы портить отношения.

Она издала звук, похожий на фырканье, смех и всхлип одновременно.

— Не могу дождаться прибытия в Порт-Ройал, чтобы забыть всё это как страшный сон, — сказала она.

— Надеюсь, этот сон будет с хорошей концовкой, — ответил я, стараясь не замечать лёд в её голосе. — Всего доброго. Я вас предупредил.

Вечером, когда нас с Герардом должны были перегнуть через пушку и выпороть, как сопливых мичманов, на горизонте показался парус. Белый прямоугольник появился с наветренной стороны и стремительно приближался. Капитан на всякий случай приказал раздать всем оружие, если вдруг случится бой. Весь груз надёжно привязали, все огни погасили, все матросы терпеливо ждали.

Корабль шёл с запада, на фоне солнца виднелся только силуэт, и я не мог опознать ни форму корпуса, ни оснастку, ни флаг. Только белый квадрат паруса и явно враждебные

намерения.

Капитан ходил по палубе из угла в угол, кусая ногти. Если это пираты, то лучше сдаться и сохранить жизнь. Если это английский или французский военный, то лучше уносить ноги. Если это голландский купец, то можно поторговать и обменяться новостями. Но из-за солнца определить, чей это корабль, было невозможно, и капитан нервничал, не в силах принять решение.

Настроение капитана, само собой, передалось и матросам, и вскоре вся команда не знала, что предпринять, пока корабль подбирался всё ближе и ближе. Я, прикрывая глаза от солнца, всматривался в тёмный силуэт, летящий над водой. Наш люггер сейчас шёл на север, к берегам Пуэрто-Рико, а корабль приближался по левому борту. Я видел, что если повернуть к востоку, то при должном везении у нас есть все шансы ускользнуть, но капитан, этого, кажется, не замечал. Старый морской волк расхаживал по палубе из угла в угол.

— Как давно он у вас капитаном? — спросил я матроса, стараясь, чтобы Мартенс не услышал моих слов.

— Полгода, — ответил парень, который поставил на меня свои дублоны, и всё встало на свои места.

Иоханн только учился быть капитаном, и попросту не знал, что делать в такой ситуации. Хотя выглядел как настоящий моряк.

— Кем он был раньше? — спросил я.

— Выбивал долги, потерял глаз, купил себе корабль, — ответил матрос.

— Решил под старость лет поиграть в капитана, — вполголоса произнёс я.

— Услышит — прильёт, — предупредил парень.

Я снова взглянул на силуэт корабля.

— Это если нас раньше вот эти молодцы не прибьют.

На стенге корабля поднялся флаг, чёрный то ли от того, что солнце затеняло всё цвета, то ли от того, что в небо взметнулся весёлый Роджер. Громыхнула пушка, приказывая спустить паруса и ложиться в дрейф.

Я вытащил шпагу и пошёл в каюту Алисии. Девушка сидела на бочке, обеими руками сжимая кинжал. В серых глазах я видел твёрдую решимость не сдаваться. Живьём её не получают.

— Прячьтесь, миледи. Судя по всему, это пираты, — произнёс я.

— Вы присоединитесь к ним? — спросила она.

— Не уверен. Некоторые из них хотели бы видеть мою голову на пике. Рядом с Пуэрто-Рико промышлял мой злейший враг. Если это он, то нам обоим не дожить до следующего утра. Хотя, свою «Удачу» я бы узнал.

Корабль качнулся и замедлил ход. Всё-таки Мартенс решил подчиниться.

— Прячьтесь, — вздохнул я.

Алисия замотала головой.

— Это ничего не даст. Я лучше заберу хоть сколько-нибудь разбойников с собой в могилу, — сказала она, и ещё крепче сжала рукоять кинжала, так, что побелели костяшки.

Я вышел, не говоря ни слова. Корабль приблизился на мушкетный выстрел, и я, наконец, узнал его. Это был наш «Мститель», изрядно потрёпанный, но всё ещё грозный. Правый его борт оцетинился пушками, на мачте с ветром играл чёрный флаг, а на палубе, обнажив клинки, стояли абордажники. Я усмехнулся такому повороту судьбы. Меня возьмёт на абордаж собственная команда.

Матросы угрюмо стояли возле мачты, Иоханн, заложив руки за спину, застыл возле фальшборта, словно каменное изваяние. Я встал в дверях каюты, заслонив выход. «Нереида» спустила флаг и терпеливо ждала, качаясь на волнах Антильского моря.

— Сложите оружие! — раздался приказ.

Я проигнорировал, накрывая ладонью рукоять шпаги. Раздался выстрел, рядом с головой просвистела пуля, и я увидел, как в меня целятся из мушкетов. Конечно, ведь меня ещё не узнали.

— Гибсон, подойди поближе и повтори ещё раз! — крикнул я. На «Мстителе» засуетились, и второго выстрела не последовало.

Люггер притянули баграми и кошками, и с барка высадились пираты. Сплошь знакомые лица. Иоханн разглядывал вооружённых до зубов флибустьеров, но те даже не обратили на него внимания. Филипп, в сопровождении старших офицеров, старого Даннета и канонира Фернандо, пошёл прямо ко мне. Остальные пираты согнали пленных матросов к центру палубы и пошли обыскивать корабль.

— Как же произошло, что ты позволил взять себя на абордаж? — спросил француз.

— Я здесь всего лишь пассажир. Капитан вон там, у борта. Если бы тут я командовал, я бы сам вас на абордаж взял, — сказал я и улыбнулся.

Филипп рассмеялся и пожал мне руку.

— Я знал, что от тебя не так просто избавиться! — воскликнул он.

Пираты окружили меня, расспрашивая, как мне удалось выбраться, хлопали по плечу, улыбались и рассказывали о приключениях, а я приветствовал каждого моряка, что сумел выбраться из Ораньестада.

— Я говорил! Я говорил! — ко мне подбежал Джон, распугивая всех горящими безумными глазами и перемежая сбивчивую английскую речь с индейскими словами. — Мертвеца не убить!

— Опять ты за своё? — вздохнул я.

Индеец затараторил что-то на родном языке, но видя, что его не понимают, попытался перевести всё на смесь испанского и английского.

— Муэрте, мертвец! Капитан уже мертвый, его пуля не возьмёт, нож не возьмёт!

Флибустьеры переглянулись между собой, понимая, что сейчас начнётся очередная проповедь полубезумного шамана. Матросы «Нереиды» испуганно смотрели на верзилу, который говорил без умолку.

— Амулет! Мертвого амулет! Тебя раз убили, два убили, три убили, тебя, капитан, уже ничем не убить! На острове всех побили, тебя не побили! — Джон распалялся всё больше и больше.

— Какой, к чёртовой матери, амулет? — спросил я. — Какой, к чёртовой матери, мёртвый? Я жив, дышу, кровь из меня льётся так же как из всех!

Джон вздохнул так, будто ему приходится объяснять очевидное.

— Кровь есть! Смерть нет! Смерть тебя уже взяла, амулет дала, пока не забирает, но ты мёртвый уже.

Я нашарил под рубахой серебряную индейскую птицу и вытащил на свет. Тусклое, потемневшее от пота серебро выглядело как самое обычное украшение. Таких амулетов по Карибам ходит едва ли не больше, чем христианских крестиков.

— Вот! — чуть не закричал Джон. — Смертью помечен!

Пираты зашептались между собой, видимо, решая, что делать дальше.

— Могу подарить, только заткнись уже, — брякнул я.

Индеец побледнел, будто я предложил ему добровольно прыгнуть в жерло вулкана или в пасть к акуле, отшатнулся и замахал руками, перебирая собственные защитные талисманы.

— Так это что, тебя не убить теперь, что ли? — спросил Оливер.

— А если его связать и в воду бросить? — раздался голос из толпы.

Я заскрипел зубами.

— Проверять не будем, — отрезал я. — Кто у вас нынче капитан?

— Меня выбрали, — Филипп чуть вышел из толпы, и только теперь я заметил, что взгляд его стал более жёстким, осанка выпрямилась, а голос приобрёл те самые командные интонации.

— Неплохо, — произнёс я. — Добычу из города поделили уже?

Филипп немного замаялся, чувствуя, что поторопился.

— Мы же думали, что ты мёртв.

Джон снова заголосил на своём наречии, но я жестом оборвал начавшуюся тираду.

— Я вас не виню. У меня своя добыча.

Я приоткрыл дверь каюты и заглянул внутрь.

— Миледи, всё в порядке, можете выходить, — сказал я.

Ответом мне стала тишина. Я посмотрел на пиратов, которые удивлённо переглядывались меж собой и пытались рассмотреть содержимое каюты, и жестом попросил их подождать.

Алисия всё ещё пряталась за бочками, сжимая в руке кинжал.

— Вы меня не получите, мистер Картер, — прошипела она и сделала несколько выпадов кинжалом.

Я легко увернулся от ударов, сделанных дрожащей рукой, и показал свои ладони как знак примирения и дружелюбия.

— Алисия... — начал я.

— Леди Монтгомери! — перебила она.

— Миледи, если вы думаете... — снова попытался сказать я.

— Я думаю, что вы это всё подстроили! Полагаете, я такая наивная дурочка, что поверю в этот маскарад? Вы изначально задумали похитить меня! — сказала она.

Я закашлялся и едва не подавился, пытаясь сдержать смех.

— Что!?! — спросила девушка.

— Я за свою жизнь слышал много всякого. Но такое — впервые. Полагаете, я разграбил город, спас вас от насильника, увёл в джунгли, оставил корабль и команду, нашёл другой, затем подстроил случайную встречу в море, и всё для того, чтобы похитить вас? — всё ещё пытаясь сдержать хохот, произнёс я. — Если бы я хотел вас похитить, то пробрался бы тайком в вашу комнату, стукнул по голове и утащил без лишних хлопот.

Алисия замерла, кусая губы.

— Это не лишено смысла, — наконец-то сказала она.

— Рад, что до вас дошло. Мы уходим. На «Мстителя». Курс на Порт-Ройал. И не бойтесь команды, они на самом деле очень добрые и учтивые люди, — произнёс я и повёл англичанку на палубу, где нас ждали самые отчаянные головорезы со всех концов Карибского архипелага.

«Нереиду» отпустили с миром и пустым трюмом, и голландские матросы задумчиво глядели вслед удаляющимся пиратам. Разумеется, им предложили присоединиться к команде, но никто не захотел или не решился. Пиратский барк, чуть осевший в воде от добычи, переваливался по волнам, неторопливо приближаясь к Ямайке.

Я оказался в странном положении. С одной стороны, я был здесь своим, старым добрым капитаном, которого пришлось бросить среди врагов ради спасения собственных шкур. С другой стороны, моё внезапное появление заставило всех вспомнить о чувстве стыда, и теперь на корабле постоянно витало молчаливое напряжение. Матросы замолкали, едва мне стоило появиться на баке, офицеры, что командовали отступлением, открыто меня избегали, и я стал чужим среди своих. Я по-прежнему оставался капитаном, но также капитаном избрали Филиппа, который с мечом и молитвой грабил суда в окрестных водах, пока не встретил «Нереиду», а вместе с ней и меня.

Парень за это время здорово изменился и возмужал, но старым привычкам не изменил, устраивая католическую мессу почти каждый вечер. Николаса, к моему сожалению, уже не было в живых. Голландец получил саблей по голове во время захвата голландского же города, и умер от лихорадки через пару дней.

После того, как пираты ускользнули от гибели в бухте Ораньестада, они отправились на Невис, в ближайшую английскую колонию, где поделили добычу, пропили её, набрали в команду ещё десяток храбрецов и пошли на охоту, щипать толстобрюхих испанских купцов. Кто-то из старой команды ушёл, кто-то погиб, и теперь половина команды, в основном, новички, считали полноправным капитаном не меня, а Филиппа. Другая половина, в том числе и офицеры, были бы и рады снова выбрать меня капитаном, но просто так сместить француза — не было причин.

Индейцы и негры, по большей части, остались на Невисе, и теперь на корабле их было не больше десятка. Они всё ещё держались обособленно, и Джон-шаман их моментально возглавил, проповедуя свои безумные верования и теории.

Флибустьеры долго думали, что делать с леди Монтгомери. Женщина на корабле — как всем известно, к несчастью, и я слышал даже предложения выбросить её за борт, в подарок Нептуну и морскому дьяволу. Однако, я сразу заявил, что это моя добыча, и не им решать. А распоряжаться чужой добычей — хороший способ для самоубийства.

В итоге Алисии досталась маленькая пассажирская каюта, порция из общего котла и право на полчаса прогулки перед обедом. Это было уже лучше, чем на «Нереиде», и даже если пираты провожали её сальными взглядами, то любые попытки заговорить с ней жёстко пресекались.

Я стоял на корме, наблюдая, как дельфины играют в кильватерной струе, а белая пена переливается в лучах заходящего солнца.

— Никогда не надоедает, верно? — раздался дребезжащий голос старика Даннета.

— Всегда по-разному, — ответил я.

Боцман встал рядом, взялся жилистой рукой за фальшборт и поглядел вдаль.

— Тебя же с нами в Панаме не было? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — До сих пор жалею.

— Морган тогда тоже пожалел, — сказал старик.

Я хмыкнул и посмотрел в выцветшие от морской соли глаза.

— Пожалел, что не всё удалось унести?

— Что душу там оставил, — проскрипел Даннет.

— К чему это ты?

— Генри Морган увёз оттуда больше золота, чем ты видел за всю жизнь.

Я кивнул.

— Только вот к Панаме он шёл с верными друзьями и командой. Обрато он уже шёл одиноким разбитым стариком. Хотя и с победой. Не повторяй его ошибок, парень. Не давай страстям затуманить твою голову, это тебя погубит, — произнёс боцман.

— Давай без проповедей, Пит. Всё равно в итоге Морган стал вице-губернатором и самым богатым человеком Вест-Индии.

— Да при чём тут Морган, болван!?! — прорычал старик.

Я пожал плечами и отвернулся.

Старый боцман набрал воздуха, чтобы сказать ещё что-то, но вдруг тяжело вздохнул, махнул рукой и пошёл к шканцам, постукивая тростью по доскам. Я постоял ещё немного, посмотрел, как дельфины спешно ретируются от приплывшей акулы, и пошёл в капитанскую каюту.

Каюту Филипп уступил мне, а сам переселился обратно в кают-компанию, к остальным офицерам. И теперь вестовой разрывался между двумя капитанами, не зная, на чей зов бежать первым.

Я запер дверь, упал на узкую койку и забылся тяжёлым сном без сновидений.

Следующее утро выдалось пасмурным и дождливым. Я проснулся на рассвете, побрился, вышел на палубу и лично встал за штурвал, отпустив вахтенного матроса. Дождь, как ни странно, оказался холодным, и живо напоминал о тех временах, когда приходилось прятаться от вечной лондонской сырости на чердаках и в подвалах. Я стоял, глядя в туманную даль, где за пеленой дождя прятались вечнозелёные ямайские горы, и думал о том, как бы поизящнее доставить леди Монтгомери в губернаторскую резиденцию. С её нынешним видом нас выставят за порог, не дожидаясь объяснений.

Хлопнула дверь кают-компаний, и на палубу вышел Филипп. Он увидел меня, улыбнулся, поднялся на шканцы и встал рядом.

— Доброе утро, капитан, — сказал он.

— Доброе утро, — ответил я. — Капитан.

Француз улыбнулся снова.

— В самом деле, странная вышла ситуация, — Филипп подошёл к компасу и взглянул на стрелку. — Ты изменил курс?

— Чуть исправил. Чтоб быстрее идти, — ответил я.

— Да, мне ещё многому стоит научиться, — сказал он, и на мгновение я увидел в нём того самого мальчишку, с которым сбежал с Доминики. На виске у него красовался шрам от моего пистолета, первый в его карьере пирата, но далеко не последний.

— Учись, пока я жив, — сказал я. — Вот эта хреновина, за которую я держусь, называется штурвал. А вон та, рядом с которой ты стоишь — это компас.

— Спасибо за науку, — хмыкнул Филипп.

— Со временем поймёшь, ты же моряк, — сказал я.

«Мститель» прорезал туманную дымку бушпритом, словно молочную пену, и перекачивался на белых бурунах, ловя каждый порыв ветра парусами. Барк, несмотря на

внешнюю неуклюжесть, всё-таки был хорошим кораблём.

— Эд, я хотел попросить тебя кое о чём, — начал француз, но я его резко оборвал.

— Если ты хочешь, чтобы я сошёл в Порт-Ройале, то только если мы купим или захватим мне новый корабль.

— Нет, оставайся, сколько пожелаешь, — сказал он. — Девушка, которая с тобой...

— Нет, — отрезал я.

— Она страдает. Я молюсь за её душу, но ей необходимо меньше сидеть в каюте и больше общаться с людьми. Если ты не заметил, то матросы работают усерднее, стоит ей только показаться на палубе.

— Красуются перед ней?

— Да, но я не вижу в этом ничего плохого, — сказал Филипп. — Знал бы ты, какие предположения они строят на её счёт. Некоторые даже считают её твоей потерянной дочерью, которую ты спас в Ораньестаде.

— Только если бы я зачал её лет в двенадцать. Она всего лишь английский дипломат, которую я взялся доставить на Ямайку. Ничего больше, — ответил я.

— Дипломат?

— Не спрашивай, я и сам не понимаю, как она там оказалась.

Филипп задумчиво почесал подбородок.

— А потом что будем делать? — спросил он.

— Ты вроде капитан, — сказал я, поворачивая штурвал на один румб вправо.

Капитан хмыкнул, записал изменение курса и снова повернулся ко мне.

— Да брось ты. Я и не хотел, пришлось. Не скомандуй я отступление, то давно бы уже рыб кормили. Кто-то же должен был.

— Правильно сделал. Из таких лучшие капитаны и получают, — сказал я.

Такого капитана, как Филипп Пуассон, точно не стали бы живьём закапывать в песок, подумалось мне.

— Merci, — ответил он. — Наверное, сделаем так. Вместе отобьём твою «Удачу» у Мура, а там видно будет. Готов признать тебя адмиралом, если команда не против.

Я скупно улыбнулся, хотя внутри был готов скакать от радости. Какая-то часть меня всё ещё опасалась предательства, что Филипп высадит меня на Ямайке и уплывёт в закат, но разумом я понимал, что набожный и честный француз так не поступит. Даже если он стал пиратом.

Впереди показались знакомые каждому флибустьеру рифы Порт-Ройала. Солнце стояло в зените, и на смену утренней прохладе пришла влажная тропическая жара, от которой было трудно дышать.

Завидев на горизонте крыши, пираты воодушевились, а я, наоборот, немного расстроился. С каждым ярдом пираты приближались к выпивке и женщинам, а я приближался к расставанию с леди Монтгомери, которая сейчас стояла на баке, глядя на город. Я понимал, что у нас с ней ничего не получится, всё-таки, она — благородная леди, а я — головорез, пират и разбойник. От этого становилось тошно.

Я подошёл к ней и молча встал рядом, не смея заговорить.

— Спасибо вам, Эдвард, — тихо произнесла она, не отрывая взгляда от красных черепичных крыш.

Я промолчал, не зная, что ответить.

— Я буду помнить вас всю жизнь, — сказала она, повернулась и крепко обняла меня на глазах у всей команды.

Я застыл в оцепенении, словно встретился взглядом с Медузой Горгоной. Алисия, опомнившись, густо покраснела и убежала к себе в каюту, а я так и остался стоять, всё ещё ощущая прикосновение её рук. Сердце гулко стучало в ушах, и я не мог поверить, что это всё было в реальности.

Матросы радостно скалились и вполголоса обсуждали эту сцену, а я внезапно почувствовал себя самым одиноким человеком на свете. Я повернулся к команде, прорычал что-то невнятное, чтобы они заткнулись, и пошёл к пассажирской каюте, объяснить с Алисией, но у самой двери остановился и не смог заставить себя постучать.

Я стоял у двери, а мою душу грызли сомнение и страх. Я горько рассмеялся, понимая, что боюсь всего лишь постучать в дверь, хотя не боялся первым вступить в бой или выйти в море в самый жуткий шторм. Я грохнул кулаком по переборке, развернулся и широким быстрым шагом пошёл в капитанскую каюту.

— Капитан-то, кажись, втюрился, — услышал я обеспокоенный шёпот, но мне было плевать.

Я сел за стол, порылся в ящике, достал из тайничка бутылку шотландского виски, которую хранил для особых случаев, и жадно присосался к ней. Ячменный спирт обжёг горло, но я продолжил пить благородный напиток как простой дешёвый самогон.

— Дьявол! — рявкнул я, грохнул полупустой бутылкой об стол и откинулся в кресле.

Открытый тайник, ящик стола с двойным дном, то ли не найденный Филиппом, то ли попросту не тронутый, привлёк моё внимание. Тайные английские документы так и лежали, дожидаясь своего часа. Я взял пакет, покрутил в руках и поднёс к свечке. Внезапно в голову пришла другая идея. Если я отдам эти документы Мэдифорду, губернатору Ямайки, возможно, меня наградят. А присутствие леди Монтгомери защитит меня от совершенно логичной попытки схватить меня как испанского шпиона и повесить в назидание остальным.

Конечно, эти секреты делали меня опасным для всех губернаторов английской Вест-Индии. С другой стороны, они же делали меня полезным. Я рассмеялся, переоделся в богатое дворянское платье — расшитый камзол, шёлковые чулки, кожаные ботфорты, шляпа с пером; сунул документы за пазуху, и вышел на палубу, хищно улыбаясь от предвкушения будущих сражений во славу английской короны, которые могли сделать меня благородным сэром Эдвардом Картером.

«Мститель» подходил к гавани, и на берегу, как обычно, уже собралась небольшая толпа. Праздные гуляки махали нам руками, юные барышни смущённо отводили взор, когда на ванты взбирался один или другой полуголый матрос, рабы и докеры равнодушно смотрели. Торговцы подплывали к борту на своих утлых лодчонках, наперебой предлагая своё барахло, которое через две улицы от порта можно было купить в три раза дешевле.

Барк пришвартовали быстро и сноровисто, спустили трап, и мы, наконец-то, сошли на твёрдую землю. Моряки разбежались, как тараканы из-за печки, в поисках выпивки, Филипп отправился за припасами, а я оказался предоставлен самому себе.

Леди Монтгомери стояла на трапе, растерянно озираясь по сторонам. На этот раз встречать её с корабля никто не вышел. Я посмотрел на неё, улыбнулся, и вызвал кэб.

— Прощу вас, — произнёс я, открывая дверь кареты.

— Хороший приз взяли, капитан? — прощамкал беззубый кучер, рассчитывая на

вознаграждение.

— В резиденцию губернатора. И не вздумай катать нас по городу, я знаю, где она находится, — ответил я, бросая ему дублон.

— Понял, сэр, — вздохнул кучер.

Алисия забралась внутрь, придерживая юбки, я сел напротив, захлопнул дверь, и мы поехали в старый город, к поместью Мэдифорда.

Кучер, видимо, привыкший возить высокопоставленных гостей города, принялся рассказывать о немногочисленных достопримечательностях.

— Вот здесь, на углу, самый лучший в городе питейный дом, — произнёс он, наверняка получая плату за то, что рассказывал об этом всем пассажирам.

— Враньё, — ответил я.

Алисия недоуменно посмотрела на меня.

— Разбавляют до неприличия, — объяснил я, а кучер в ответ только неопределённо хмыкнул.

Мы ехали в приятной тени, скрытые от тропической жары, а за окном неторопливо проносились дома, кабаки, бордели и торговые лавки. Леди Монтгомери старательно делала вид, будто её это не интересует, но я всё-таки заметил, как она изредка посматривает в окно. Особенно, когда извозчик объявлял об очередной достопримечательности.

— Вон там, на холме, дом сэра Генри Моргана, — с неподдельной гордостью сказал кучер.

— И чем же он так знаменит? — спросил я, не скрывая сарказма.

— Панамой, Маракайбо и Портобелло! Он — самый известный капер в этих водах, самый богатый и благородный! — с раздражением ответил кучер.

Я фыркнул, втайне завидуя старому адмиралу.

— Приехали, — сказал извозчик.

— Благодарю за экскурсию, — сказал я, дал ему ещё несколько песо, и подал руку леди Монтгомери.

К моему удивлению, руку она взяла, но, спустившись со ступеньки кэба, отпустила.

Перед нами возвышался трёхэтажный особняк генерал-губернатора британских колоний, и в каждой колонне, в каждом мраморном листочке виноградной лозы на фасаде, в каждом узоре чувствовались богатство, роскошь и сила.

В приёмной нас встретил секретарь в накрахмаленном парике. При виде Алисии в простом платье, взятом с чужого плеча, из запасов награбленного, он хмуро сдвинул брови.

— Чем могу служить вам, сэр? — видимо, он принял меня за благородного, а леди Монтгомери за простую спутницу, что выводят в свет для поддержания статуса.

— Я — капитан Эдвард Картер, а это — леди Алисия Монтгомери, — произнёс я.

Секретарь взглянул на неё, и неторопливо поклонился. С парика посыпалась белая пыль.

— Нам необходимо встретиться с генерал-губернатором, — сказала Алисия.

— Я могу записать вас, — сказал он, подошёл к столу и раскрыл толстую бухгалтерскую книгу. — Ближайшее время — через два с половиной месяца. Вам желательно до обеда или после?

— Нам желательно сейчас, — рыкнул я, но никакого результата это не принесло. Секретарь давно привык к разъярённым посетителям, и мы оба знали, что ни угрозы, ни побои результата не принесут.

— Боюсь, это невозможно, — улыбнулся он.

Порой секретари могут быть не менее влиятельными, чем их начальники.

— Сколько? — спросил я.

— За кого вы меня принимаете? — хитро улыбаясь, спросил он.

— За очередную продажную крысу на хлебном месте, — произнесла Алисия, и её слова повисли в наступившей тишине.

— Я могу позвать солдат, чтобы вас выкинули отсюда.

— Миледи, не стоит накалять ситуацию, — сказал я.

— Действительно, миледи, послушайте капитана, — мило улыбувшись, произнёс секретарь.

— Мой отец... — начала девушка, но секретарь её грубо оборвал.

— Ваш отец в Лондоне, и вряд ли приедет сюда, — сказал он. — Даже если вы в самом деле из семьи лорда Монтгомери.

— Сколько? — повторил я.

Он с видом победителя тряхнул белым париком, на мгновение напомнив мне гордого петуха в курятнике, обмакнул перо в чернильницу, и на полях бухгалтерской книги вывел сумму. Сначала для меня, а затем и для неё.

Мне захотелось его придушить.

— Это дело государственной важности, — вздохнул я.

— Я выполняю дипломатическую миссию! — воскликнула Алисия.

Секретарь пожал плечами.

— Где же ваши бумаги? С гербовой печатью и подписью короля, разумеется.

Судя по всему, теперь придушить его захотела Алисия. К несчастью, солдаты стояли прямо за дверью.

— Имейте совесть! — воскликнула она.

— И это говорит мне та, что пришла в этот дом с пиратом, — хмыкнул секретарь.

— Да у этого пирата благородства больше, чем у вас!

Я удивился, но виду не подал.

Секретарь пожал плечами и стукнул пальцем по своей книге.

— Вас до обеда или после обеда записать? — спросил он.

— Джеральд! — раздался голос за дверью в кабинет губернатора.

— Одну минуту, — произнёс секретарь и поспешил на зов господина.

Я заглянул в книгу, проверить записи. Последняя оказалась на завтрашний вечер.

— Вот пройдоха, — вполголоса сказал я.

Обычный трюк, с помощью которого секретарь зарабатывал себе лишнюю монетку, так многие делают. Но в этот раз он перешёл все границы.

Я шумно вздохнул, поправил камзол, и одним резким движением распахнул дверь кабинета. Скучающие солдаты моментально оживились, хватаясь за оружие и преграждая мне путь, но я не пытался войти, я просто стоял на месте, держа дверь.

В кабинете сэр Томас Мэдифорд давал несомненно важные указания своему секретарю. Джеральд стоял, вытянувшись во фрунт, и постоянно кивал, осыпая ковёр хлопьями с парика, а сэр Мэдифорд расхаживал по комнате из угла в угол, заложив руки за спину.

Завидев меня, губернатор остановился.

— Вы что себе позволяете!?! — спросил он. — Вывести его.

Солдаты переглянулись и направили на меня штыки, наивно полагая, что я выйду сам.

— А что себе позволяет ваш секретарь? Он требует почти сотню песо всего лишь за встречу с вами! — крикнула Алисия. — Между прочим, у меня важная дипломатическая миссия!

— Пойдите-ка! — приказал Мэдифорд. — Кажется, я вас где-то видел. Пройдите сюда. Оба.

Солдаты снова переглянулись и убрали оружие. Я, стряхнув несуществующую пыль с камзола, широким уверенным шагом прошёл в кабинет. Алисия вошла грациозно, и в каждом движении сквозил многолетний опыт светских приёмов.

— Леди Алисия Монтгомери, — представилась она и присела в реверансе.

— Капитан Эдвард Картер, — я приподнял шляпу и слегка поклонился.

Секретарь смотрел на нас озлобленным волком, но возражать губернатору не смел, всё ещё стоя как индейский тотемный столб.

Я осмотрелся по сторонам, как всегда, удивляясь великолепию этого места. Массивный дубовый стол, покрытый зелёным сукном, стоял в центре комнаты, словно алтарь бога бюрократии, за ним стояло изящное кресло со львами на подлокотниках, для губернатора, перед столом — несколько неудобных стульев для посетителей, вдоль стен были расположены шкафы и книжные полки, забитые всякой всячиной со всех концов света. Под потолком висела люстра на полсотни свечей, а на стенах изгибались серебряные канделябры. Широкие окна сейчас были задрапированы тяжёлыми шторами, спасая губернатора от жары, а выход на балкон, наоборот, открывал вид на горы и море, и утопал в зелени.

— Что привело вас ко мне сегодня? — спросил губернатор.

На этот раз переглянулись мы с Алисией.

— Дело государственной важности, разумеется, — ответил я.

Сэр Томас Мэдифорд на мгновение задумался, а затем приказал всем выйти. Секретарь, гневно раздувая ноздри, почти выбежал из кабинета. Солдаты у дверей приняли истинно солдатский вид, напоминая сейчас деревянных болванов.

— Им можно доверять? — спросила Алисия, имея в виду охранников.

— Доверяю им, как себе, — произнёс губернатор.

Я хмыкнул и сунул руку за отворот камзола, наблюдая, как благодушное выражение лица Мэдифорда сменяется напряжённым подозрительным видом.

— Среди ваших приближённых есть тот, кому доверять не следовало бы, — сказал я, извлекая на свет документы. — Это я обнаружил на испанском люггере неподалёку от берегов Ямайки.

Губернатор неторопливо осмотрел содержимое пакета, особое внимание уделяя печатям, почерку и мелким деталям. За это время он несколько раз изменился в лице, начиная от равнодушной иронии и заканчивая слепой яростью.

— Где-где обнаружили? — переспросил он.

— Люггер «Сан-Фелипе», под флагом Испании. К несчастью, капитан застрелился и не успел сообщить мне, где он нашёл их. А судовой журнал успел сжечь.

Сэр Томас Мэдифорд почесал выбритый подбородок.

— Любопытно, — произнёс он. — Очень любопытно. В другой раз я счёл бы это провокацией, но почерк в документах мне хорошо знаком. Похоже, я пригрел змею на собственной груди. Возможно, мне даже потребуется помощь.

Я пожал плечами и посмотрел на леди Монтгомери.

— Сэр, я, как честный англичанин, выполнил свою миссию, вернул документы их хозяину. А интриги и заговоры — это не моё.

— Очень жаль, капитан, — произнёс губернатор, на самом деле ничуть не жалея. — Надёжных людей очень не хватает.

— Соглашайся, — шепнула мне Алисия.

Я на секунду задумался. Работа грязнее, чем на правительство, может быть только на пиратских главарей. С другой стороны, эта работа может возвысить за считанные месяцы.

— Так чем же я могу вам помочь, сэр? Я — всего лишь капитан корабля, скромный торговец.

Мэдифорд рассмеялся, словно услышал хорошую шутку. Я улыбнулся тоже.

— Клянись, что наш разговор не покинет пределов этого кабинета.

Я положил руку на сердце и поклялся. Алисия тоже.

— Вы ведь читали эти документы, Эдвард? — спросил он. — Конечно читали. Два слова — Золотой флот. А какой пират не мечтает его захватить?

— Пираты сплошь убийцы и преступники, сэр. Англия вешает пиратов, — произнёс я с каменным лицом.

Губернатор рассмеялся снова, прошёл за стол и развалился в кресле.

— Сэр Фрэнсис Дрейк, Томас Кэвендиш, адмирал Морган, в конце концов. Англия возвышает пиратов, если они служат на благо короне.

— Если пираты не нарушают перемирия, — произнесла леди Монтгомери.

— На самом деле это неважно. Если бы вы были старше, вы бы поняли, — ответил губернатор. — Я собираю эскадру, разумеется, тайно. Золотой флот выйдет из Гаваны в конце октября. Каждый капитан получит по пять процентов добычи, я получаю половину за организацию. Отказаться после того, как слышали это, вы не можете. Готовьте своих людей, капитан.

— Хорошо, сэр. Теперь, что насчёт леди Монтгомери? — спросил я.

Алисия едва заметно кивнула.

— Вернётся в Лондон с ближайшим кораблём, — отрезал сэр Мэдифорд. — Передавайте от меня привет вашему отцу.

— У меня задание, сэр, я не могу вернуться, — возразила Алисия.

— Тогда почему вы здесь?

Девушка явно смутилась, нервно сжимая краешек платья.

— Потому что я совершенно случайно захватил город, в котором она находилась, — выпалил я.

Губернатор вопросительно поднял бровь.

— Ораньестада.

— И как добыча? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Вроде бы неплохо. Не Панама, конечно.

— И в чём заключалась ваша миссия, миледи? — сэр Томас Мэдифорд повернулся к ней. — Почему я не в курсе?

— Меня отправила тайная канцелярия, конечно, вы не должны были знать. Я должна была склонить губернатора к сотрудничеству с британцами. Не вышло.

Мэдифорд сцепил руки в замок и опёрся локтями на стол.

— Тогда зачем вы нужны в Вест-Индии? Возвращайтесь в Лондон, к семье. Тем более,

приличной леди не пристало дружить с моряками или выполнять тайные поручения.

— Сэр, у меня ещё остались незаконченные дела, — пожала плечами она.

— Не стану настаивать. В общем, в ближайшее время с вами свяжутся и передадут новые указания. Пока вы вольны делать что вздумается, в рамках закона, конечно же. Прощайте, — губернатор кивнул и изящным жестом приказал нам уходить.

Я приподнял шляпу, Алисия снова сделала реверанс, и мы спешно ретировались. Секретарь проводил нас угрюмым взглядом, а я поклонился ему на прощание.

Мы вышли на улицу. Тропическая жара сменилась крупным ливнем, и мы остановились на крыльце губернаторской резиденции, прячась от дождя.

— Почему вы не захотели покинуть Вест-Индию, миледи? — спросил я.

— Ну, — замялась она сначала, но потом хитро улыбнулась. — Кто-то же должен будет рассказать королю о захвате испанского Золотого флота.

Следующие несколько дней команда «Мстителя» провела в Порт-Ройале, пропивая добычу, обогащая местных торговцев и шлюх, устраивая пьяные драки и потасовки в тавернах. Я же наоборот, большую часть времени проводил на корабле, в капитанской каюте, тщательно планируя будущую операцию. Разумеется, командовать Мэдифорд назначит кого-нибудь из своих капитанов, но подумать над ситуацией было необходимо.

Испанцы повезут индейское золото в Старый Свет, ко двору короля. Как и делали это прежде, и будут делать впредь. Самый охраняемый караван во всём мире, и мы намерены его захватить.

Галеоны с сокровищами пойдут из Гаваны на восток вдоль побережья Кубы, затем мимо Эспаньолы и Пуэрто-Рико. Там они повернут на норд-ост, навстречу пассатам. Плыть в Европу всегда тяжелее, чем в Вест-Индию.

Самым удобным местом, чтоб перехватить Золотой флот, будет треугольник между Тортугой, Терксом и Пуэрто-Рико. Там мы, скорее всего, и будем ждать нашу добычу. Я часами сидел над картой, изучая все возможные маршруты, и пришёл к выводу, что лучше всего курсировать между этими тремя точками, чтоб не упустить испанцев.

В голове появлялись шальные мыслишки взять на абордаж один-два галеона и попытаться смыться с награбленным, но после этого предательства Мэдифорд назначит за меня такую награду, что каждая живая душа на архипелаге откроет на меня охоту.

Я размышлял, сидя над картами, как дверь в каюту вдруг приоткрылась.

— Капитан! — вестовой тихо, но настойчиво позвал меня. — Тут на палубу эта ваша леди пытается вломиться. Требуется впустить.

— Не пускай, — сказал я. — Сам выйду.

Я сложил карты, пригладил волосы и вышел из каюты. На трапе стояла Алисия в дорожном платье, рядом с ней на корточках сидел негр, что нёс багаж.

— Да пустите же меня, Бога ради! — воскликнула она, сложив руки на груди и явно не собираясь уходить.

Я прошёл по шканцам к борту и уселся на зачехлённую пушку.

— Собрались на увеселительную прогулку, миледи? — спросил я.

— Мистер Картер, прикажите им впустить меня!

Пираты стояли с мушкетами в руках, преградив ей путь, и смеялись над её тщетными попытками пробраться на борт.

— Мы не берём пассажиров, миледи! Для пассажиров на корабле слишком воняет, — словно в подтверждение слов, я взялся за просмолённый брас и посмотрел на чёрный след, оставшийся на ладони.

Алисия сморщила носик.

— Я, кажется, привыкла за последние недели, — вздохнула она.

— Думаю, к этому запаху нельзя привыкнуть так быстро, — сказал я.

Канаты на кораблях смолили для защиты от воды. Бывало, что приходилось смолить даже остатками свиного сала, и каждый, даже самый малый линёк вонял так, словно побывал в выгребной яме.

Матросы на баке, услышав мои слова, рассмеялись, и до меня донеслись обрывки их шуточек вперемешку с бранью. Как обычно, про дерьмо, тухлятину и дьявола. Большинство

матросов не отличались фантазией.

— Миледи, зачем вы здесь? — спросил я.

Она вздохнула так, будто я сморозил вселенскую глупость.

— Что за вздор!? Я принесла вам приказы губернатора!

Я подошёл к трапу, протиснулся между матросами и требовательно протянул руку.

Алисия посмотрела мне в глаза и пожала плечами.

— Что? — спросила она.

— Приказы.

— Вы думаете, такие приказы передают на бумаге?

Я хмыкнул, приказал вахтенным разойтись и жестом позвал девушку за собой. Каюта встретила нас творческим беспорядком.

— И какие же у губернатора приказания? Флот пойдёт только осенью.

Алисия присела на трёхногий табурет у двери и застенчивым жестом разгладила складки на платье.

— Флот пойдёт осенью, а испанцы рыщут вокруг острова уже сейчас, — начала она.

— Мэдифорд приказывает мне заняться разбоем? — перебил я. — Может, и часть добычи потребует? Помимо обычной доли портовых сборов.

— Об этом его высокопревосходительство ничего не сказал. Он просто не хочет, чтобы вы и ваша команда оставались в городе до осени.

Я рассмеялся, откинувшись в кресле.

— Его высокопревосходительство хочет, чтобы мы убирались ко всем чертям. Мы и не против, сейчас самое время сходить за добычей. Только скажите, почему вы пошли на корабль с багажом и в дорожном платье? Пиратское судно — не лучшее место для женщины.

Леди Монтгомери залилась краской и нервно сжала ткань своего платья. Для дипломата она подавала слишком явные знаки раздражения и смущения.

— Я не хочу здесь больше оставаться, мистер Картер. На Ямайке, я имею в виду. Мой дядя... — девушка тихо всхлипнула, — Мои родственники хотят отправить меня в Европу и насильно выдать замуж за какого-то виконта.

Я побарабанил пальцами по столу. У богатых свои причуды, конечно, но дворяне с их династическими браками напоминали мне о псарне, где выводят породистых щенков. К тому же, они не уважали ни свою, ни чужую свободу, и это меня выводило из себя.

— И вы выпросили у Мэдифорда приказы для меня? — спросил я.

Алисия захлопала ресницами и кивнула.

— Ловко придумано. И ведь я даже не смогу вам отказать, если не хочу потерять место в эскадре. Дьявольски ловкий ход! — рассмеялся я. — Можете передать своему негру, чтобы притащил вещи в вашу каюту. У правого борта.

— Спасибо, капитан, — обезоруживающе улыбнулась она.

— К вашим услугам, миледи.

Мы вышли на палубу, навстречу палящим лучам тропического солнца. Полуголые и загорелые до черноты пираты, не переставая заниматься своими делами, уставились на нас, выжидая моего решения.

— Передайте всем, на закате идём за добычей! — громогласно произнёс я.

Флибустьеры, уставшие от сухопутной жизни, разразились приветственными криками. К нам подошёл Филипп, легко поклонился перед Алисией и жестом отозвал меня в сторону. Мы отошли к бизань-мачте.

— Эд, она что, опять идёт с нами? — вздохнул он.

— Да, да, баба на корабле. У неё приказы от Мэдифорда, и если мы хотим осенью добыть кучу золота, придётся потерпеть её общество. Можно сказать, она меня вынудила.

— Непохоже, что тебе придётся «терпеть», — засмеялся француз.

— Осторожнее на галсах, моряк, — произнёс я. — Лучше собирай команду, скоро отчаливаем.

Филипп с некоторой ленцой кивнул, поправил шляпу и отправился в город, собирать по кабакам и борделям всех тех, кто ещё не успел пропить свою долю добычи. Я же пошёл проверять запасы перед выходом в море.

За несколько минут до того, как солнце коснулось далёкого берега материка, чтоб скрыться в дремучих лесах Юкатана, наш «Мститель» поднял паруса и поспешил уйти из гостеприимной бухты Порт-Рояля. Я лично встал за штурвал, чтобы пройти самые сложные места, не напоровшись на рифы или песчаные банки. Старик-боцман рычал на марсовых, недостаточно быстро управляющихся с парусами, не стесняясь подгонять их тростью. Матросы, как обычно это бывает, когда несколько парней берутся за один канат, запели шанти, на этот раз про хорошеньких леди из Портсмута.

На секунду мне стало неуютно от того, что леди Монтгомери слышит эту похабщину, но потом я понял, что она знала, на что шла. И принялся подпевать.

Заходящее солнце окрасило море в пурпурный, и мы повернули бакштаг, на юго-восток, к Маракайбо и Каракасу. Лёгкий свежий ветер гнал нас за добычей, и я надеялся взять хороший приз.

Через несколько дней, чуть севернее Аруббы и Кюрасао, один из марсовых увидел на горизонте по левому борту ряд парусов. Караван шёл в сторону материка, и, судя по состоянию такелажа и низкой осадке, шёл напрямик из Европы. Я приказал поднять испанский флаг и подготовить корабль к бою.

Я поднялся на бак и достал подзорную трубу. Два галеона, тяжело переваливаясь на волнах, шли на расстоянии кабельтова друг от друга. На грот-мачтах у них развевалось красно-золотое знамя Его Католического Величества Карла II, но более всего испанское происхождение кораблей выдавала их форма и оснастка. Так строят только в Кадисе.

Нас тоже заметили. Я позвал Фернандо, нашего канонира, и приказал ему следить за сигналами с галеонов. Старый кастилец, хоть и был пьяницей, испанские сигналы знал на отлично.

Внизу, на пушечной палубе, кипела работа. Все пушки готовились для первого залпа, флибустьеры отмеряли точное количество пороха, выбирали лучшие ядра и раздували запальники. Все остальные огни были погашены, переборки сняты, а грузы надёжно закреплены.

Я приказал всем быть готовыми, на что корсары ответили дружным смехом, поднялся обратно на палубу и взял курс наперерез испанцам.

Галеоны даже не почесались, видимо, принимая нас за испанский патруль, и продолжали идти прежним курсом. Я хищно улыбнулся, предвкушая добычу. Мы приблизились на прямой пушечный выстрел.

— Роджера на мачту, открыть порты! Фернандо, сигнал им лечь в дрейф! — заорал я, держась одной рукой за ванты.

Красно-жёлтая испанская тряпка сменилась угрожающим чёрным флагом, пушки по

левому борту выдвинули, показывая, что один залп может отправить их галеон на дно. Первый галеон, что был под прицелом, попытался обрасопить паруса и повернуть бакштаг, чтобы трусливо удрать. Второй галеон, завидев чёрное знамя, повернул к югу, но на него было плевать.

— Дайте ему в нос, ребята! — крикнул я, шпагой указывая на первый галеон.

Громыкнули пушки, палубу заволокло серым дымом, но сквозь него я увидел, как разлетается в щепки баковая надстройка галеона. Капитан-испанец понял, что шансов у него мало, и всё-таки приказал зарифить паруса. У него хватило благоразумия, чтобы не начать отстреливаться, поэтому я решил, что его можно оставить в живых.

Флаг на грот-мачте галеона медленно пополз вниз, корабль остановился, качаясь на волнах Антильского моря. Призовая команда уже собралась на палубе «Мстителя» и я встал у борта, чтобы первым шагнуть на захваченное судно.

«Мститель» под управлением Филиппа встал на расстоянии прямого пушечного выстрела, спустил шлюпку, и мы, наконец, забрались на испанский корабль. На палубе нас встретил хмурый капитан и несколько десятков матросов. Испанский капитан стоял прямо, и рассматривал взбирающихся на палубу головорезов с нескрываемым презрением.

— Добрый день, сеньор, — произнёс я.

— Он был добрым до вашего появления, сеньор, — ответил капитан, снял свою шпагу и отдал мне.

— Это благоразумно с вашей стороны, — сказал я, принимая капитуляцию. Теперь можно было не опасаться.

Я огляделся по сторонам. Галеон был изрядно потрёпан после долгого пути из Старого Света, и попросту не мог ничего нам сделать.

— Как вас зовут, сеньор? — спросил я.

— Дон Алфонсо Карлос Игнасио Диаш, — представился капитан, ожидая от меня того же самого.

— Португалец на службе испанского короля? — хмыкнул я, направляясь вдоль борта к разрушенному баку.

— Португалец я только наполовину, — вспыхнул капитан.

— Кого это вообще волнует? — пожал я плечами. — Открывайте трюм.

— А ваше имя я могу узнать, сеньор? — надменно произнёс дон Алфонсо, не двигаясь с места.

Я обмахнулся шляпой и поглядел на пиратов, стоящих позади меня.

— Вы, наверное, недавно на архипелаге? Хотя слухи должны были дойти и до Старого Света. Меня зовут Эдвард Картер, — ответил я, приближаясь к грузовому люку.

Капитан Диаш никак не отреагировал на моё имя, и это уязвило мою профессиональную гордость. Испанские матросы зашептались, видимо, слышали обо мне.

— Открывайте, — приказал я.

Испанцы беспрекословно откинули тяжёлую крышку, а капитан Диаш скривился и отвернулся, глядя вслед уходящему галеону. Я первым спустился в трюм, следом за мной шли корсары с фонарями и факелами в руках.

Трюм оказался заставлен многочисленными бочками, и я улыбнулся, предвкушая галлоны вина, которое можно выгодно продать на Ямайке или Эспаньоле. Галеон, полный европейского вина, был желанной добычей для любого пирата.

— Похоже, нам повезло, парни, — сказал я.

— Надеюсь, неразбавленное, — хохотнул Купер, выламывая крышку одной из бочек.

Вопреки всем ожиданиям, ни плеска, ни запаха не появилось. Купер склонился над открытой бочкой, подсвечивая себе факелом.

— Дьявол... Здесь порох... — одними губами прошептал матрос, и все застыли, как вкопанные.

— Наверх, все наверх, живо, — произнёс я. — Купер, не двигайся. Убери факел.

Пираты мелкими осторожными шагами попятились к лестнице, а Купер, мелко дрожа, всё так же стоял у бочки, парализованный ужасом. У меня пересохло во рту от страха, но я подошёл к нему и аккуратно схватил за воротник, пытаясь оттащить.

Как назло, факел затрещал и стал чадить, разбрасывая искры. От него отвалился кусок горячей тряпки, и словно лист, подхваченный ветром, поплыл вниз. Ужасающе медленно, слишком медленно. Мы стояли прямо у бочки, как две статуи, обращённые в камень взглядом Медузы.

Сначала было шипение. Затем вспышка. В конце грянул гром, после которого наступила тишина.

Шум прибоя убаюкивал и успокаивал. В воздухе висел запах морской соли, в лицо дул свежий ветер, а где-то за спиной пели птицы, будто пытаясь поднять мне настроение весёлым щебетом. Глаза никак не получалось разлепить. Не было ни боли, ни страха, только абсолютное спокойствие.

Где-то далеко, на грани сознания, я слышал странный шум, но старался не обращать на него внимания. Когда ещё удастся побыть наедине с собой, просто подставив лицо ветру? Я попробовал пошевелиться, но не сумел. Ноги и руки не слушались, но мне и не нужно было куда-то идти.

А затем прибой ударил меня в лицо.

Я разлепил веки, с ужасом понимая, что вновь закопан на пляже, обречённый на смерть, и теперь путей к спасению уже не будет. Волна снова прокатилась по моей голове, и я судорожно хватал воздух, будто пытаясь надышаться перед смертью. Прямо перед моим лицом я видел свой бриг, мою вожденную «Удачу», окутанную золотым сиянием в лучах уходящего солнца. Силуэт корабля изменился, исчез, и передо мной возникло лицо Алисии, всё так же в золотом сиянии. Голоса, что звучали вокруг неясным хорovým пением, с упорством носорога пытались привлечь моё внимание.

— Ты что, ангел? — попытался произнести я, чувствуя, как на меня многотонным грузом рушатся усталость, боль и апатия. Из глотки вырвалось только тихое сипение.

— Живой, живой всё-таки! — услышал я чей-то голос, и последующий за ним дружный вздох облегчения.

— Я же говорил, что он не умрёт, — произнёс другой голос. — Он уже давно мёртв, духи не дадут второй раз умереть. Он и сам — дух.

— Джон, что ты такое говоришь? — спросил женский голос.

— Я много раз объяснять. Дух — мертвец. Капитана не убить, пока дух не успокоится.

Голоса возбуждённо загомонили, видимо, принимая такое объяснение. Я же, не в силах пошевелиться, лежал, чувствуя под собой твёрдые доски палубы.

— А если проверить? — спросил кто-то.

— Не убьёшь, — ответил Джон.

Послышался звук взводимого курка, громкий вскрик Алисии и сухой щелчок осечки.

— Дьявольщина...

— Дух сильнее твоего пистолета, — объявил Джон.

Я попытался подняться, но не смог, бессильно рухнув обратно на палубу. Из груди вырвался тихий стон, вокруг всё плыло и кружилось, а голову словно кто-то стиснул раскалённым обручем.

— Чертовски везучий сукин сын, — произнёс кто-то из матросов, меткой бранью озвучив общую мысль, витающую в воздухе. Я усмехнулся про себя и снова погрузился в небытие.

Окончательно придти в себя мне помогла качка. От качки меня едва не стошнило прямо на пол каюты, в которую меня, видимо, перенесли с палубы. Голова болела так, будто прямо в череп вбивали гвозди, а во всём теле чувствовалась жуткая слабость.

Я попытался сесть на кровати, но меня снова чуть не стошнило. Алисия появилась словно из ниоткуда, и мягко попыталась уложить меня обратно. Во взгляде читались искренние сочувствие и обеспокоенность. Леди Монтгомери села на край постели вполборота от меня.

— Что произошло? — спросил я, удивляясь, как тихо и слабо звучит мой голос.

— Взрыв пороха. Галеон на щепки разлетелся, — столь же тихо ответила девушка.

Я попытался вспомнить, что произошло, но по мозгам словно полоснули бритвой, и я лишь прикоснулся к виску. Голова оказалась забинтована.

— Сколько? — спросил я.

Алисия на секунду задумалась.

— Выжили только вы, Харпс и Гундерсон. Они успели в воду спрыгнуть.

— А остальные?

Девушка пожала плечами, и теперь я заметил мешки у неё под глазами.

— Давно вы так сидите здесь? — спросил я. — Вы вообще отдыхали?

— Я ждала, пока вы проснётесь, капитан, — вздохнула она.

К горлу моментально подступил ком, а в груди что-то затрепетало. За всю жизнь ни от кого я не получал столько тепла и заботы, и чувства захлестнули меня с головой.

— Миледи, — произнёс я тихим дрожащим голосом. Если бы я не лежал в кровати, у меня наверняка бы подкосились ноги. — Я вам очень признателен. Я никогда этого не забуду. Вы всегда можете на меня положиться. Вы — мой ангел-хранитель, миледи!

Я нёс полнейшую чушь, не в силах выразить то, что чувствовал сейчас, на это попросту не хватало никаких слов.

— Мистер Картер, я бы не доверила ваше здоровье этому коновалу Роджерсу, — девушка ускользнула от темы, но я заметил, как вспыхнули её щёки. — Он хотел ампутировать вам ногу из-за простой царапины. Раз вы вернулись в сознание, я прикажу принести вам обед. Поправляйтесь.

Леди Монтгомери подобрала складки на платье, сделала изящный реверанс и быстро вышла из каюты. Я бессильно откинулся на подушку, проклиная себя за несдержанность и чрезмерную наглость. На что я вообще рассчитывал?

Я в ярости грохнул кулаком по одеялу, и на кровати подскочила оставленная Алисией книга. Тонкий сборник сонетов Шекспира. Я подобрал его и раскрыл на той странице, где леди оставила аккуратно загнутый уголок.

— Бог Купидон дремал в тиши лесной, а нимфа юная у Купидона... — начал читать я и засмеялся от радости.

Быть может, не всё так уж и безнадежно, подумалось мне. И наплевать, что я рождён в канаве, а она в шёлке и бархате. Я открыл книгу с самого начала и принялся за чтение, глупо улыбаясь.

Через несколько минут постучался вестовой, который принёс мне вина и жареного мяса. Я чувствовал, что если поем, то сразу извергну всё обратно, и приказал просто поставить всё на стол.

— Долго я валялся? — спросил я, откладывая книгу.

— Сутки почти, — ответил Оливер и встал у двери, ожидая дальнейших приказов.

— Где сейчас находимся?

Парень на секунду задумался, прикрыв глаза.

— Неподалёку от Картахены. Филипп выслеживал донов, — сказал матрос.

— И как успехи у нашего короля-рыбака? — спросил я.

К моему удивлению, Оливер начал загибать пальцы.

— Два баркаса, один почтовый шлюп и пинас с зерном. Ах да, второй галеон мы всё-таки взяли.

— И это всё за сутки? — удивился я.

Матрос кивнул.

— А вы тут, однако, времени не теряли. Надеюсь, второй галеон не взорвали?

— Нет, сбили мачту, забрали часть груза и отпустили с миром. Взрывать не стали, первого хватило, — усмехнулся Оливер.

Я, преодолевая слабость, поднялся с кровати, подошёл к столу, взял нож, и посмотрелся на сверкающую поверхность клинка, как в зеркало. От бровей и бороды остались только обгорелые клочья, голову опоясывал пропитавшийся кровью бинт, а само лицо было смертельно бледным, будто я только что встал из могилы.

— Вы ещё легко отделались, капитан, — сказал вестовой. — Бахнуло почти как в том форте, от галеона вообще ничего не осталось. Мы и не надеялись выживших найти, да и не пытались. Вас верхом на обломке прямо к кораблю вынесло.

Я ничего не ответил, размышляя о случившемся. В мистику я не верил, но после такого остаться скептиком было трудно. Я с силой вогнал нож в столешницу.

— Значит, боги, духи, черти, демоны, кто угодно... Кто-то из них мне всё-таки помогает. В пекло Мэдифорда, в пекло Золотой флот, Оливер. Мы идём мстить.

Полумрак таверны скрывал всё, что творилось под её крышей — пьянство, драки, азартные игры, разврат и мошенничество. Полумрак таверны скрывал и моё обожжённое лицо, замотанное в бинты. Я сидел в тёмном углу с кружкой местного пойла, привалившись к стене и обмахиваясь шляпой от нестерпимой жары. Душный и смрадный воздух этого места приходилось терпеть ради самого ценного, что можно раздобыть в тавернах. Ради информации.

— Говорят, его уже несколько месяцев нигде не видели, — Филипп, мой друг и старший помощник, сел напротив, вернувшись от барной стойки ни с чем.

Я лишь выругался. Это была уже чёрт знает какая таверна, и мы обошли уже почти все Наветренные острова, останавливаясь в каждом порту ради слухов и новостей. Я опрашивал нищих, служанок, барменов, уличных лоточников, портовых шлюх, раздал около сотни шиллингов, но всё безрезультатно. Уильям Мур словно в воду канул.

— Надо было раньше этим заняться, — хмыкнул француз. Мимо Доминики мы прошли ночью, обойдя родной городок Филиппа стороной.

— Надо было, — согласился я. — Не было корабля и команды.

Старпом хмыкнул, уткнувшись в кружку с вином.

— Уходим? — спросил он.

Я пожал плечами. Я чертовски устал за эти дни, и сейчас мне хотелось только одного — найти, наконец-таки, проклятого Уильяма Мура, чтобы отстрелить ему башку.

— Может, его уже кто-нибудь пристрелил? Или шторм утопил. Или на патруль нарвался.

— Если бы это было так, мы бы уже об этом знали, — произнёс я. — Пошли, Фил.

Наш корабль стоял на якоре в бухте, и мы отправились к причалу, где была пришвартована шлюпка. Улицы Бриджтауна, скрывающиеся от жестокого палящего солнца под сенью пальм, кишели нищими, бывшими каторжанами, проститутками и торговцами. Кое-где можно было увидеть солдат, которые лениво, как сонные мухи, смотрели за порядком, но я был уверен, что как только начнётся заварушка, они скорее спрячутся подальше.

У причала на волнах покачивалась наша шлюпка, в которой мирно спал матрос. А неподалёку от неё, путаясь под ногами у портовых рабочих, сидел скверного вида старик, с виду похожий на попрошайку.

Мы с Филиппом пошли к шлюпке.

— Кровавый Эд? — произнёс старик, скорее констатируя факт, чем спрашивая меня.

Я остановился в двух шагах от него.

— Было время, когда я за это прозвище убивал, — сказал я, уставившись ему в глаза.

— Было время, когда я вешал таких как ты на ноке реи, — огрызнулся старик. — А теперь слушай сюда, сынок.

Я сложил руки на груди и оглянулся на Филиппа. Тот уже сидел в шлюпке, о чём-то беседуя с матросом.

— Слушаю.

Старик хрипло закашлялся, прикрывая рот узловатыми пальцами.

— Тот, кого ты ищешь, ушел на Кубу. Пуэрто-Эсперанса.

Я почесал обгоревшие остатки бороды. Городок неподалёку от Гаваны, столицы всей испанской Вест-Индии. Похоже, ублюдок решил пощипать будущую добычу Мэдифорда.

— Откуда такие вести? Ты первый, кто мне об этом говорит, а поспрашивал я немало, — хмыкнул я.

Старик рассмеялся, снова закашлявшись.

— Один из твоих бывших друзей проболтался. Питер Кэмпбелл.

На этот раз закашлялся я. От удивления и злости. Питер был моим квартирмейстером, но решил поддержать заговор. Он тоже заслуживает пули.

— А ты его откуда знаешь? И зачем ты вообще мне помогаешь? — спросил я.

— Они нас взяли на abordаж, — сказал старик. — Подловили возле Мартиники. Я прикинулся мёртвым, и меня выкинули в море с остальными трупами. А пока я лежал на палубе, кое-что подслушал.

Я вытащил из кармана золотую гинею и пару раз подбросил на ладони.

— Капитан Мур пошёл на Кубу за золотом. Хочет взять джек-пот, пока команда совсем не озверела, — сказал нищий, протягивая руку.

— Ублюдок... — прошептал я.

Монета перекочевала к старику, и тот мгновенно спрятал её в где-то в складках одежды.

— Эд, ты чего там? — спросил Филипп из шляпки.

— Сейчас, — откликнулся я.

Нищий встал с грязного причала и отряхнулся.

— Удачи тебе, капитан, — сказал он и захромал прочь.

Я несколько секунд смотрел ему вслед, а затем сел в шляпку и приказал отчаливать.

«Мститель» рассекал воды Антильского моря, оставляя за собой белые пенящиеся буруны. Впереди по курсу заходило солнце, раскрашивая воду красным и золотым и превращая вечернее небо в багровую полосу. Красивое зрелище, но меня оно не радовало. Закат вгонял меня в какое-то мрачное и тоскливое состояние, будто вместе с солнцем в морские глубины погружалась моя душа.

Курс взяли на северо-запад, в открытое море. Я стоял у самого бушприта, рядом с впередсмотрящим, и наблюдал, как солнце потихоньку тонет в океане. Как разбитый корабль.

— Капитан! — старый Питер Даннет ковылял ко мне, тростью подгоняя одного из парней.

Я повернулся к ним, сложив руки на груди. Судя по всему, матрос только что серьезно провинился.

— Малец только что попался на краже, — сказал боцман, добавив к этому несколько крепких словечек.

Парень стоял, опустив голову. Я тяжело вздохнул.

— Всех наверх.

Даннет несколько раз свистнул в боцманскую дудку, и моряки стали подниматься на палубу.

— Итак, — сказал я, дождавшись, когда вся команда соберётся наверху. Алисия тоже выбралась из каюты и встала чуть поодаль. — Джеймс попался на краже. Что будем с ним делать?

Команда мигом расвирепела, пираты выкрикивали проклятия и ругательства, требуя

выпороть, килевать или повесить вора. Мы все здесь были ворами и убийцами, беглыми каторжниками, уголовниками, негодьями и мошенниками. Но воровать у своих считается одним из самых больших грехов.

— Вздёрнуть на рее! — крикнул кто-то из матросов.

— Высадить на остров! — послышался другой крик, и я поморщился.

— Сорок плетей! — голоса сливались в нестройный гул, и матрос вздрагивал каждый раз, когда слышал, как требуют его смерти.

Я неторопливо поднял руку, и пираты затихли.

— Что можешь сказать в своё оправдание? — спросил я.

Джеймс со свистом втянул воздух и выдохнул, пытаясь немного успокоиться. Парень дрожал от страха, но молчал.

— Нечего сказать?

— Пощадите... — всхлипнул он, и я увидел, как на глаза у него наворачиваются слёзы.

Я поморщился от отвращения. Трусливые матросы мне не нужны. Я прошёлся по палубе туда и обратно, от бака к корме, заодно оглядев команду и провинившегося. Большинство жаждало крови.

— По кодексу тебя следовало бы высадить, но до ближайшего острова почти день пути, и я не хочу тратить из-за тебя время, — сказал я.

На палубе повисла гробовая тишина, и только чайки пронзительно кричали над нами, да скрипел такелаж. Все ждали моего решения.

— Килевать, — бросил я, отворачиваясь к заходящему солнцу.

Парень упал на колени, умоляя пощадить его, но я пропустил его вопли мимо ушей. Вор должен быть наказан, чтоб никто больше не посмел красть у своих.

Пираты, довольно улыбаясь, схватили бедолагу и потащили к борту. На реях уже закрепили канаты, пропущенные через блоки, и Джеймса крепко связали за руки и ноги.

Матросы взялись за канат, и вора, наконец, бросили за борт.

— Раз! — крикнул боцман. Пираты принялись неторопливо тянуть, с каждым криком боцмана протягивая Джеймса ещё и ещё.

Остальная команда сгрудилась у противоположного борта, предвкушая ужасное зрелище свершившегося наказания. Я же стоял на баке, сложив руки за спиной, и смотрел на экипаж «Мстителя».

Из воды с негромким плеском показалось ободранное тело. Боцман на секунду затих, матросы остановились, и Джеймсу дали вдохнуть немного воздуха. Затем его потащили обратно.

Пираты смеялись, перебрасывались шуточками, радуясь правосудию. Мне наоборот, было совсем не смешно. Я представил, как ракушки и полипы раздирают кожу, пока ты задыхаешься в мучениях, и внутренне содрогнулся. Это не та смерть, которую я считал бы достойной.

Джеймса достали во второй раз, и я увидел, как в солёную морскую воду с него капает алая кровь. Парень висел, истекая кровью, как туша на скотобойне, и не двигался. Затем его потащили обратно.

На этот раз его вытащили быстрее. Трёх раз обычно достаточно, чтобы человек утонул или умер от кровотечения, но Джеймс оказался сильнее. Его вытащили на палубу, и он упал ничком. Его била мелкая дрожь, на коже не было живого места, а солёная вода жгла его раны сильнее раскалённого железа.

Не смеялся уже никто. Кто-то из молодых блеванул за борт, где на запах крови уже приплыли акулы. Джеймсу повезло, что они не приплыли раньше, иначе мы могли бы вытащить один только канат. Алисия позеленела и убежала в свою каюту, а я смотрел, как изувеченного паренька утаскивают вниз, к судовому врачу. Джеймс был ещё жив, но я сильно сомневался, что это надолго.

— Все по местам, — скомандовал я.

Пираты разошлись и вернулись к работе, а на досках палубы темнели бурые кровавые разводы. Солнце окончательно скрылось за горизонтом.

На полпути к Кубе мы наткнулись на испанцев. Гордый и мощный фрегат заметил нас раньше, чем мы его, и пошёл наперерез. Как назло, к полудню ветер почти стих, и дул едва-едва, как раз с той стороны, где и находился испанец.

«Мститель» шёл под флагом святого Георгия, который видно издалека. А фрегат, несмотря на свои размеры, умудрился подойти незаметно, и я костерил марсовых, которые не увидели паруса на горизонте.

Фрегат подбирался всё ближе, я приказал готовить корабль к бою. Ускользнуть уже не получится. Все огни погасили, всё, что можно закрепить — закрепили, канониры отмеряли порох и выбирали ядра, а простые корсары хватали сабли и мушкеты.

Испанец просигналил нам лечь в дрейф и выстрелил холостым из пушки. Похоже, он принял нас за британское торговое судно. Я проинструктировал офицеров, затем приказал обстенить паруса и спустить флаг. Если боя не избежать, то лучше драться по своим правилам. А испанцам лучше думать, что они дерутся по своим.

Пираты спрятались за фальшбортом с заряженными мушкетами, а я стоял на шканцах, поглядывая в подзорную трубу. Фрегат, с корпусом из красного дерева, произведение искусства, ощерился пушками, которые одним залпом могли отправить нас на дно.

Корабль приблизился на расстояние пушечного выстрела. Я различил ухмылку на лице вражеского боцмана. Испанцы не ждали сражения, испанцы предвкушали лёгкую добычу. Матросы на вантах были безоружны, несколько человек на палубе специально бегали, словно в панике. Мошенничество — неотъемлемая часть жизни пирата.

«Мститель» дрейфовал на волнах, и я терпеливо ждал. Либо смерти, либо величайшей победы. Третьего попросту не дано.

Фрегат подходил ближе, и чем отчётливей я видел чёрные жерла пушек, тем сильнее холодела моя спина. Где-то в желудке зарождался ледяной ком ужаса, но я приказал себе стоять на месте и ждать. Ждать до тех пор, пока последний из испанцев не упадёт замертво. Стоять до конца.

Я побарабанил пальцами по рукояти шпаги. Хотелось уже броситься в драку и забыть об этом липком ощущении страха, которое парализует всё тело, скручивает живот и лишает разума.

Испанец подходил с правого борта, и я соблазнялся возможностью поймать его на продольный залп. Когда пушки стреляют вдоль корабля, они уничтожают всё, что попадает на пути. Но если после этого уцелеет хоть одна мачта, и фрегат повернётся бортом — он пустит нас ко дну за считанные минуты. Мой план состоял в другом.

Я видел, как испанский капитан раздаёт указания. Несомненно, он уже делит будущую добычу и представляет, как вернётся в Гавану или Санто-Доминго с хорошим призом, но мне придётся его разочаровать. Дон ходил по палубе в мундире с позолотой и треуголке,

показывал тростью на меня и инструктировал канониров.

Фрегат неторопливо повернулся, и десять пушек левого борта уставились прямо на нас с расстояния в несколько ярдов.

Я нервно сглотнул.

— Все готовы? — чуть севшим голосом спросил я.

Пираты, скрытые за фальшбортом, кивнули, кто-то отсалютовал оружием, кто-то не отреагировал.

На палубе испанского судна уже выстроилась абордажная команда, все в красно-золотых мундирах и морионах. Они негромко переговаривались между собой, поставив мушкеты рядом. Тем проще для нас.

— Доброго дня, джентльмены! — закричал испанский капитан и помахал нам треуголкой.

С фрегата в нашу сторону полетели кошки и багры. Я заскрипел зубами, когда крючья зацепились за доски «Мстителя», но это всё часть плана. Я с обречённым видом отсалютовал испанцу шпагой, как раз тогда, когда абордажная команда фрегата готовилась к высадке.

Пираты с рёвом, достойным стаи разъярённых тигров, выскочили из-за фальшборта и одним слитным залпом отправили на встречу к Господу почти всех абордажников. После мушкетного залпа на палубу фрегата полетели гранаты — простейшие железные шары с порохом. Наши канониры, как было условлено, выстрелили картечью сразу после мушкетёров.

Испанцы засуетились, поднялась стрельба, и корабли, наконец, столкнулись. От удара затрещал корпус, один из марсовых разбился о палубу, такелаж перепутался. Начался хаос.

— Ахой! — закричал я, обнажая шпагу и перепрыгивая на борт испанца.

Я не сомневался, что за мной последуют флибустьеры. Я проткнул шпагой абордажника, который целился в кого-то из пистоля, затем краем глаза увидел, как другой испанец, что замахнулся на меня саблей, захлебывается кровью с рассечённым горлом.

Повсюду звучали крики раненых, выстрелы, звон стали. Испанцев было больше, но сиеста по четыре часа в день не располагает их становиться отменными бойцами.

Капитан фрегата в ярости что-то кричал мне, и я методично пробирался к нему сквозь ряды испанских моряков.

Рядом с ухом прожужжала пуля, так, что я почувствовал жар, исходивший от неё. Матрос-испанец попытался ударить меня прикладом мушкета, но подскользнулся в луже крови, и я заколол его прямо в лицо. Шпага застряла в костях черепа и я упёрся ногой ему в грудь, чтоб вытащить оружие. Раздался противный скрежет, который показался мне громче любых криков и выстрелов, я поморщился от отвращения, но дальше бросился в битву.

Справа от меня Филипп, что-то нашёптывая себе под нос, рубил испанцев тяжёлым палашом, который больше подходил для колки дров, чем для сражения, но француз махал им без устали, словно сам Бог добавлял силы в его руку.

Я выстрелил из пистолета в рослого офицера, но тот едва пошатнулся, и пошёл на меня, размахивая катлассом. Я пару раз увернулся от отточенной стали, уверенный в собственной неуязвимости, запрыгнул на стоящую рядом пушку и попытался рубануть его по лицу, но черноглазый ублюдок толкнул меня и я упал спиной прямо на холодный чугун. В глазах потемнело от внезапной боли, но мне хватило сил перекатиться вбок, и катласс только высек целый сноп искр прямо рядом с запальным отверстием.

Испанец снова замахнулся катлассом, но я пнул его каблуком по лодыжке и он потерял равновесие. Внезапно из его груди показалось окровавленное лезвие палаша, и офицер упал на колени. Из его рта потекла струйка крови, а затем он упал замертво рядом со мной. Филипп подал мне руку, и с его помощью я поднялся на ноги. Руки его были в крови, как и мои.

На корме испанский капитан сражался один против троих, сражался отчаянно, не стесняясь использовать грязные приёмы. Я оглядел поле битвы и присвистнул. Фрегат определённо был взят, оставалось только подавить последние очаги сопротивления.

— Сдавайтесь, и вам сохранят жизнь! — крикнул я что есть мочи.

— За короля! — раздался голос испанского капитана, и я просто выстрелил ему в лицо.

Челюсть испанца разлетелась на тысячу осколков, он упал, обильно поливая мундир собственной кровью, а те трое, с кем он сражался, уже принялись обшаривать его карманы.

— Сдавайтесь! — зарычал я и выстрелил в воздух.

Кто-то бросил оружие, поднимая руки, кого-то пришлось добивать, но фрегат теперь безоговорочно принадлежал нам. Я широко улыбнулся своим бойцам, усталым, но счастливым от того, что они остались живы, и изо всех сил закричал, глядя в небеса.

— Ура!

Десятки глоток кричали со мной в унисон, хотя мне казалось, что это тысячи.

Добыча казалась невероятной. Раньше мне никогда не удавалось одержать такую победу, и я был счастлив, что судьба послала мне этот фрегат. Корабль назывался «Марианна», в честь матери испанского короля, которая одновременно была его двоюродной сестрой.

Фрегат незамедлительно сделали флагманским кораблём, поделив команду поровну. «Мститель» уходил под командование Филиппа, а я забирал себе испанскую старуху-королеву.

Команду фрегата отпустили на шлюпке, как я и обещал, слухи о моей победе мне не помешают. Некоторые, наиболее кровожадные члены команды возмутились, но спорить с моим решением не осмелились.

Мы наспех залатали пробоины и заменили такелаж, осмотрели груз и записи, проверили помпы и вооружение. Двадцать шесть пушек на верхней палубе ждали своего часа под парусиновыми чехлами, пороховой погреб (в который я спускался крайне осторожно, ожоги ещё болели) был до отказа заполнен отличным испанским порохом, у мертвецов мы забрали около сотни отличных мушкетов и сабель.

Внизу слышались крики раненых и умирающих, попавших под нож нашего врача. Роджерс работать не умел и не любил, поэтому отпиливал раненую конечность и прижигал культю, говоря, что на всё воля Божья. В итоге, после битвы и такого лечения у нас на два корабля осталось тридцать четыре человека команды, считая легкораненых и контуженных.

Но горевали по мёртвым недолго. Как только они отправились в морскую могилу, оставшиеся в живых поделили добычу, искренне радуясь, что им больше досталось.

Я занял капитанскую каюту на фрегате, самую большую из тех, что мне приходилось занимать. Испанский капитан жил в роскоши и комфорте, и я не мог его винить. В каюте стояла настоящая кровать с постельным бельём вместо парусинового гамака или простой лежанки, большой стол из красного дерева, обитый синим сукном, несколько расписных сундуков, книжная полка и даже гардероб с шёлковыми рубашками. Под кроватью стоял

ночной горшок из чистого серебра, но его мы порубили на пластинки, которые поделили с остальной добычей.

По записям в судовом журнале «Марианна» оказалась патрульным фрегатом из Сантьяго, а судя по содержимому трюма — фрегат успел хорошенько пограбить. Чего я только не обнаружил там: и вино, и кофе, и сахар, и даже кирпичи. Всё это уйдёт контрабандистам в ближайшем порту.

Мы впятером собрались в моей новой каюте: я, капитан Филипп Пуассон, леди Алисия Монтгомери, боцман Питер Даннет и пушкарь Фернандо Гарсия.

Я сидел за столом, подкидывая в руке кинжал, а передо мной лежала карта архипелага. Филипп разглядывал корешки книг на полке, боцман посапывал, сидя на стуле. Фернандо сидел на сундуке, а леди Монтгомери смотрела в широкий иллюминатор, наблюдая за горизонтом.

— Зачем ты нас собрал? — спросил Филипп, оторвавшись от содержимого книжной полки.

Я постучал остриём кинжала по карте.

— У нас тридцать человек на два корабля, а мы идём драться. Нужно решить, куда лучше пойти за пополнением.

— Повернём назад и обойдём все Наветренные? — предложил француз.

Я крепко задумался.

— Слишком долго.

Алисия подошла и взглянула на карту.

— Порт-Ройал. Заодно узнаем новости и получим приказы, — сказала она без тени сомнения.

— Нет, миледи, приказов я получать не хочу, — ответил я.

Девушка едва слышно фыркнула и снова отвернулась к иллюминатору.

— Тортуга и Эспаньола, — сказал старик, не открывая глаз. — Тамошние буканьеры будут счастливы пойти пощипать испанцев.

Я провёл по карте несколько линий и нахмурился.

— Что ж, поворачиваем к северу.

Ночью я лежал на широкой кровати, которая убаюкивающе покачивалась, как и всё остальное на корабле. Сон никак не шёл, и я думал о том, как прострелю голову Уильяму Муру, выброшу на корм акулам Джека Галлоуэя и повешу на рее Питера Кэмпбелла. Старпом, боцман и квартирмейстер.

Фантазии не вызывали каких-либо эмоций, я остро осознал, что моя жажда мести за эти месяцы истончилась, как песок уходит из часов или выгорает фитиль. Но это всё ещё оставалось делом принципа, на кону стояла моя репутация. Я просто не мог позволить бунтовщикам свободно дышать, пока я жив.

Внезапно я задумался о том, что будет дальше, после их смерти. Раньше я не придавал этому значения, но сейчас меня почему-то накрыло. Я редко думал о будущем, и сейчас не представлял, чем займусь после. Пираты часто мечтают о спокойной жизни, на ферме или в собственной таверне, но чаще всего это остаётся мечтами, ведь такие как мы редко доживают до старости.

Я встал и прошёлся по каюте. Странно, но здесь я чувствовал себя львом, запертым в золотой клетке. Я стал пиратом, наслушавшись рассказов о свободе и безнаказанности, но,

как оказалось, свободы здесь не больше, чем в подземельях Бастилии, а наказания куда более жестоки и неотвратимы.

На столе лежал пистолет, тот самый, что был со мной на Доминике. Я покачал его в руке. Пистолет приятно охлаждал кожу, увесистая стальная трубка с рукоятью и механизмом внушали уверенность. Казалось бы, обыкновенный дешёвый пистолет, а насколько смертоносен. Я прицелился в дверь каюты и осознал, чего я хочу. Мне нужна власть.

Не та власть, которую даёт кнут надсмотрщика. И не та, когда кучка пиратов выбирает тебя главным. Истинная власть, беспрекословная, неотъемлемая.

Я вышел из каюты и свежий ночной воздух лёг мне на кожу. Ожоги под бинтами страшно чесались, я жаждал сорвать повязки, но терпел.

Вахтенный матрос, кажется, Фрэнсис, помахал мне рукой, я поднялся к нему. На этом фрегате даже штурвал был украшен резьбой, и я взялся за рукоятки. Моряк беспрекословно уступил мне место.

— Не спится, капитан? — он заговорил первым.

— Нет, Фрэнк.

— Даже ночью не расстаёшься? — спросил матрос, указывая на пистолет, заткнутый за пояс.

Я рассмеялся.

— Капитан должен быть готов ко всему. Запомни, если соберёшься стать капитаном.

На этот раз рассмеялся пират.

— Для этого я слишком туп и слишком люблю выпивку, — сказал он, улыбаясь остатками зубов.

— Если хватает яиц — даже слепая одноногая негритянка может стать капитаном, — отрезал я.

Фрэнсис рассмеялся снова.

Я взглянул на ночное небо. Прямо и чуть справа по курсу виднелась Полярная звезда, а прямо над нами висело созвездие Персея. Млечный путь пересекал небо наискосок, словно кто-то рассыпал кучу бриллиантов на чёрную холстину.

— Капитан, — пират выдернул меня из созерцания, и я повернулся к нему. — Земля прямо по курсу.

Перед нами лежал южный берег Эспаньолы. Далеко, только горы чернели на горизонте.

— Брасопь грот на левый галс! Курс норд-вест-вест! — приказал я и повернул штурвал. — Бизань ставь!

Немногочисленные матросы, вялые как сонные мухи от постоянных вахт, взялись за брасы и принялись за работу. Я стоял у руля, наблюдая за тем, как грот постепенно поворачивается и ветер наполняет его своей силой. Впереди лежала Эспаньола, новые люди, новые приключения и новые моменты, которые наполняют меня жизнью.

Кто-то из моряков затянул шанти, выбирая гитовы, песню о девчонке, которая ждёт моряка дома. И я, сам того не замечая, стал подпевать. Иногда для того, чтобы твоё настроение пришло в порядок — достаточно хорошей компании и хорошей песни.

Первым делом решили зайти на Тортугу. Знаменитый остров, надёжно защищённый одним из самых мощных фортов на архипелаге, горячо приветствовал пиратов и разбойников всех сортов. Формально — французская, на деле — пиратская гавань легко уместила оба суда нашей эскадры.

Перед тем, как подойти к острову, я лично спустился за борт «Марианны» и стесал каждую букву из названия. Ходить на корабле, названном в честь испанской старухи мне не хотелось, и я, как часто делал это с захваченными судами, переименовал его. Некоторые считают это плохой приметой, но я считаю, что всё обстоит с точностью до наоборот. Ведь если корабль с этим названием уже захватили однажды, не будет ли это началом плохой традиции? А я верю, что новое имя даёт кораблю новую судьбу.

Отныне фрегат носил гордое греческое имя «Немезида». Некоторые истовые католики были недовольны, тихо называя меня язычником, но мне было плевать. Если Немезида поможет мне отомстить, в чём, собственно, обычно и состоит её работа, то я буду только рад.

Теперь «Немезида» и её верный помощник «Мститель» на черепашьей скорости приближались к гавани Тортуги. Утренний бриз дул прямо на нас, приятно взъерошивая волосы, но барку с его прямыми парусами приходилось лавировать, постоянно поворачивая оверштаг.

Филипп неплохо справлялся, но с минимумом команды это не так-то просто. Мне на фрегате было проще, я поднял бизань и кливера. С косыми парусами идти против ветра гораздо комфортнее.

Город на берегу ничем не отличался от сотен других на архипелаге, но я точно знал, что это одна из жемчужин Карибского моря.

На Тортуге можно было найти всё, что душе угодно — выпивку, женщин, листья коки и опиум, но мне нужен был самый распространённый и доступный товар на Карибах. Человеческие жизни.

Корабли, наконец, пришвартовались, и мы сошли на гостеприимный берег. Пираты, обвешанные золотом и драгоценностями, сразу стали мишенью для воришек, торговцев и портовых девок. Так всегда и происходит.

Я отправился напрямик в самую известную таверну города, кое-как упросив Алисию остаться на корабле. Прохожие глазели на меня, на мой фрегат, на мою команду. Слухи пойдут со скоростью лесного пожара, как раз это мне и нужно.

«Три лилии» встретили меня и моих ребят даже радушнее, чем я предполагал. Мне поднесли чарку вина, каждый пытался разузнать, как нам удалось заполучить такой фрегат, и сколько мы готовы здесь потратить.

В этой таверне всё было не так, как я привык видеть. Просторный светлый зал, крепкая мебель, достойные напитки, любые драки пресекались в корне двумя крепкими вышибалами.

За стойкой разливал напитки сам хозяин заведения, и я обратился прямо к нему.

— Что нового? — спросил я.

Бармен посмотрел на меня так, словно я сказал что-то отвратительное.

— Можешь спросить у местных сплетниц, наверняка что-нибудь узнаешь, — проворчал он.

Я хмыкнул и пригубил чуть-чуть вина.

— Обычно все тавернщики в курсе происходящего, — сказал я, перекатывая между пальцев золотую гинею.

— Я не из таких, мне плевать, — ответил он.

— Как тебя зовут, приятель? — спросил я.

Бармен на секунду посмотрел мне в глаза, а я пригубил ещё вина.

— Я тебе не приятель, — отрезал он. — Можешь звать меня Жак.

Я поднял бокал, показывая, что пью за его здоровье.

— Мне нужна команда, Жак. На честный торговый фрегат, ты понимаешь.

Бармен пожал плечами. Я положил гинею на стойку и подвинул к нему, монета скрылась в недрах его фартука.

— Поговори вон с теми ребятами, — сказал он, показывая на компанию в дальнем углу зала. — Недавно уволились с капера.

Я ещё раз поднял бокал, улыбнулся и отправился к ним.

— Добрый день, джентльмены, — сказал я, подсаживаясь к ним за стол.

Несколько мужчин повернулись ко мне. Все они выглядели бывальыми моряками, просаживающими последние пенни в перерыве между плаваниями.

— Самого крепкого пошла этим добрым месье! — я поднял руку, и хмурые физиономии немного смягчились.

— Чего тебе, капитан? — спросил меня один из них.

— Нет, нет, я просто хочу пропустить по кружечке рома с бывальыми морскими волками, — я широко улыбнулся. — Пару дней назад взял просто великолепный приз.

— И какой же? — спросили меня.

— Испанский патрульный фрегат «Марианна», — ответил я, чуть понизив голос. — И теперь хочу это отметить! Пятнадцать тысяч песо добычи, чёрт побери!

Нам принесли ром, и я незамедлительно поднял стакан. Мои собутыльники, разумеется, отказываться от халявы не стали. В зале я увидел нескольких членов моей команды, они тоже меня поддержали.

— За будущую добычу и за то, чтобы она не кончалась! — громко произнёс я.

Ром потёк по глотке обжигающим потоком. Я с грохотом поставил стакан обратно на стол, и его тут же наполнили снова. Я не особенно люблю пить. Но иногда это просто необходимо.

Кто-то из парней закурил трубку, откинувшись на стуле, другой разливал новую порцию по стаканам, а остальные продолжили неторопливую беседу.

— Знал я одного моряка, — сказал один, рослый шотландец. — А он знал капитана, один из матросов которого видел кракена.

— Брехня.

— Нет, не брехня. Тоже слышал такое, — возразил другой моряк, молодой креол.

Шотландец закурил трубку и продолжил.

— Они шли возле Ньюфаундленда, возвращались из колоний. А затем наткнулись на кракена.

— Удивительная история, — сказал я.

— Это ещё не всё! Кракен раздавил их каравеллу как скорлупку! Он оттуда один спасся, на обломке мачты, — продолжил шотландец, пуская кольца дыма под потолок.

— Да, слышал такое, — поддакнул креол.

— Не хотел бы я в море такого встретить, — сказал я.

Нам принесли ещё рома и мы незамедлительно выпили за погибших моряков.

— Как он выглядит, этот ваш кракен? — спросил один из моих матросов, присоединившийся к нашей компании.

Оба моряка пожали плечами.

— Как большой кальмар.

— Гигантский.

— Удивительная история, — повторил я.

— Рассказал как знаю, — сказал шотландец.

Я снова поднял стакан.

— Пожалуй, мне пора, — сказал я. — Буду рад видеть вас на «Немезиде». Мы стоим у второго причала. Счастливо, парни.

Я чувствовал, как хмель ударил в голову, но всё равно заставил себя обойти ещё несколько таверн и покутить в каждой. Мне нужна была команда, и я надеялся, что завтра от добровольцев не будет отбоя.

На фрегат я вернулся только к утру, и несколько часов сна мне всё-таки удалось урвать. И ещё до завтрака на «Немезиду» уже пошли новобранцы.

Я принимал всех, кто способен отличить бак от кормы и способен держать оружие. Отказывал я только совсем юным мальчишкам, у которых ещё даже не начала расти борода, и глубоким старикам, которые едва ходили.

Каждый новый матрос подписывал соглашение со всей командой, в котором я прописал всё — долю добычи, выплаты за ранение, меру наказания. Кто не умел писать, а это практически все, ставили крестик и клялись на святой Библии. И только после этого они считались зачисленными в команду.

На «Мститель» тоже шли добровольцы, но такой очереди, как ко мне в команду, я ещё не видел.

Я стоял на шканцах, принимая новобранцев по одному. Каждый должен был немного рассказать о себе, ведь капитан должен знать свою команду. На баке сидели остальные матросы, присматриваясь к новичкам.

Примерно к полудню, когда очередь уже почти иссякла, на борт поднялся молодой черноволосый парень лет пятнадцати. Я стоял, устало привалившись к фальшборту.

— Как зовут? — спросил я, казалось, в тысячный раз.

— Ты меня вряд ли знаешь, зато я знаю тебя, — ответил парень. — Ты — Кровавый Эд, пират и убийца!

Парень выхватил пистолет из-за пояса и направил мне прямо в лицо. Я даже не успел среагировать. Корсары на баке мигом вскочили, обнажая сабли и пистолеты, но я поднял руку, останавливая их.

— А ты смелый, если пришёл сюда, — спокойно произнёс я. — Опустит пистолет, малыш.

— Заткнись! — закричал он, его голос сорвался на визг. — Ты убил моего отца, ублюдок! Прими смерть достойно!

Я закатил глаза, пытаюсь хотя бы примерно подсчитать, скольких человек я оставил сиротами.

— Твой отец — один из многих, — сказал я. — Напомни, кем он был.

Подросток изменился в лице, рука с пистолетом задрожала.

— Мой отец был славным капитаном, человеком чести!

— Точнее.

— Он ходил на шлюпе «Сан-Кристоваль»! Ловил и вешал таких как ты! — голос паренька снова сорвался на фальцет.

Я посмотрел ему в глаза. Маленький испанец был полон ненависти.

— Да, помню его. Он ползал на коленях передо мной и просил пощады. Визжал как девчонка, когда я отрубал ему пальцы один за одним.

Разумеется, ничего такого не было. Я даже не помнил, что брал на абордаж этот шлюп.

— А когда я отрубил ему все пальцы, я привязал твоего папашу к рее и выбросил в море. Акулы отлично наелись в тот день, — продолжил я.

На лице парня отразилась целая буря эмоций: гнев, страх, отвращение. Пистолет ходил ходуном перед моим лицом.

— Сдохни! Сдохни! Сдохни! — выкрикнул он, и, наконец, выстрелил.

Пуля, конечно, прошла мимо. Любой, даже самый меткий стрелок, не попал бы, когда руки трясутся от гнева, а глаза застилают слёзы.

Едва рассеялся дым от выстрела, я бросился на него, мощным ударом в челюсть укладывая его на палубу.

Матросы смотрели на меня, и я видел в их взглядах странную смесь восторга и ужаса. Именно то, что мне нужно.

— Храбрый паренёк, — сказал я, указывая на обмякшее тело. — Отнесите его на берег.

Два новобранца подбежали быстрее, чем я закончил говорить, и выбросили его на набережной, а вся остальная очередь рассосалась, едва прозвучал выстрел.

Я взмахом руки отпустил матросов и вернулся в свою каюту. Всего за одно утро мне удалось завербовать почти сто двадцать человек. Абсолютный рекорд для меня, но я чувствовал, что если эта полоса удач продолжится, то этот рекорд будет побит. Пожалуй, мне даже не придётся заходить в Гонаив и Порт-о-Принс.

Из глубин книжной полки я извлёк спрятанную бутылку вина, налил себе немного и отсалютовал бокалом в сторону двери. Затем я расстелил на столе карту архипелага и склонился над ней.

Отсюда до Кубы рукой подать, и я размышлял: задержаться ещё намного на Тортуге, или выходить прямо сейчас, чтобы, не дай Бог, не проворонить Уильяма Мура.

— Оливер! — крикнул я, всё ещё склонившись над картой.

Дверь тихонько скрипнула.

— Да, капитан? — вестовой, хоть и был легко ранен во время абордажа, обязанности исполнял безукоризненно.

— Пригласи ко мне леди Монтгомери.

Оливер вышел и вернулся буквально через минуту.

— Её нет, капитан.

Я замер со стаканом в руке посреди каюты.

— Дьявол, мы же с ней договорились! — зарычал я. — Узнай, куда она могла пойти! Спроси вахтенных!

Вестовой снова скрылся за дверью. Я схватил пистолет, сунул его за пояс, и вышел. Утренний бриз приятно охлаждал ожоги на лице, а море сверкало и переливалось россыпью бриллиантов. Красивые пейзажи всегда меня завораживали. Я глубоко вдохнул и встал у фальшборта, глядя на зелёные горы Эспаньолы.

— Капитан! — ко мне подбежал вахтенный. — Миледи отправилась в город на рассвете, вместе со слугой. Сказала, что пойдёт навестить губернатора.

— Спасибо, Диего, — произнёс я.

Губернатор. Опять политика. К чёрту всё это.

Я повернулся в сторону города, и увидел, как к причалу подъезжает карета. Леди Монтгомери церемонно вышла, придерживая юбки. Её слуга вытащил сумку, видимо, с обновками. Похоже, Алисия не смогла устоять перед искушением посетить портного.

— Я вас искал, — произнёс я, когда девушка поднялась на борт «Немезиды».

Англичанка мило улыбнулась.

— Неужели? Я позволила себе немного прогуляться перед завтраком.

Я скрестил руки на груди.

— Кажется, мы договорились, что вы не будете покидать корабль. Или что, вашему

слову теперь нельзя верить? — спросил я.

Алисия подошла ко мне чуть ближе.

— Не надо мне указывать, я не ваш матрос, — сказала она полным яда голосом.

— Ради вашей же безопасности, миледи, — ответил я.

Девушка рассмеялась.

— Я многому научилась у вас на корабле. Особенно ругательствам. Так что, идите к чёрту, мистер Картер, — сказала она, резко повернулась на каблуках и ушла к себе в каюту.

— Дьявол... — прошептал я.

Все матросы с палубы куда-то подевались, скорее всего, чтоб не попасть под горячую руку. Я огляделся, выругался, и пошёл-таки к её каюте.

Я занёс руку, чтоб постучать, но что-то меня остановило. Руки дрожали, а в середине живота появилось противное тягостное чувство. Страх.

— Алисия! — я крикнул резче, чем хотел. Кулак бахнул по двери.

— Уходите! — раздался приглушённый голос.

Я снова чертыхнулся вполголоса. В её присутствии я терял разум.

— Я никуда не уйду, пока мы не поговорим! — крикнул я.

— Уходите, мы уже поговорили.

— Нет, чёрт побери! Я никуда не уйду! — зарычал я.

Дверь внезапно распахнулась передо мной, и я чуть не упал прямо на девушку.

— Говорите, — произнесла она.

Все слова будто застряли у меня в глотке, я стоял на пороге и не мог произнести ни звука.

— Ну же, чёрт возьми, живее, — выругалась она.

— Возвращайтесь на Ямайку, миледи, — выдохнул я, внезапно для меня самого.

Алисия прищурилась, видимо, проверяя серьёзность моих слов.

— Вот так? Губернатор об этом узнает, я вам гарантирую, — сказала она.

— Плевать, хоть сам король и вся палата лордов. Передайте Мэдифорду, что может поцеловать меня в задницу.

Девушка вспыхнула от гнева, но быстро взяла себя в руки. Поистине дипломатическая выдержка.

— Договорились, мистер Картер. Доберусь до Ямайки сама, можете не затрудняться. Всего хорошего, — ледяным тоном произнесла она и захлопнула дверь перед моим лицом.

Я снова ударил кулаком по двери, на этот раз со злости, спугнул чайку, сидящую на рее, и широким шагом отправился в свою каюту.

— Проклятье... — пробурчал я.

Вино почти кончилось, я достал новую бутылку. Затем сел за стол, откупорил и приложился прямо из горла, пытаюсь залить кипящие во мне чувства дешёвым пойлом. На душе было гадко, как в сточной канаве.

Алисия ушла после полудня. Собрала вещи и сошла на берег, даже не попрощавшись, ни со мной, ни с кем-либо ещё. А я сидел в каюте и пил, заглушая рвущиеся наружу эмоции, пил до тех пор, пока не вырубился прямо за столом.

На следующее утро я, пошатываясь, вышел из каюты и приказал принести ещё вина. Или рома. Или эля. Чего угодно, только лишь бы это можно было пить. Но вместо того, чтоб выполнить приказ, матросы позвали Филиппа.

Француз взял меня под руку и затащил обратно в каюту, закрыл дверь и замахнулся на меня рукой.

— Ты чем, прости Господи, думал!? — прошипел он.

— Ещё раз на меня замахнёшься — башку нахрен отстрелю, — сказал я, грозя ему пальцем и пытаюсь нашарить за поясом пистолет.

Филипп сложил руки на груди и опёрся спиной на дверь. Я прошёл к столу и попытался найти хоть каплю вина в той груде бутылок, что валялась на столе и на полу вокруг.

— Хватит пить, Эдвард. Ты сам виноват.

— Не учи меня жить, щенок! — рявкнул я, перебирая бутылки в поисках пойла.

— Зря ты так, — мягко произнёс Филипп. — Нам пора отчаливать. Корабли починены, команда набрана. Выберешь офицеров, и можно будет идти искать твоих предателей.

— Да, точно! — я хлопнул ладонью по столу, да так, что в башке зазвенело. — Чёртовы ублюдки...

— Выбери офицеров! Господи, как же всё сложно, — вздохнул француз и вышел, хлопнув дверью.

Я в последний раз тщетно проверил бутылки, выругался и пошёл вслед за ним.

— Всех наверх! — рявкнул я во всю мощь своих лёгких, за что поплатился.

Резкий прилив тошноты поднял всё, что я выпил за последние сутки, и я быстро с этим расстался, выблевав всё за борт.

Матросы высыпали на палубу, и я пьяным взором оглядел присутствующих.

— Нужно выбрать чёртовых офицеров! Старпом, квартирмейстер, врач! — крикнул я.

Пираты стали предлагать кандидатов, перекрикивая друг друга, отчего я снова чуть не блеванул. Голова болела так, будто в череп засыпали тлеющих угольков, а каждый крик раздувал эти угли всё сильнее и сильнее.

Я поднял руку, и все постепенно затихли.

— Кто за то, чтоб назначить Джеффри Смоллвуда старшим помощником? — спросил я.

Джефф был одним из новичков, толковым парнем, отслужившим на британском военном флоте почти восемь лет.

Большая половина подняли руки, и новоявленный офицер вышел ко мне.

— Ты сам-то согласен? — спросил я.

Джеффри потрянул чёрными кудрями. Я расценил это как знак согласия.

— Решено! Теперь квартирмейстер! Кто умеет считать? — произнёс я.

Несколько человек вышли вперёд. Я спросил у них по несколько простых примеров из арифметики, затем попросил пересчитать песо в шиллинги, а затем шиллинги в риалы и обратно. Все задания сумел выполнить только один — Кристоф Дюран, сын священника из Марсея.

— Никто не возражает? — спросил я, показывая на него.

Никто не возражал.

— Теперь врач, — вздохнул я.

Пираты снова стали предлагать кандидатов, и на этот раз нам повезло, на корабле оказался коновал с барбадосской плантации — Обадаия Дэвис. Лечить людей ему раньше не приходилось, но опыт есть опыт, а лошадей лечить даже сложнее. Его выбрали единогласно.

— Занимайте кают-компанию, джентльмены. Отчаливаем в восемь склянок, — произнёс я и снова скрылся в каюте.

Тортугу покинули в четыре часа дня, как только сменилась вахта. В паруса дул попутный ветер, и фрегат нёсся вперёд, да так, что мне приходилось его сдерживать, словно нетерпеливого жеребца. На море поднимались высокие волны, и многие из новичков расстались с обедом.

Под надзором старого боцмана они постигали хитрую морскую науку — учились вязать узлы, сплести канаты, отличать шкот от браса, а лисель от марсея.

Я лично стоял за штурвалом, командуя «Немезидой» и добиваясь максимально чёткой и слаженной работы. Очень часто именно от выучки команды зависела жизнь, а не от параметров корабля или каких-то случайностей. Именно человек управляет кораблём, а не наоборот.

Когда мы отошли подальше от берегов, я устроил учения для канониров. Каждый матрос должен был один раз выстрелить из пушки по плывущему бочонку. Конечно, чтобы сделать из новобранца настоящего морского волка — требуется куча времени, но сейчас времени не было.

Стреляли на скорость, а особо нерадивых или медлительных боцман подгонял ударом трости. Откатить, закинуть мешочек с порохом, закатить ядро, затолкать пыж, навести на цель, выстрелить, вычистить тлеющие остатки пыжа и пороха, чтоб, не дай Бог, не взорвалась пушка, повторить всё с самого начала. И всё это на время. В бою этому учиться некогда, поэтому учились сейчас.

У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже, но в целом, все могли в случае необходимости выстрелить в сторону врага.

«Немезида» и «Мститель» обогнули Эспаньолу и вышли в Наветренный пролив, между Кубой и Эспаньолой, а затем повернули на юго-запад, чтоб обойти Кубу с юга, подальше от рифов и мелководий. Так выходило дольше, но безопаснее. Не придётся идти мимо Гаваны и её патрулей. С другой стороны, придётся идти мимо Сантьяго.

Фрегат и барк шли друг за другом, выстроившись в линию. Небо затянуло серыми облаками, спустился небольшой дождь, и парус на левом траверзе заметили не сразу.

— Подойдём поближе к нему, — приказал я, сигналы передали «Мстителю».

Эскадра синхронно повернула на юг, а я достал подзорную трубу и направил на крохотное белое пятнышко.

Это был небольшой двухмачтовый шлюп под флагом нейтральной Португалии. Я одним движением сложил трубу, убрал в футляр, и повернулся к команде.

— Хотите повеселиться, парни!? — спросил я, широко улыбаясь.

Пираты заорали от возбуждения, и я обнажил шпагу, направляя её на португальский шлюп.

— За работу, чёрт возьми! — крикнул я.

Все начали работать с удвоенным старанием, на фрегате подняли все паруса, добавив скорости, пушки расчехлили и подготовили к стрельбе. На шлюпе против фрегата шансов нет, но, возможно, придётся напугать их пушками.

Флага мы не поднимали, и шлюп, по всей видимости, насторожился. Португальцы поставили ещё несколько парусов, рискуя перевернуть шлюп на волнах, чуть изменили курс, готовые удрать. Но от богини возмездия уйти не удавалось никому.

Мы приблизились настолько, что я мог различить людей на борту, копошащихся, словно муравьи. А я шёл разорять муравейник. Над нашей грот-мачтой взметнулся чёрный флаг, матрос в вороньем гнезде просигналил флажками лечь в дрейф, а в подтверждение наших

намерений пушка громыхнула двойным холостым зарядом.

Капитан шлюпа не был отважным или безрассудным, и я не могу его за это осуждать. Ему хватило мозгов не оказывать сопротивления.

Португальцы убрали паруса, покорившись судьбе и нашей милости. Фрегат подошёл первым, через несколько минут «Мститель» догнал нас. На борту шлюпа стоял капитан с командой, ожидая, пока я поднимусь к нему.

«Немезида» подошла к жертве мягко и точно, спасибо рулевому и марсовым. Я поднялся на борт вместе с офицерами и несколькими матросами-абордажниками, и поприветствовал капитана.

— Добрый день, сэр, — произнёс я.

Португалец в чёрном, несмотря на полуденный зной, камзоле и высоких ботфортах, похожий на приземистого бульдога, скупно кивнул.

— Не припомню, чтоб Португалия с кем-то воевала, тем более в колониях, — произнёс он, нахмурившись.

— Я пират, граблю всё подряд, — произнёс я, потешно откланявшись. — Прошу прощения, забыл представиться. Капитан Эдвард Картер. Хм, нет. Адмирал Эдвард Картер.

Португалец хмыкнул.

— Слышал о вашей гибели. Похоже, дьявол передумал вас забирать, — сказал он. — Забыл представиться, капитан Алваро Паулу Франсишку да Коста. Стало быть, нас захватили пираты.

Сеньор да Коста расстегнул пояс на грузном животе и протянул его мне вместе со шпагой. Я принял капитуляцию, символически дотронувшись до рукояти.

— Можете оставить себе, я доверюсь вашему слову. Что вы не будете препятствовать, пока мои ребята будут забирать груз, — сказал я. — А если нарушите слово, то у вас будет возможность узнать, за что меня называют Кровавым.

Португальские матросы зашептались между собой, а капитан да Коста снова подпоясался шпагой.

— Даю слово честного католика, — капитан поднял правую руку вверх.

Я довольно кивнул.

— Но мои пассажиры могут занервничать, если будете рыться в их вещах, — добавил он.

— Кто они? — спросил я.

Сеньор да Коста пожал плечами.

— Не имею привычки совать нос в чужие дела. Какой-то торговец из Порт-Ройала, священник, и англичанка со слугой.

Не знаю почему, но сердце у меня внезапно забилося быстрее.

— Где они сейчас? — спросил я, нервничая и сжимая кулаки.

— Заперлись в своих каютах, — ответил он.

— Давайте посмотрим.

Я дал знак Смоллвуду и Дюрану спуститься в трюм, посмотреть груз, а сам пошёл к каютам. Сеньор да Коста следовал за мной, мрачный, но покорный. Если бы все капитаны были такими, жизнь пирата была бы гораздо проще.

— Пусть выходят, — приказал я.

Португалец постучал в каждую дверь, добавив от себя, что пассажирам не причинят вреда. Я же такого не говорил, но поправлять капитана да Косту не стал.

Пассажиры робко выглянули наружу, словно черепахи из своих панцирей, и в одном из них я узнал слугу Алисии. Сердце моё упало.

— Нтанда, выходи, — я поманил слугу рукой.

В глазах у негра плескался невыносимый страх, наверняка он считал всё это злой волей своих негритянских богов или моим сверхчеловеческим чутьём. Слуга повернулся обратно в каюту, что-то негромко сказал, и через несколько секунд на палубу вышла леди Монтгомери, сверкая грозными серыми глазами, будто Афина Паллада.

— Вы теперь меня преследуете, капитан? — сходу взяла она быка за рога.

Я улыбнулся и приподнял шляпу.

— Доброго дня, мисс.

Сеньор да Коста напряжённо смотрел на нас, поглаживая рукоять шпаги.

— Счастливая случайность, что мисс Монтгомери оказалась на вашем корабле. Вот ей я обещал не причинять вреда, — произнёс я.

— Какое благородство, — фыркнула она.

— Стараюсь держать данное слово, миледи, — как можно серьёзнее ответил я. — Джефф, Кристоф!

Из трюма вышли офицеры, держа в руках по ящику.

— Пряности, сэр, — сказал молодой квартирмейстер.

— Отставить грабёж. Верните всё по местам.

— Сэр... — начал Джефф, но я быстро его прервал.

— Никаких «сэр», мистер Смоллвуд, выполняйте приказ. Будем считать это учениями по морскому сражению и абордажу, — жёстко произнёс я. — Капитан, забудем это недоразумение.

Португалец хмыкнул и пожал плечами. Похоже, он был рад остаться при своих, но всё-таки недоволен проигрышем.

— Миледи, — кивнул я. — Сеньор. Позвольте откланяться.

Пираты, смекнув, что к чему, уже перебрались на борт «Немезиды», и ждали только меня.

— Мистер Картер, — произнесла Алисия, и я застыл в одном шаге от борта. — Мне нужно вам кое-что сказать.

Я обернулся.

— В каюте, пожалуйста, — сказала она, открывая дверь и приглашая меня.

Я вошёл внутрь скверной тесной каморки. В каюте висел гамак из парусины, стоял обитый железом сундук и грубый стол из неошкуренных досок. Беднее, чем в хибаре у нищего.

— Нтанда, выйди, — приказала она, а когда негр вышел и закрыл дверь, прижала руки к лицу и тихонько всхлипнула.

— Миледи, — тихо произнёс я, прижимая её к себе.

Девушка уткнулась мне в плечо и заплакала. Я нежно гладил её по волосам и бормотал что-то несвязное, пытаюсь успокоить.

— Простите меня, миледи, я не должен был вас прогонять, — сказал я.

— Нет, капитан, это я не должна была уходить. Ничего хорошего из этого не вышло, — сказала Алисия, слегка успокоившись, но всё ещё изредка всхлипывая. — Я была у губернатора Тортуги. Не самый приятный разговор получился, вот я и сорвалась на вас. Простите меня, Эдвард.

— Вернётесь на «Немезиду»? — спросил я.

Девушка высвободилась из моих объятий и на секунду задумалась.

— Нет, не могу. Я возвращаюсь в Порт-Ройал, — вздохнула она.

— Почему?

— Политика, мистер Картер. Ничего не поделать, — сказала она.

Я отчаянно хотел сказать ей, что люблю её и никуда не отпущу, но слова застряли у меня в глотке. Я только вздохнул, поправил шляпу и произнёс:

— Понимаю.

Хотя это было ложью.

— Вам пора, мистер Картер, — произнесла она.

— Похоже, что так, — сказал я. — Прощайте, миледи.

Алисия на секунду закрыла глаза.

— Надеюсь, мы когда-нибудь увидимся снова, — сказала она.

— Надеюсь, — ответил я, нежно поцеловал её пальцы и вышел, не оборачиваясь.

Корабли разошлись в разные стороны — португальский шлюп пошёл дальше на юго-запад, а мы повернули на северо-запад. С каждым ярдом, что мы удалялись от них, я чувствовал, как моё сердце разрывается на части. Моё тело находилось в капитанской каюте «Немезиды», моё сердце осталось там, в каюте Алисии.

Я сидел и снова уничтожал запасы вина, не желая никого видеть. Просто передал конечный пункт — залив Батабано, у южного побережья Кубы, и заперся в каюте. «Немезида» справится и без моего вмешательства.

В иллюминаторах бурлила синяя вода, предательская мысль бросить всё и утопиться посещала мою голову. Но я не мог. Хотя бы до тех пор, пока не отомщу.

Я ходил по каюте, иногда крушил мебель, иногда спал беспокойным пьяным сном, иногда просто лежал и смотрел в потолок. До тех пор, пока в дверь не постучали.

— Что стряслось, чёрт подери!? — крикнул я, кое-как разлепив ссохшиеся губы.

В глотку словно насыпали песка.

— Куба на горизонте, сэр! — раздался приглушённый голос из-за двери.

Я выругался. Если мне повезёт, то скоро всё решится. Я кое-как оделся, взял оружие, поглядел мутным взором в зеркало, из которого на меня смотрело чудовище. Сальные ключья волос, грязные бинты на лице, прикипевшие к ожогам, взгляд, полный нечеловеческой злобы. Я с размаху саданул по зеркалу кулаком, оно разлетелось на мелкие осколки. Но из каждого на меня продолжало смотреть всё то же чудовище.

Широким шагом я выскочил на палубу, не отвечая на приветствия матросов и офицеров. Я сразу отправился на бак, взглянуть на горизонт впереди. Я достал из футляра подзорную трубу, протёр стекло краем рукава, и уставился вдаль. На горизонте виднелась лёгкая дымка над тонкой зелёной линией.

— Там впереди Сантьяго, — прорычал я. — Форты, патрули, и куча испанцев. Батабано немного в другой стороне.

Матросы заткнулись, не зная, что ответить.

— На три румба влево, — приказал я, не сомневаясь, что моряки выполнят приказ в точности.

Пройдём вдоль южного побережья, обогнём остров Пинос, выйдем к мысу Кахин, затем повернём в Юкатанский пролив и будем ждать там. Искать приключений. Мой бриг,

предателей и испанский Золотой флот.

Ко мне подошёл боцман, тяжело опираясь на трость.

— Здравствуй, Пит, — сказал я.

Старик только махнул рукой в ответ.

— Команда недовольна, — сказал он. — Считают, что ты растерял весь запал. Пороху не осталось.

— Ты тоже так считаешь? — спросил я.

— Эдди, ты запираешься у себя и пьёшь, пока остальные не знают толком, что делать.

Старпом ещё зелёный совсем. У других нет авторитета.

Я хмыкнул и пожал плечами.

— Не удивлён, почему тебя высадили с брига. Там тебе тоже было плевать на команду? — спросил боцман.

— Там. Всё. Было. Отлично, — процедил я. Старик наступил мне на больную мозоль.

— Если бы так и было, ты бы до сих пор на нём ходил. Пора тебе начать учиться на ошибках, Эдди, — произнёс он. — Возьми себя в руки и стань капитаном, которого мы заслуживаем, чёрт побери.

Я вздохнул и убрал подзорную трубу в футляр. Старик был, как всегда, чертовски прав.

— Ты чертовски прав, Пит. Хватит пить и распускать нюни.

— Рад слышать, Эдди, рад слышать, — улыбнулся боцман и заковылял прочь, покрикивая на матросов чисто для проформы.

Я закрыл глаза и провёл рукой по остаткам волос. За последние месяцы я приобрёл больше, чем за те годы, когда командовал бригом, но что-то до сих пор влекло меня, заставляло идти вперёд. Принципы? Не уверен. Жажда отмщения? Мне уже было почти плевать, благодаря им я достиг гораздо большего. Скорее всего, это было желание доказать самому себе и всему архипелагу, что капитан Эд Картер не забывает и не прощает. Что я сильнее. И я должен быть сильнее даже самого себя.

Ветер переменился, и я дважды резко хлопнул в ладоши.

— Убирайте марсель, фок перебрасовать! — зычным командирским голосом, выработанным за годы капитанства, закричал я. — Тяните быстрее, дьявол вас раздери! Уотерс, это не тот канат, тупая ты обезьяна!

Матросы принялись за дело, но я видел, что они улыбались. Капитан вернулся, а значит, теперь «Немезида» никому пощады не даст.

Эскадра шла на запад, вдоль побережья, а по правому борту виднелись зелёные горы и, изредка, огни испанских поселений. На Карибское море спустилась тёмная безлунная ночь, на обоих кораблях погасили огни, чтобы никто с острова не мог нас заметить. Зато мы видели всё.

Ближе к рассвету с «Мстителя» поступил сигнал, что они видят огни и парус на левом траверзе. Меня незамедлительно разбудили, чтобы я посмотрел и принял решение. Корабль шёл параллельно нам, к мысу Кахин, так что это был либо испанец, либо один из пиратов, нанятых Мэдифордом. В любом случае, нам стоило подойти поближе.

Предрассветные сумерки всё ещё скрывали нас от любопытных взглядов с того корабля. Я приказал идти наперерез.

Я вернулся в каюту, оделся, умылся и опоясался шпагой. Перевязь с пистолетами я покачал в руке и всё-таки набросил на плечо. Меня терзало нехорошее предчувствие грядущего боя.

Небо на юге затягивало иссиня-чёрными тучами, это тоже не предвещало ничего хорошего. Я, стоя на четвердеке, разглядывал далёкие серые паруса. Пушки расчехлили, канониры отмеряли порох, а я нервно сжимал кулаки, отчаянно надеясь, что перед нами моя «Удача». Судя по оснастке парусов, это был бриг, но сказать уверенно я не мог, сколько ни вглядывался. Корабль шёл слишком далеко.

Я спустился к матросам в кубрик, по сути — в часть трюма, где висели койки и стояли рундуки.

— Ахой, флибустьеры! — заревел я во весь голос.

Спящие после вахты моряки нехотя поднялись.

— Похоже, скоро нам предстоит бой. Настоящий бой. Так что будьте готовы, парни, — я дважды стукнул костяшками пальцев по косяку. — Отдыхайте, пока есть время.

Матросы пробурчали что-то вроде «всегда готовы» и «есть, капитан», и снова завалились спать.

Я ходил по четвердеке в ожидании, изредка покрикивая на матросов, недостаточно усердно работающих, по моему мнению. Ожоги под повязкой страшно чесались, но я терпел, не смея трогать бинты, которые повязала Алисия. А ещё я боялся увидеть потом обезображенное лицо под бинтами. Поэтому я ходил и срывал злость на матросах, не в силах дожидаться, когда мы подойдём поближе к бригу.

Где-то на востоке розовой полосой появилась заря, солнце понемногу начинало подниматься. Я в очередной раз подошёл к борту и уставился в подзорную трубу. Да, это была она. «Удача мертвеца». Кулак сам по себе сжался, так, что я чуть не раздавил оптику, но я вовремя опомнился. В голове будто переключился режим, все лишние мысли и эмоции пропали. Остались только я и моя цель.

Предатели тоже заметили нас, на их грот-мачту взметнулся чёрный флаг. Правый борт «Удачи» ошестинился пушками, хотя мы всё ещё были очень далеко.

— Всех навверх! — приказал я, и Даннет засвистел в боцманскую дудку.

Корсары выбежали, готовые к хорошей драке, и я довольно осклабился.

— Тому, кто собьёт мачту — плачу сотню пиастров! Тому, кто повредит руль — половину своей доли! Тому, кто утопит корабль — пулю в голову! Мне нужен этот бриг! —

закричал я, наблюдая, как переглядываются канониры.

Я зажал в кулаке индейский амулет, висевший на шее, искренне надеясь, что это поможет. Обычно металл приятно охлаждал кожу, только и всего, но сейчас птица была холоднее льда.

«Удача мертвеца» повернулась к нам кормой, Мур трусливо поджал хвост. Мои парни свистели и кричали оскорбления. Я вновь прильнул к подзорной трубе и увидел, наконец, название брига.

— Господи Иисусе, — сказал я. — Господи Иисусе Христе!

— Что там, капитан? — спросили меня, я не понял, кто именно.

— «Сладенькая Нэнси». Чёртов предатель назвал её «Сладенькая Нэнси»! Ублюдок! Сволочь! — я вышел из себя. Такого я не ожидал и ожидать не мог.

Корсары рассмеялись, но мне было не до смеха, меня буквально затрясло от ярости.

— Добавить парусов! Мы должны его догнать! — заорал я, глядя, как «Сладенькая Нэнси» постепенно отдаляется.

На корме брига я видел предателя, который посмел украсть мой корабль. Хотелось вытащить пистолет и выстрелить, но я понимал, что это бесполезно, Уильям перед смертью должен увидеть моё лицо. Чтобы знал, с кем имеет дело. Ну и, конечно, пистолетная пуля просто не долетит.

«Мститель» тоже шёл за нами, но скорости ему не хватало. Барк не был приспособлен для погонь. Я должен был догнать предателей и связать их боем.

Чёрные тучи на юге подходили всё ближе, и я уже слышал раскаты грома в отдалении, несмотря на раннее утро. Этого только не хватало. Волны становились всё выше, ветер дул всё сильнее.

На корме «Сладенькой Нэнси» мигнула вспышка, громынула пушка, одна из четырёх кормовых орудий. В десятке ярдов впереди плеснуло ядро, с шипением погружаясь в морскую пучину.

Я посмотрел в подзорную трубу. У борта стоял Джек Галлоуэй, боцман, я узнал его по неизменной красной повязке на голове. Он показывал неприличный жест. Я заскрежетал зубами. Пока что я бессилён что-то сделать, но совсем скоро все они будут болтаться на реях.

«Немезида» неслась вперёд, словно неудержимая богиня возмездия, а я ходил по пшканцам, нервно сжимая рукоять шпаги. Ожидание и погоня — вот две вещи, которые заставляют нервничать больше всего.

— Сэр, мы на расстоянии выстрела! — кричал один из канониров.

— Стреляйте! — махнул я рукой, и две носовые пушки с оглушительным грохотом выплюнули ядра.

Где-то вдалеке сверкнула молния, раздался гром. Наши ядра ушли в молоко, неудивительно на таком расстоянии. Предатели ответили ещё одним залпом, но тщетно, на бригае пушки стояли слабее, ядра не долетели.

Ветер задул сильнее, порывами, мачты и снасти натужно скрипели и трещали. Если лопнет хоть один парус, то я могу снова потерять ублюдков, а мне хотелось поскорее отправить их в гости к дьяволу.

Волны били по корпусу, поднимая в воздух тучу водяной пыли, вдали сверкали молнии, всё чаще и чаще. К счастью, мы догоняли. Канониры перезарядили пушки и снова дали залп. Сквозь пороховой дым я увидел, как разлетаются переборки «Сладенькой Нэнси». Я

возликовал, ведь скоро свершится то, к чему я так давно стремился!

Бриг повернул оверштаг, видимо, надеясь дать по «Немезиде» залп изо всех орудий. Мы повернуть уже не успевали, да и я не предвидел такого варианта — Уильям всегда был трусоват для такого поступка.

— Всем лечь! — заорал я, видя, как вражеские пушкари уже подносят запальники.

Раздался грохот такой силы, будто небесная твердь обрушилась на наш бранный мир, а затем пушки выстрелили, и звуки выстрелов показался мне детскими хлопками. По палубе пронёсся вихрь из раскалённых ядер, который сметал всё на своём пути. Я услышал пронзительные крики своих людей и встал в полный рост. По лицу текло что-то горячее, и я не мог понять, дождь это или чьи-то мозги.

— Ублюдки! — зарычал я, не в силах сдержать эмоции. — Рулевой, на четыре румба вправо!

«Сладенькая Нэнси» поспешила убраться подальше, пока не попала под бортовой залп фрегата. Десять пушек могли мгновенно сделать из неё решето.

Порыв ветра сорвал с неё фок, который теперь болтался на рее, словно огромный белый флаг. Марсовые полезли его снимать, пока он не перепутал весь такелаж, но один из них сорвался с вант, получив реей по голове, и полетел в бурлящее море. Я наблюдал за этим с жестокой улыбкой, несмотря на то, что знал всех на том корабле.

Спустился крупный дождь, и каждая капля разбивалась о палубу с громким стуком. Воздух наполнился звуком барабанного боя, который идеально подходил для сражения.

«Немезида» повернулась левым бортом, канониры синхронно, как на учениях, воспламенили порох. Десять ядер прошли по палубе брига, собирая кровавый урожай. Прямо позади него в воду ударила молния, словно копьё разъярённого бога. Гром последовал за ней почти мгновенно, и от его раскатов мурашки побежали по коже.

Ветер засвистел ещё сильнее, мы убрали почти все паруса, но нас всё равно начало относить дальше от брига. «Мститель» боролся со стихией где-то позади, так и не добравшись до места сражения. Предатели всё-таки отвязали хлопающий фок, и парус взлетел вверх почти на половину кабельтова, я потерял его из виду. Бриг набрал скорость, отдаляясь от нас и наших пушек, а волны поднялись настолько, что корабль порой полностью скрывался из вида.

Я стоял, мёртвой хваткой вцепившись в перила фальшборта и не обращая внимания на шторм. Судьба снова отняла у меня возможность отомстить, но я отчаянно желал, что «Сладенькая Нэнси» погибнет в этой буре. Пусть не от моей руки, но погибнет.

Через пелену дождя я замечал среди волн силуэт моего брига. Истинное лицо труса — это его затылок, когда он бежит с поля боя.

Корабль бросало на волнах из стороны в сторону, палубу заливала солёная вода, которая тут же устремлялась в шпигаты, чтобы через мгновение снова оказаться на палубе. Порывы ветра рвали паруса на части, мачты качались словно пьяные девки.

«Мститель» исчез из виду, но я был уверен, Филипп справится. Если что случится, то он знает, куда идти.

Молнии били вокруг, словно кто-то вбивал в море раскалённые гвозди. Раскаты грома звучали почти ежесекундно, а дождь хлестал так, будто каждая капля хотела вбить тебя в землю.

Я лично встал за штурвал, ожесточённо сражаясь со бушующим морем. Посейдон жаждал крови, но сегодня её пролилось достаточно. Волны прокатывались по палубе, но

«Немезида», хоть и потрёпанная, жила и боролась. Раздался истошный крик — какого-то бедолагу смыло в море, ему уже ничем не помочь. Налетел очередной шквал, ветер ревел в такелаже и парусах, пытаюсь сорвать их и унести в море.

Ко мне подбежал матрос, его лицо закрывали мокрые волосы.

— В трюме вода, прибывает! Два фута как минимум! — задыхаясь от усталости сказал он.

— Дерьмо! Откачивайте, посменно, по десять минут каждый! — приказал я.

Клянусь, раньше такого шторма я не видел нигде. Примерно в лиге от нас ветер поднял в воздух целую тучу водяной пыли, закружил, да так, что водяной смерч поднялся до самого неба, сливаясь с чёрными облаками. Волны поднимались даже выше кормовой надстройки, но фрегат пока успешно справлялся, лавируя на гребне. Всего один неудачный манёвр может разломать корабль пополам, как это нередко бывает.

Я промок до нитки, стоя за штурвалом, зубы отстукивали чечётку. Казалось, что буря началась целую вечность назад, хотя на самом деле прошло не больше часа.

Фрегат сильно накренился вправо, переваливая через очередную волну, и я едва не полетел за борт. У меня хватило ума отпустить штурвал, чтобы не повернуть корабль куда не надо.

Шторм, яростный и неистовый, бушевал ещё несколько часов, а затем кончился в считанные минуты. Небо окрасилось в пронзительно голубой цвет, выглянуло яркое тропическое солнце, а ветер из безумных шквалов превратился в ласковый бриз.

Нас вынесло к югу на несколько десятков миль, доски по правому борту дали течь. Треснула бизань, ветром оторвало несколько рей. «Немезида» легла в дрейф и принялась за ремонт.

Первым делом залатали течь в корпусе — спустили за борт просмолённый кусок парусины, подвели под течь и закрепили, затем откачали воду из трюма, насколько смогли. Заменить бизань-мачту не было возможности, поэтому её укрепили досками. Рей и паруса поставили новые, с этим проблем не возникло.

Вся команда была вымотана до предела, сражение с бурей всегда выматывает. Но отдохнуть некогда, и я приказал идти на север, обратно к Кубе. Я снова встал за штурвал, хотя чуть не падал от усталости.

Я должен снова найти предателя, чего бы это ни стоило.

«Немезида» медленно рассекала волны, неутомимая, как настоящая богиня мщения. Впереди виднелись зелёные джунгли кубинского берега. Я ходил вдоль борта, до боли в глазах всматриваясь в горизонт. Я очень надеялся, что «Мститель» выжил в шторме и встретит меня у берегов Кубы.

Солнце катилось за горизонт, в болота Флориды и Луизианы, в дикие и неизведанные земли. Тихие волны засверкали в последних лучах, а чайки, выбравшиеся из укрытий, резко кричали, летая над кораблём в поисках поживы.

Мы курсировали у побережья до самого утра, дожидаясь Филиппа, а затем я приказал повернуть на запад и выходить в пролив. Справимся и без него. Будет сложно, но мы справимся. Мэдифорд наверняка подбил на эту авантюру многих капитанов.

К мысу Кахин — крайней западной точке Кубы — мы вышли под утро. Тёплое течение подхватило «Немезиду» и повлекло за собой на северо-восток. Я видел архипелаг Лос-Колорадос на востоке, возле самой Кубы, зелёную полосу Флоридского полуострова на

севере и несколько парусов прямо по курсу. Надеюсь, что это Береговое братство, а не гаванский патруль.

Я достал подзорную трубу и впился взглядом в эти корабли. Флагов не было, так что, скорее всего, это пираты.

В сотне миль впереди лежала Гавана, столица испанских колоний, которая весь год собирала золото и драгоценности со всех городов, посёлков и деревень, принадлежащих испанской короне. Испанцы считали себя полноправными владельцами Нового Света, а очень многие с этим были несогласны. В том числе и мы.

Именно здесь, возле Лос-Колорадос, мы должны подловить целый флот галеонов, самый защищённый, но в то же время, самый богатый флот на всей Земле. Найти и уничтожить. Постаравшись на этом нажиться, разумеется.

Я приказал лечь в дрейф — я не собирался присоединиться к пиратской эскадре. Среди вольных капитанов я нажил немало врагов.

Но мой враг номер один — Уильям Мур, трусливо сбежавший с поля боя, здесь пока не появлялся. Готов поклясться, он ещё придёт, ублюдок не упустит возможности урвать свою долю от испанского пирога.

Оставалось только ждать, терпеливо ждать. Матросы под руководством боцмана сшивали паруса, сплетали и смолили новые канаты, заделывали пробоины, оставшиеся после боя со «Сладенькой Нэнси». Меня до сих пор трясло от этого названия, когда я ненароком вспоминал его.

«Немезида» встала на якорь в крошечной бухте неподалёку от Кайо-Левиса, но на берег никто не сходил под строжайшим запретом. Местные, конечно, могли увидеть нас с берега и предупредить всех, но лучше не рисковать и не нарываться на драку.

К следующему вечеру из-за мыса показался силуэт «Мстителя», целый и невредимый. Мы просигналили ему, и барк вновь присоединился к моей эскадре.

Филипп со своими офицерами поднялся на борт «Немезиды» и я крепко пожал его руку.

— Рад тебя видеть, — сказал я.

— Взаимно, — ответил он и улыбнулся.

— Как шторм? — спросил я.

— Укрылись в бухте, вроде этой. Немного потрясло, но, в целом, без потерь, — произнёс француз. — Несколько синяков и шишек не считаются.

— Повезло, — сказал я.

Странно, но Филиппу всё давалось легче, чем остальным. Тут поневоле станешь верить в Бога.

Мы все вместе поужинали в кают-компании, поболтали на отвлечённые темы, а после заката разошлись. Филипп вернулся на свой барк, а я вернулся в свою каюту и уснул, как младенец.

Следующий день прошёл в праздности и безделье. Нет, конечно, на корабле всегда есть чем занять матросов, но по сравнению с днём в открытом море это было безделье. Я разрешил открыть бочку вина, раздал всем по чарке, строго контролируя, чтобы всем досталось поровну, и ровно столько, чтоб захмелеть, но не напиться. Флот мог пойти в любой момент, а снова лезть в драку с мертвецки пьяной командой я не хотел.

Я следил за кораблями на горизонте, за побережьем, но не уследил за собственной командой. К вечеру на баке вспыхнула небольшая пьяная потасовка, к счастью, до крови дело не дошло, ограничившись парой синяков. Воистину, безделье — это игрушка дьявола.

За драку оба моряка получили от боцмана палкой. Зачинщик — пятнадцать ударов, второй участник — десять.

На следующий день ничего не изменилось. Флот из Гаваны так и не вышел, поэтому я устроил тотальную уборку. Драили палубу, драили трюм, ловили и убивали крыс. К закату «Немезида» была готова не то, что к битве с испанцами, даже королевский стюард не нашёл бы, к чему придраться.

Я тренировался со шпагой, учил новобранцев орудовать саблей, драться в узких коридорах трюма, использовать предметы окружения. Учил всему, что знаю сам, ведь это пригодится каждому из нас, когда мы пойдём на абордаж проклятых галеонов.

И в тот момент, когда я уже отчаялся увидеть на горизонте эти самые галеоны, парень из вороньего гнезда закричал изо всех сил:

— Испанцы на горизонте!

Мы встрепнулись, как пробуждённые ото сна хищники, поставили паруса, даже быстрее, чем на учениях, и отправились на охоту.

Золотой флот шёл в строгом порядке — военные галеоны, грузовые корабли, сопровождение. Настоящие плавучие крепости, с лучшими капитанами и моряками Кастилии, Андалусии и Арагона. Крепкие орешки, но надеюсь, они окажутся нам по зубам.

Пираты слетелись на караван, словно стая голодных волков. Я увидел среди них несколько знакомых — «Козырный туз» капитана Хендерсона, «Левиафан» капитана Уэйна, «Пантера» капитана Симпсона. В жизни не представлял, что вообще возможно в наше время собрать такой флот из пиратов и разбойников, здесь было несколько десятков самых различных кораблей. Меньше, чем у Моргана во время похода на Панаму, но достаточно, чтобы стать самой грозной силой на Карибах.

Раздались первые выстрелы — военный галеон дал бортовой залп по какому-то люггеру, и тот разлетелся на части, будто его разорвал обезумевший титан. Всё затянуло порохомым дымом, я только слышал жуткие крики, треск горящего дерева и новые выстрелы.

Я перекрестился, с ужасом наблюдая за гибелью отважных корсаров.

«Немезида» приближалась к галеону на расстояние пушечного выстрела, «Мститель» шёл следом. Я оглядел команду — все жутко нервничали, но всё же пытались шутить и улыбаться. С такой командой я бы и в ад спустился без оглядки.

Пиратский корвет впереди дал слитный залп по испанскому кораблю сопровождения. Книппели засвистели в воздухе и прошли по палубе чудовищным вихрем, сея смерть и разрушение. Грот-мачта испанца затрещала и повалилась набок вместе со всеми парусами и такелажем, бездвигив корабль, но канониры не дремали — пушки левого борта выстрелили по флибустьерам, пиратов здорово потрепало.

Задние корабли Золотого флота стали разворачиваться, чтоб вернуться в Гавану, но им наперерез уже спешили пираты. Мышеловка захлопнулась, но не полностью — весь флот был нам не по зубам. Даже добыча с одного галеона могла превзойти всё, что ты награбил за год.

Я наметил себе жертву — грузовой корабль под названием «Сан-Ильдефонсо». К нему ещё никто не успел подобраться, он шёл чуть в стороне от остальных, а самое главное, пушек на нём было не так много, как на других галеонах.

Филипп шёл за мной, мы договорились действовать вместе, как одна команда. По плану, мы должны взять галеон в клещи, обстрелять с двух сторон и одновременно взять на

абордаж. Но по плану всё идёт очень редко, поэтому я разрешил действовать по ситуации.

«Левиафан», на котором я имел честь послужить, крутился вокруг высокого грузового корабля словно охотничий пёс, загоняющий добычу. Галеон отстреливался из пушек, но капитан Уэйн старался держаться в мёртвой зоне и планомерно сбивал испанцу мачты. В подзорную трубу я видел капитана — тот, разодетый, как на приёме в Версальском дворце, ходил по палубе, командуя пушкарями. Двуличный ублюдок.

Грязно-серый удушливый дым затягивал всё, стелясь над водой и закрывая обзор. Грохот пушек сливался в одну непрерывную канонаду, изредка разбавляемую истошными воплями умирающих.

По спине у меня пробежали мурашки, никогда прежде я не видел такого сражения. В море я заметил акул, почуявших кровь. Сегодня у них будет праздник.

«Сан-Ильдефонсо» заметил нас сквозь толщу дыма и повернулся левым бортом.

— Ложись! — заорал я, дрожа от возбуждения и предвкушения битвы.

Пушки испанского галеона громыхнули почти синхронно, во все стороны полетели щепки и обломки. Ядра врезались в палубу и надстройки, драли паруса, разрывали людей на части. Воздух наполнился солёным запахом крови и порохового дыма.

— Огонь! — приказал я, как только дым немного рассеялся.

Фрегат шёл наперерез испанскому кораблю, и канониры правого борта выстрелили как только смогли взять прицел. По палубе «Сан-Ильдефонсо» будто прошёлся разъярённый демон, несколько ядер прошили корпус испанца навывлет.

— Заряжайте картечь! — крикнул я. — Готовьтесь к абордажу!

— Сзади, сэр! Бриг! — кто-то из obsługi кормовых орудий привлёк моё внимание и я обернулся.

«Сладенькая Нэнси» показалась абсолютно не вовремя.

— Дьявол... — прошептал я.

Я оказался перед сложным выбором, и решение нужно принять моментально.

— Держим курс на испанца! — заорал я, больше всего стараясь убедить в этом самого себя.

«Мститель» выстрелил по бригу, не причинив ему особого ущерба, он был почти на пределе дальности. Похоже, у Филиппа немного сдали нервы.

Испанцы стреляли по нам из мушкетов, пока их пушки перезаряжались, и я буквально кожей чувствовал пролетающие мимо пули. Флибустьеры отстреливались, заставляя донов прятаться от пуль, пока мы подходим всё ближе.

Я постоянно оборачивался, наблюдая за бригом. Предатели догоняли, видимо, в надежде поживиться нашей добычей. Дождаться, пока мы расправимся с галеоном, а потом прийти уже на готовенькое.

Примерно в кабельтове от нас капитан Хендерсон на своём корвете абордировал испанское корыто. Я слышал звон сабель и сухие пистолетные выстрелы, перемежающиеся с криками.

— Пушки заряжены, сэр! — прокричал Смоллвуд.

— Стреляйте, чёрт вас подери! — приказал я, и на палубу «Сан-Ильдефонсо» пролился свинцовый дождь.

Крупная, размером с орех, картечь прошла через всю палубу испанца, не оставляя в живых никого. Одна такая пуля оставляла выходное отверстие размером с кокос, а сколько их было засыпано в пушки — Бог его знает. Сотни? Тысячи?

— Кошки к борту! — раздался зычный голос боцмана, и абордажная команда приготовилась к драке.

Выжившие после залпа испанцы вяло отстреливались, но настоящая опасность находилась на оружейной палубе галеона. Вот там наверняка осталось достаточно солдат. Крюки перелетели через бурлящее море, и два корабля оказались намертво скреплены.

Я обернулся — и тут «Сладенькая Нэнси» дала залп. Во все стороны полетели щепки, я почувствовал, как повязки на лице пропитались чужой кровью. Сквозь дым я видел, как ядром оторвало голову старику Даннету и его тело упало, будто тряпичная кукла. Половина абордажной команды была убита или ранена, по свежим доскам текла густая алая кровь.

«Мститель» подошёл вплотную к испанскому галеону, я услышал звонкий голос Филиппа, командующего абордажем.

— Пленных не брать! — заорал я и первым кинулся на вражескую палубу, не сомневаясь, что все последуют за мной.

Вся палуба галеона была залита кровью, повсюду лежали мертвецы. Я, запрыгнув на шканцы, зарубил легкораненого мушкетёра, который пытался перезарядить мушкет одной рукой. С другого борта запрыгивали абордажники Филиппа, сразу бросаясь в драку.

На меня накинулся испанский солдат, в измазанной чужой кровью кирасе. Его смуглое лицо было перекошено от ярости и ужаса, он пытался заколоть меня штыком, размахивая им из стороны в сторону. Я скупым точным уколом отправил его в мир иной, и парень умер, зажимая пробитое горло.

«Сладенькая Нэнси», словно гиена, вертелась вокруг нас, изредка стреляя из пушек.

— Мур, ты трусливый ублюдок! — заорал я изо всех сил, надеясь, что он меня услышит.

Он услышал. Бриг подошёл к «Мстителю» вплотную, борта столкнулись с оглушительным грохотом.

— Надо было тебя повесить! — услышал я знакомый голос и меня затрясло от нарастающего гнева.

Я стиснул рукоять пистолета. Пулю, предназначенную ему, я зарядил заранее. Я шёл сквозь огонь и кровь прямо к нему, механически прорубаясь через ряды испанцев.

Мои абордажники топорами вскрыли капитанскую каюту, открыли люки на пушечную палубу и в трюм, и людская масса хлынула в тесные коридоры, драться ради золотых монет и драгоценных камней.

На одном галеоне оказалось сразу четыре команды, и сражение превратилось в полный хаос. Я убивал всех, кого не мог узнать.

Незнакомый пират в широкополой шляпе кинулся на меня с саблей. При каждом взмахе с кончика сабли срывалась алая капля крови. Пират мерзко ухмылялся, уверенный в скорой победе — до сих пор я только уворачивался от его ударов.

— Сдохни! — прорычал он.

Я резким движением ушёл в сторону, чуть не столкнувшись с одним из соратников, и сабля прорезала воздух в том месте, где я только что был. Моя шпага взметнулась вверх, чтобы тут же обрушиться ему на голову, но враг парировал мой удар. Клинки столкнулись с оглушительным звоном, я тут же пнул пирата в колено.

Тот зашипел от боли и попытался достать пистолет. Это и было его ошибкой. Пока он выхватывал оружие, я двинул ему кулаком в челюсть, а затем чиркнул шпагой по горлу.

Сражение шло уже на нескольких кораблях — команду Уильяма оттеснили на борт «Мстителя». Я снова заметил знакомый силуэт моего бывшего помощника и побежал к нему.

— Эдди, дружище! — воскликнул он, словно мы встретились в таверне как добрые друзья, а не стояли друг напротив друга в битве.

— Уильям Мур, — процедил я.

Болтать с ним было глупо — хитрый ублюдок обычно этим и пользовался, осыпая противника оскорблениями, чтоб вывести из себя.

— Поверить не могу, что ты ещё не сдох, — улыбнулся он, покачивая ирландским полоторным мечом.

— Не мог пропустить веселье, — ответил я и бросился в атаку.

Предатель легко парировал мои выпады, но я не мог просто так отступить — шпага свистела в воздухе, я бешено размахивал клинком, от ярости позабыв все уроки фехтования.

Мур поймал меня на контратаку, я успел отскочить, но он всё-таки порезал мне кожу на груди. Индейский амулет упал на палубу с громким стуком и куда-то укатился.

— Я буду кромсать тебя, пока ты не заплачешь, — сказал он, провоцируя меня на ещё один выпад, но я не поддавался.

Повязка на лице ослабла и сползла на глаза. Я сорвал её резким движением и зашипел от боли, чувствуя, как вместе с тканью отрывается зажившая кожа. По лицу потекла кровь, капая на палубу.

— Тебя что, черти в аду жарили? — спросил Уильям, глядя на ожоги.

Я заметил страх в его взгляде.

— Вернулся за тобой, — произнёс я.

Я поднял шпагу остриём вверх и шутливо отсалютовал предателю, а затем сделал несколько быстрых выпадов. Уильям отскочил от каждого, отступая назад и размахивая мечом, а затем кинулся на меня, пытаясь разрубить меня от шеи до паха. Я легко уклонился и ткнул его шпагой в грудь. Клинок заскрежетал по ребру, на белой рубашке выступила кровь. Уильям отошёл на два шага и неверящим взглядом уставился на алое пятно.

— Я разрежу тебя на кусочки! — зарычал он, стараясь скорее приободрить себя.

Слева от меня дрались два пирата, и я подскочил к ним, ударом в спину прикончив незнакомого. Уильям Мур снова бросился на меня, пытаясь финтами и ложными выпадами отвлечь моё внимание.

Меч просвистел рядом с моим ухом, едва не лишив меня головы. Я шпагой попытался отбить очередной удар, но тяжёлый меч попросту сломал её.

— Ты мне надоел, — сказал я и выстрелил предателю в лицо той самой пулей, которую хранил при себе как напоминание.

Я не испытал никаких эмоций, ни облегчения, ни радости, ни чувства выполненного долга. Глядя, как оседает на землю мёртвое тело, я думал о том, что делать дальше. Я отвернулся, выхватил меч из остывающей руки и продолжил драться.

Видя, что их капитан мёртв, многие из предателей бросали оружие и сдавались, но я пощады не знал. Я убивал всех, без разбору, кромсал будто мясник, механически, без эмоций. Кровь, текущая с моего лица, запеклась чудовищной маской.

Галлоуэя, боцмана, я нашёл уже мёртвого, кто-то разрубил ему голову. Я плюнул на его труп и пошёл дальше по палубе «Мстителя», сея смерть и внушая ужас.

Квартирмейстер Кэмпбелл упал на колени передо мной, умоляя о пощаде. Он клялся и божился, что не хотел участвовать в том заговоре, но мне было плевать. Я, не обращая внимания на кипящее вокруг сражение, взял верёвку, перекинул через грота-рею и вздёрнул предателя.

Битва распалась на несколько маленьких драк, флибустьеры добивали оставшихся и гасили сопротивление.

На носу «Сладенькой Нэнси», отступив к самому бушприту, дрался юный Джимми. Парень бился как загнанная в угол крыса и не сдавался, даже истекая кровью. Я подошёл поближе.

— Отставить. Пусть живёт, — приказал я.

— Поганец уже четверых наших зарезал! — кто-то посмел мне возразить, но мне хватило одного взгляда, чтобы осадить несогласного.

Я подошёл к парню и протянул ему руку. Джим выставил саблю в мою сторону, но рубить не пытался.

— Убери тесак, Джимми, — сказал я устало.

Он протёр окровавленный клинок и сунул за пояс, а затем крепко пожал мою ладонь.

— Рад, что ты с нами, — сказал я.

Я посмотрел вокруг. Все четыре корабля были залиты кровью, мертвецы лежали, будто спящие. Вдали ещё гремели пушки, но большая часть каравана ушла. Битва окончена.

Первым делом мы убрали трупы. Своих мертвецов накрыли парусиной и сложили отдельно, врагов бросили за борт на поживу акулам.

Затем осмотрели добычу с галеона. Я лично спустился в трюм, чтобы посмотреть на ровные штабеля золотых и серебряных слитков. Выглядели они иначе, чем я себе представлял — тусклые одинаковые кирпичи с испанским гербом. Я запер трюм и приставил к нему надёжную охрану.

После драки нас осталось не так много, как я ожидал. Вмешательство «Сладенькой Нэнси» испортило все планы, но зато я добился своего. Я построил всю команду на палубе «Сан-Ильдефонсо» и пересчитал оставшихся. Сорок два человека, если считать раненых. Умиравших добивали из милосердия.

На четыре корабля этого было слишком мало, и я принял решение затопить «Мстителя». Филипп, легко раненый в плечо и ногу, вяло протестовал.

— Заберёшь «Немезиду», — пообещал я.

Сам я хотел вернуться на свой бриг.

Я вышел на палубу «Мстителя» и коснулся грот-мачты.

— Ты отомстил, дружище, — прошептал я кораблю. Такелаж заскрипел в ответ, и я приказал рубить.

Несколько матросов с топорами спустились в трюм, пробили днище и барк начал уходить под воду. Я перешёл на борт галеона, «Мстителя» оттолкнули баграми и вся команда печально смотрела, как он тонет. Вода бурлила, словно в кипящем котле, а когда в море погрузилась грот-стенга — то всё кончилось.

Мы поставили паруса, взяли курс на юго-запад и поспешили убраться отсюда. Где-то вдалеке всё ещё грохотали пушечные выстрелы.

К вечеру, когда кубинский берег превратился в тонкую полосу на горизонте, а мертвецы начали пахнуть, я провёл заупокойную. Каждого зашили в парусиновую койку, положили в ноги ядро и отправили в рундук к Дэйви Джонсу. Каждого из них я знал, кого-то больше, кого-то меньше, но каждый мертвец, уходящий за борт, словно ножом резал мне по сердцу. Никогда ещё мне не было так жаль умерших товарищей, и я думал, что это из-за того, что они стали жертвами моей ненасытной жажды мести и жажды наживы.

Я стоял, вцепившись в фальшборт «Сан-Ильдефонсо» и чувствовал, как скупая мужская слеза стекает по обезображенному лицу, оставляя горящий след. Я захотел остепениться.

— Адмирал, какие дальнейшие приказания? — обратился ко мне Джефффри, которого я временно назначил командовать захваченным галеоном.

— Курс на Ямайку, идём линией, фрегат первым, бриг замыкает, — приказал я.

Галеон, полный золота, был слишком ценной добычей.

Я вернулся на бриг, прошёлся по знакомым местам, вернулся в капитанскую каюту. Здесь всё изменилось с тех пор. Книги исчезли, вместо них стояли шкафы с одеждой, выпивкой и награбленным хламом. Стол из красного дерева пропал вместе со всем содержимым — документами, картами, письмами, на его месте появился другой. Это была не «Удача мертвеца», теперь это была «Сладенькая Нэнси».

Это нужно было срочно исправить. Я лично спустился за борт с ножом и счистил буквы, а затем написал новое название. Бриг снова стал тем, кем был.

Я нашёл в каюте несколько бутылок хорошего ямайского рома и позвал капитанов и офицеров на ужин. Их общество хоть как-то скрасит моё одиночество на пути в Порт-Ройал.

Первым ко мне пришёл Джон-индеец. Обвешанный амулетами как рождественское дерево, он сел за стол напротив меня и пристально посмотрел мне в глаза. Индейца выбрали старшим помощником на «Немезиде» — неплохая карьера для бывшего невольника.

— Здравствуй, Джон, — сказал я, извлекая стаканы из ящика стола.

— Здравствуй, адмирал, — ответил индеец.

Что-то в нём неуловимо изменилось, но я не мог понять, что именно.

— Выпьешь? — спросил я.

— Никак нельзя, — ответил Джон, качая головой. — Духи не велят. Поговорить хотел.

Я налил себе полстакана и поднял, приветствуя индейца.

— Дай-ка догадаюсь, — произнёс я. — Духи что-то нашептали обо мне?

— Нет. Замолчали, — индеец оставался абсолютно серьёзным. — Что-то с тобой произошло.

— Добился цели? Захватил лучший приз в своей жизни? — улыбнулся я.

— Нет. Духи ушли от тебя. Не вижу их, — сказал он, перебирая амулеты. Свой амулет после сражения я найти так и не смог.

Я и в самом деле после битвы чувствовал себя так, будто из меня вынули стержень. Но я считал, что это из-за того, что у меня не осталось целей в жизни.

— Мёртвый был, мёртвый и сейчас, — сказал Джон, но я вообще ничего не понял. — Не вернётся дух — совсем мёртвый будешь.

— Чушь, — произнёс я, и тут же раздался стук в дверь.

В каюту вошли остальные: Филипп, Джеффри, Кристоф. Я пригласил их за стол, налил каждому по кружке рома, и мы подняли тост за хорошую добычу.

На горизонте показались горы, чуть подёрнутые утренней дымкой. Впереди лежала Ямайка, где нас ждал самый тёплый приём. Когда у тебя в трюме лежит золота и серебра почти на миллион песо — тёплый приём будет обеспечен везде.

Я стоял на шканцах своего брига и смотрел вдаль, на сверкающее позолотой море. Во всём теле чувствовалась какая-то усталость, раны, новые и старые, болели, как никогда раньше. Я ощущал себя дряхлым стариком и всё чаще раздумывал над словами индейца.

Жизнь без цели высасывала из меня силы, я целыми днями только и делал, что ходил по палубе и лежал в каюте. Я чувствовал, будто сам запер себя в клетку и выбросил ключ.

На подходе к острову поделили добычу, чтобы уже в городе каждый мог распорядиться своей долей. Губернатору оставили двадцать процентов, остальное поделили между собой. В масштабах захваченного — гигантская сумма, но я предполагал, что жадному чиновнику и этого будет мало.

Впереди по курсу лежал Порт-Ройал, лучший город британской Вест-Индии. Гавань была удивительно пустынна, лишь несколько рыбацких лодок покачивались на волнах. Наш караван прошёл к гавани, и я смотрел, как у причалов собирается народ, чтоб поглазеть на захваченный галеон.

Корабли пришвартовались, мы сошли на берег, где нас уже встречал лично губернатор. Никогда раньше не удостаивался такой чести.

— Охрану к галеону, — приказал он своим солдатам, и британские красномундирники встали в караул возле трапа.

Я поклонился Мэдифорду, краем глаза заметив, что мои офицеры делают то же самое.

— Чем имею честь, сэр? — произнёс я.

— Добро пожаловать в Порт-Ройал, капитан Картер, — сально улыбнулся губернатор, видимо, предвкушая, какую долю добычи он получит.

— Спасибо за тёплый приём, сэр, — сказал я, глядя, как толпа горожан перешёптывается между собой. Вот здесь и возникают слухи. — Захватили четыреста тысяч песо золотом и серебром. Проклятые даго выбрасывали золото за борт, лишь бы нам не досталось, — не моргнув глазом, соврал я.

— Внушительный приз, капитан! — улыбнулся губернатор.

Слуга в расшитой ливрее открыл дверь кареты, и мы сели на мягкие сиденья. Кучер тронул поводья, и мы поехали по разбитой набережной.

— Ну, сколько взяли на самом деле? — спросил Мэдифорд, доверительно склонившись ко мне.

— Четыреста тысяч, не считая того, что поснимали с трупов, — повторил я.

Губернатор откинулся на спинку сиденья и рассмеялся.

— Оставьте эти враки для ваших кредиторов, — жёстко сказал он. — Сколько?

Я вздохнул. Старого пройдоху обдурить почти невозможно.

— Пятьсот пятьдесят. Добычу уже поделили, на вашу долю двести тысяч, — ответил я.

Мэдифорд прищурился и взглянул мне в глаза.

— Да, это уже больше походит на правду. Но мне кажется, когда я рассказал вам о флоте, мы договаривались на пятьдесят процентов? — произнёс он.

— Двести тысяч, — отрезал я. — Вам ещё достанется доля с других кораблей. Сколько вы их наняли, десять? Двадцать?

Губернатор достал шёлковый платок и вытер пот со лба. В карете было невероятно душно, но это — цена престижа.

— Семнадцать капитанов отправилось к Кубе. Кроме вас пока не вернулся никто, — сказал он.

Я тихо присвистнул. Мне, оказывается, крупно повезло, что испанцы, занятые другими кораблями, не пришли «Сан-Ильдефонсо» на помощь.

— Триста тысяч, — произнёс Мэдифорд не допускающим возражений тоном.

— Двести двадцать, — попробовал поторговаться я.

Старик посмотрел на меня, будто я сказал что-то непристойное.

— Мы не на базаре, капитан. Двести пятьдесят тысяч — моё последнее предложение.

Я улыбнулся.

— Мне придётся урезать свою долю, сэр.

— Ваши проблемы, — хмыкнул губернатор.

— Двести пятьдесят тысяч и поместье на острове, и я согласен, — сделал отчаянную попытку я.

К моему удивлению, губернатор задумался.

— По рукам. Завтра в одиннадцать утра вы приносите мою долю, а я выписываю вам дарственную, — согласился он и протянул мне руку.

Я пожал рыхлую старческую ладонь.

— Можете пока отдохнуть в моей резиденции, капитан. Кстати, что у вас с лицом?

— Долгая история, сэр. Немного опалило порохом, — ответил я, и мы наконец вышли из кареты прямо к губернаторскому крыльцу.

С тех пор, как я был здесь, резиденция стала ещё краше. Чего не скажешь о городе. Я прошёл в столовую, приказал служанке принести мне вина и развалился в кресле. Юная мулатка протянула мне бокал кроваво-красной жидкости и молча отошла в сторону, ожидая дальнейших приказов.

Я взгляделся в рубиновую поверхность в бокале. Мне мерещилась кровь, пролитая мной за долгие годы, и я передумал пить. Я встал и вышел в сад, подышать свежим воздухом.

Повсюду цвели орхидеи, лилии и розы, ещё сад был заполнен цветами, которые я узнать не мог. Жужжали пчёлы, трещали сверчки, а где-то наверху пели дивные тропические птицы.

Губернаторский сад внушал какое-то спокойствие и благоговение. Редко где на Карибах можно было встретить такой. Я любовался цветами, и не сразу заметил, как сзади кто-то подошёл.

— Красиво, правда? — раздался знакомый голос.

Я обернулся и увидел её. Леди Монтгомери стояла в двух шагах от меня в пышном лиловом платье, подчёркивающим её фигуру. В волосах сверкала небольшая диадема, а на руках были длинные шёлковые перчатки.

— Моё почтение, — слегка поклонился я, девушка кивнула в ответ.

Я осторожно сорвал какой-то фиолетовый цветок и протянул ей.

— Альстромерия, — улыбнулась она и вдохнула аромат. — Мой любимый цветок. Но срывать было не обязательно.

— Как ваши дела? — спросил я.

Девушка мгновенно погрузилась.

— Не хочу об этом говорить, — вздохнула она. — Может, лучше прогуляемся по саду?

— Конечно, миледи, — произнёс я.

Я выставил локоть, Алисия взяла меня под руку, и мы неторопливо пошли под зелёными ветвями губернаторского сада. Сердце стучало так, что готово было выпрыгнуть из груди.

— А как у вас дела? Я слышала, вы захватили достойный приз, — спросила она.

— Взяли испанский галеон. Золото, серебро, — ответил я. — Потеряли больше половины команды.

Девушка испуганно посмотрела на меня.

— «Мстителю» пришлось затопить, — я вздохнул и провёл рукой по веткам розы, растущей прямо возле дорожки. На пальцах выступила кровь.

— Печально слышать, — произнесла она. — Надеюсь, оно того стоило.

— Почти миллион песо, в общем. Но губернатор об этом знать не должен.

— Конечно, мистер Картер, — сказала Алисия. — Фантастическая сумма.

— Да, — вздохнул я.

Мы прошли ещё немного в неловком молчании, думая о чём-то своём.

Я заметил в саду, полном диковинных тропических растений, куст чертополоха. Неизвестно, как он сюда попал, и почему садовник его не увидел и не выкопал, но его неказистый фиолетовый цветок выделялся среди нежных лилий и орхидей. Колючий куст вырос рядом с той самой альстромерией.

— Завтра я отплываю в Старый Свет, — произнесла девушка.

В её голосе я слышал необыкновенную печаль.

— Политика? — спросил я.

— Династический брак.

Я промолчал, не зная, что ответить.

— Меня выдают замуж за какого-то старикашку. Куча земли, куча связей, куча денег.

— Куча дерьма, — произнёс я. — Простите.

— Не за что извиняться, вы правы. Куча дерьма, — вздохнула Алисия.

Я потрогал запёкшиеся раны на обезображенном лице.

— Вы можете отказаться, никто не вправе вас заставить, — сказал я.

— Нет, я не могу. Это политика, а я всего лишь пешка.

— Ненавижу политику, — сказал я.

Мы прошли ещё немного в тишине. Птицы щебетали над нашими головами, зелёные ветви скрывали нас от палящего солнца.

— Мне пора идти, Эдвард, — сказала девушка.

— Был рад вас увидеть, миледи, — произнёс я.

— Я отплываю завтра в одиннадцать. Каравелла «Плимут». Сначала капитан пойдёт на Невис, а затем уже в Англию.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, миледи, — сказал я.

— Я тоже, капитан, — улыбнулась она. — «Плимут», Невис. Одиннадцать утра.

Я прикоснулся губами к её руке, отчаянно не желая её отпускать. Девушка улыбнулась мне снова, а затем нежно обняла меня и убежала, не оборачиваясь.

Губернаторский сад я покинул вслед за ней, делать здесь было больше нечего. Я не желал останавливаться на ночь в местных тавернах и гостиницах, поэтому пошёл пешком к «Удаче мертвеца».

В голове вился целый рой мыслей. Нестерпимо хотелось напиться до потери сознания, но я знал, что это не выход.

Я шёл по улицам Порт-Ройала, не отвечая на приветственные крики горожан и попытки торговшей и проституток навязать свои услуги. Я шёл, погружённый в свои мысли, не замечая ничего, пока не почувствовал на поясе чью-то цепкую руку.

Кошель, полный золотых монет, сдёрнули с пояса, я обернулся и увидел оборванного мальчишку, бегущего от меня. Я погнался за ним, сбивая с ног прохожих.

Паренёк бежал, петляя, как заяц, нарезаая круги по переулкам, перепрыгивая заборы и пытаясь меня запутать. Он и не подозревал, что все эти трюки я знал едва ли не лучше его. Последствия беспризорного детства.

Я догнал его в тупике в старой части города и вырвал кошелек из его рук. Мальчишка дрожал от страха, увидев моё лицо.

— Не убивайте, прошу... — взмолился он, и я увидел, как по грязному лицу ползут две мокрые дорожки.

Раньше я убил бы его, не задумываясь. Прирезал бы и бросил в канаву. Но сейчас я просто не мог. Я пролил уже достаточно крови в своей жизни.

— Знаешь, кто я такой? — спросил я.

— Кровавый Эд... — всхлипнул мальчик.

— Знал, у кого кошелек тянешь?

— Не-е-ет... — ответил он.

Я достал из кошелька золотую гинею и протянул ему.

— В следующий раз смотри, у кого воруеть.

Мальчик, почувствовав, что я не собираюсь его убивать, помчался наутёк, даже не взяв монету. Я положил её обратно и пошёл к пристани.

Моя эскадра стояла под охраной английских солдат. Немыслимо для пирата, который не арестован. А ведь я даже не капер, я не служу короне официально. Я — обычный разбойник.

Я лежал в каюте и размышлял, что мне делать. С одной стороны, я мог сейчас бросить карьеру пирата, остепениться и стать уважаемым членом общества. Плантатором и чиновником, как Генри Морган. С другой стороны, тогда я больше никогда не увижу Алисию. Но если я проигнорирую губернатора, я так и останусь вне закона, пиратом и разбойником. И даже если потом я вернусь в Порт-Ройал, или в любой другой английский город, меня тут же повесят. Сэр Томас Мэдифорд — очень злопамятный человек.

Я позвал вестового. Оливер выжил в битве, хоть и лишился глаза. Из-за ранения его лицо навсегда приобрело насмешливое выражение, будто он постоянно ухмылялся, но это было не так.

— Да, капитан? — спросил он.

— Позови капитана Пуассона.

— Так ведь ночь уже, — сказал он, и мне показалось, будто он надо мной смеётся.

— Разбуди его, чёрт тебя дери! — зарычал я.

Оливер вышел и через десять минут вернулся с Филиппом.

— Можешь быть свободен, — я отпустил вестового.

Филипп стоял заспанный, в ночной сорочке. На перевязанном плече снова выступила кровь.

— Ты хотел меня видеть? — спросил он.

— Садись, Фил, — сказал я, и француз неловко опустился в кресло.

Я помолчал несколько секунд, глядя в иллюминатор. За ним виднелся Порт-Ройал и его огни. Над городом возвышалось поместье губернатора, а чуть дальше, в холмах, я видел поместье Моргана.

— Я не знаю, что делать, Фил, — сказал я.

Француз посмотрел на меня, ожидая продолжения.

— Что бы ты выбрал, друг? Богатство и покой, или любимую женщину и риск? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Раньше, когда ты только угнал нашу лодку, я хотел лишь вернуться домой и жить спокойно, но теперь уже не смогу.

— Море привязывает к себе похлеще выпивки и опия, — сказал я.

— Если ты и правда её любишь, то ты должен быть с ней, — произнёс Филипп. — Женись.

— Завтра она отправляется в Европу.

Филипп усмехнулся.

— Это всё усложняет.

— Да и я не знаю, как она ко мне относится. Стоит ли пытаться? Я ведь теперь урод, — вздохнул я. — Раньше я был хотя бы просто пиратом и разбойником.

— Если бы ты видел, как она на тебя смотрит, ты бы не задавал таких вопросов.

Я замолчал и уставился в иллюминатор.

— Спасибо, Фил. Ты будешь отличным капитаном.

«Удача мертвеца» скользила по волнам Карибского моря. Я стоял за штурвалом, подставив лицо свежему солёному ветру и напевал шанти про девушку, что ждёт моряка из похода.

Полуденное солнце светило прямо в глаза, а вокруг, в блестящем синем море выпрыгивали из воды дельфины.

— Добрый знак, — произнёс Джеффри, который остался моим старшим помощником.

Я кивнул головой, не прекращая напевать себе под нос моряцкую песенку. Настроение было прекрасным.

— Вижу корабль! — закричал матрос из вороньего гнезда и указал рукой в сторону кормы.

Как раз туда, откуда мы вышли.

Я достал подзорную трубу и посмотрел на горизонт. Там виднелся белоснежный парус.

— Разворачиваемся! — заорал я. — Кораблю к бою готовь!

Я круто заложил штурвал, а флибустьеры умело переложили паруса. Меня затрясло от предвкушения боя, это чувство снова вернулось. Я знал, чего я хочу, и знал, как этого добиться. Дух вернулся ко мне, как сказал бы Джон.

Бриг нёсся вперёд на всех парусах, а я вспоминал, сколько ради него пережил. Но это было ничто, мимолётный каприз и желание не оставлять обидчика безнаказанным. Настоящая цель лежала впереди.

— Пушки к бою! — приказал я, и канониры принялись расчехлять орудия, отмерять порох и выбирать ядра.

Корабль шёл нам навстречу, ничего не опасаясь. Мой бриг теперь был известен всем английским судам.

— Роджера наверх! — закричал я.

На грот-мачту, самую высокую, подняли знаменитый чёрный флаг. Череп и кости развевались над волнами, вселяя страх в мирных торговцев и простых капитанов. А я чувствовал гордость от того, что снова иду под флагом воров, убийц и разбойников.

Я посмотрел на корабль впереди. Английская каравелла пыталась развернуться, но я знал, что от «Удачи мертвеца» не скрыться.

— Заряжайте холостыми! — закричал я. — Ни один волос не должен упасть с её головы!

Пушки выстрелили одновременно, залп был похож на гром среди ясного неба. Каравелле просигналили лечь в дрейф, и я встал на ванты, чтоб первым ступить на палубу. Сердце выпрыгивало из груди, будто я впервые участвовал в абордаже.

«Плимут» убрал паруса, и мы подошли к нему вплотную. Пираты держали всю команду каравеллы на мушке, а я перепрыгнул на чужой корабль.

Алисия вышла из каюты и улыбнулась, а я почувствовал, что именно к этому меня вела моя удача. Удача мертвеца.

Больше книг на сайте — Knigolub.net